

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины
Государственное учреждение
«ПІВДЕННОУКРАЇНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧЕСЬКИЙ
УНІВЕРСИТЕТ імені К. Д. УШІНСЬКОГО»

на правах рукописи

ПУЛЯЕВСКАЯ МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

УДК: 150+121.68+001.4

**ПСИХОСЕМАНТИКА КАК ФАКТОР РАЗРАБОТКИ
ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК**

19.00.01 – общая психология, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук,
профессор
Максименко Юрий Борисович

Одеса – 2012

СОДЕРЖАНИЕ	Стр
ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЯ	11
1.1. Психодиагностика как научно-практическая область.....	11
1.1.1. Современное соотношение практических и теоретических аспектов психодиагностики.....	11
1.1.2. Система базовых концептов психодиагностики как основа методологизирования в создании тестов.....	22
1.2. Основные общенаучные подходы к категории значения.....	29
1.3. Подходы к исследованию значения в лингвистике и психолингвистике.....	33
1.4. Категория значения в психосемантике.....	38
1.4.1. Сопоставление лингвистического и психосемантического подходов к проблеме значения.....	38
1.4.2. Генетический подход к категории значения.....	40
1.4.3. Системный характер категории значения в психосемантике.....	44
1.5. Системное моделирование в психосемантике и значение в контексте системного подхода.....	50
1.6. Категория смысла в изучении проблемы значения.....	60
1.7. Деятельностный подход к категориям сознания и значения.....	66
1.7.1. Функциональная схема образа мира.....	71
1.7.2. «Трёхслойная» концепция структурирования субъективного опыта.....	78
Выводы по первому разделу.....	82
РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ ЗНАЧЕНИЙ	85
2.1. Метод субъективного шкалирования.....	85
2.2. Ассоциативный эксперимент.....	86
2.3. Метод семантического дифференциала и построение семантических пространств.....	90

.....	
2.4. Личностные семантические дифференциалы и частные семантические пространства.....	97
2.5. Методики, основанные на теории личностных конструктов Дж. Келли.....	102
2.6. Методы анализа значений, основанные на трансформации стимульного материала.....	109
Выводы по второму разделу.....	112
РАЗДЕЛ 3. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	114
3.1. Структура эмпирического исследования.....	114
3.2. Описание базы исследования состояния испытуемых и условия проведения тестирования.....	117
3.3. Организация работы экспертной группы.....	121
3.4. Обоснование применения психодиагностических методик для проверки конструктивной валидности опросника Прогноз-3.....	122
Выводы по третьему разделу.....	133
РАЗДЕЛ 4. РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НА ОСНОВЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	134
4.1. Психометрическая проверка опросника Прогноз-2.....	134
4.2. Определение опорных понятий построения семантического пространства нервно-психической устойчивости.....	142
4.3. Факторные описания отдельных понятий.....	148
4.4. Реконструкция семантического пространства нервно-психической устойчивости.....	163
4.5. Разработка первичной формы опросника Прогноз-3.....	169
4.6. Проверка первичной формы Прогноза-3.....	174
4.7. Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника Прогноз-3.....	179
Выводы по четвертому разделу.....	181
ВЫВОДЫ.....	184
ЛИТЕРАТУРА.....	187
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Проблема адекватной психодиагностики по своему возрасту сравнивается с возрастом существования самой цивилизации. Всегда в человеческой практике была необходимость прогнозирования поведения, которому, в свою очередь, необходимы представления о чертах личности и конкретные способы их измерения. В настоящее время существует устоявшаяся потребность в качественном психодиагностическом инструментарии в связи с масштабами применения практической психологии, где с проблемами психодиагностики обязательно сталкивается любой специалист, который проводит психологическое эмпирическое исследование. Соответственно нужны и актуальные разработки на практическом и теоретическом уровне.

Среди работ зарубежных ученых, в которых проанализированы теории психологической диагностики, следует назвать прежде всего исследования таких авторов, как Г. Айзенк, А. Анастаси, Р. Витцлак, П. Клайн, Л. Крон, Я. тер Лаак и другие. Весомый вклад в становление методологической базы психодиагностики внесли работы таких отечественных психологов, как Л.Ф. Бурлачука, А. Бодалева, В.К. Гайду, В.П. Захарова, С.Д. Максименко, Ю.Б. Максименко, В.И. Похилько, О.П. Санниковой, В.В. Столина, А.Г. Шмелева и др. Большинство как зарубежных, так и отечественных ученых подчеркивают, что современное состояние исследований в области психологической диагностики нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно не соответствует требованиям психодиагностической практики и потребностям развития самой психологической науки. В частности, Л. Ф. Бурлачук и Е.Ю. Коржова считают, что методическое обеспечение психодиагностики существенно опережает ее теоретический уровень.

А.В. Фурман также указывает на недостаточную определенность концептуального аппарата психодиагностики и неоправданное сужение практической психодиагностики в "постановке диагноза" без учета жизненной ситуации. Именно поэтому одним из перспективных направлений преодоления

данной проблемы является психосемантика как средство создания более целостного описания.

Этот аспект актуальности усугубляется тем, что практики склонны оперировать «референтным значением» психодиагностических понятий, т.е. подменяют вложенное авторами методик значение своими субъективными, часто примитивными представлениями. Из-за пренебрежения к возможностям дифференциальной психологии в объяснении происхождения и развития индивидуальных различий возникают разногласия в определении понятийного аппарата психодиагностики, а ссылки на концепции личности, которые якобы могут объяснить полученные результаты, становятся декларативными.

Таким образом, психодиагностика сталкивается с диффузным употреблением ее основных понятий, вследствие неразработанности ряда важных теоретических вопросов. Поэтому решение задач психодиагностической практики требует дальнейшей разработки ее непосредственной основы - специальной конкретно-научной теории.

Установленная актуальность и недостаточная изученность обозначенной проблематики в теоретическом и практическом плане обусловили выбор темы диссертационного исследования "Психосемантика как фактор разработки психодиагностических методик".

Связь работы с научными программами, планами, темами. Работа выполнялась в рамках комплексной плановой темы "Теоретические и методологические основы становления личности психолога в системе профессиональной подготовки" кафедры теории и методики практической психологии (номер государственной регистрации № 0109U000192). Тема диссертации утверждена ученым советом Пивденноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского (протокол № 6 от 31.01.2008 г.) и согласована решением бюро Межведомственного совета по координации научных исследований в области педагогики и психологии в Украине (протокол № 1 от 23.02.2010 г.). Автором исследовались такие аспекты комплексной темы, как возможности развития

профессионального самосознания психологов и методологический анализ профессиональной деятельности психодиагноста.

Цель исследования - разработка и апробация теста, главным фактором создания которого является психосемантическая реконструкция его измерительного конструкта в сознании испытуемых.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ ведущих концепций значения в современной психологии, лингвистике и психосемантике и сформулировать основные подходы к исследованию проблемы значения в собственной научной работе.

2. Проанализировать методологические принципы и конкретные эмпирические методы анализа значений и обосновать комплекс психодиагностических методик, наиболее адекватных для реконструкции семантического пространства понятия нервно-психической устойчивости.

3. Реконструировать семантическое пространство измерительного конструкта и создать задачи на основе его анализа.

4. Проверить психометрические показатели и валидность разработанного теста и сопоставить их с аналогичными показателями «оригинального» теста разработанного по традиционной технологии.

Объект исследования: система (семантическое пространство) имплицитных значений, определяющих нервно-психическую устойчивость человека.

Предмет исследования: измерительный конструкт опросника в семантическом пространстве универсального семантического дифференциала испытуемых.

Гипотеза: тест-опросник, разработанный с учетом данных психосемантического анализа значения измерительного конструкта, будет иметь большую валидность и лучшие психометрические показатели, чем разработанный по «традиционной» технологии тест - за счет большей адекватности конструкта психической реальности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения теории деятельности (Л.С. Выготский, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев и др.), концепции «Образа Мира» А.Н. Леонтьева, которая развивается современными исследователями в области психосемантики (А.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, В.И. Похилько, В.П. Серкин, С.М. Симоненко, А.Г. Шмелев и др.), теоретические положения общей и генетической психологии, раскрывающие закономерности развития личности и ее субъективного отражения (С.Л. Рубинштейн, С.Д. Максименко, О.П. Санникова, Б.И. Цуканов и др.), представление о психодиагностике как специфической отрасли мышледеятельности и методологирования (Г.П. Щедровицкий, А.В. Фурман), концепция «измерянной индивидуальности» (Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова), принципы системного подхода (И. Пригожин, В. Ганзен и др.), стандартные требования Американской психологической ассоциации к разработке психодиагностических тестов.

Методы исследования. Для решения поставленных задач был применен комплекс теоретических (анализ научной литературы, обобщение, системный анализ и интерпретация литературных данных, структурно-функциональное моделирование) и эмпирических (тестирование, анализ содержания заданий, реконструкция семантического пространства, групповая формализация эмпирических данных) методов. На методическом уровне для получения непосредственных данных применялись такие психодиагностические методики, как цветовой тест М. Люшера (адаптация Л.Н. Собчик) универсальный семантический дифференциал, предложенный В.П. Серкиным; Шкала эмоциональной возбудимости (адаптация опросника SEA В. Брайтвайта, выполненная А. Рукавишниковым). На первом этапе эмпирического исследования применялся также опросник «Прогноз-2» для определения его психометрических показателей.

Для построения модели семантического пространства нервно-психической устойчивости использовался факторный анализ, для проверки

валидности и психометрической проверки теста разрабатывался сравнительный и корреляционный статистический анализ.

Исследовательско-экспериментальная работа проводилась на базе сборного пункта Донецкого областного военного комиссариата. На разных этапах в исследования в нем принимали участие более 300 призывников, психически здоровых юношей 18-20 лет со средним образованием.

Научная новизна и теоретическое значение исследования:

Впервые предложена принципиально новая основа для создания психодиагностического опросника реконструкции психосемантического пространства, рассмотрены возможности преодоления противоречия между теорией и методом в современной психодиагностике путем практического создания методики, определена проблема адекватности теоретического анализа измерительного конструкта теста и намечены пути ее решения на практическом уровне.

Уточнены и конкретизированы данные по созданию психодиагностических методик, принципы и этапы реконструкции семантического пространства.

Получили дальнейшее развитие принципы системного подхода в применении к реконструкции семантического пространства, в частности, декомпозиция измерительного конструкта продолжается созданием его модели средствами психосемантики, а дальше эта модель реализуется в виде опросника.

Практическое значение полученных результатов заключается в апробации образца конкретной технологии разработки валидных и высоконадежных психодиагностических тестов, а также в создании надежной и валидной психодиагностической методики для выявления нервно-психической устойчивости «Прогноз-3», которая может быть использована в профессионально-психологическом отборе военнослужащих.

Результаты работы были внедрены в учебно-воспитательный процесс Горловского государственного педагогического института иностранных языков

(справка № 184/01 от 31.01.2011г.), Донецкого областного института последипломного педагогического образования (справка № 600/02 от 03.12.2010г.), Донецкого областного военного комиссариата (справка № 214 от 18.01.2012г.).

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на Международной научно-практической конференции «Личностные и ситуативные детерминанты поведения и деятельности человека» (Донецк, 2008), Международной научно-практической конференции «Психологические технологии в экстремальных видах деятельности» (Донецк, 2008), на II Международном образовательном форуме «Личность в едином образовательном пространстве» (Запорожье, 2011), Всеукраинской научной конференции «Смысловое пространство и развитие личности» (Донецк, 2009), Всеукраинском научно-методическом семинаре «Инновационные технологии в дошкольном образовании: духовное развитие ребенка» (Киев, 2011), Научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Современная молодежь и психологическая наука» (Донецк, 2011). Результаты исследования докладывались, обсуждались и получили одобрение на заседаниях кафедры теории и методики практической психологии Пивденноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского (Одесса, 2009-2011).

Публикации. Основное содержание и результаты работы отражены в 6 научных статьях в специальных изданиях Украины.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и приложений. Общий объем 206 страниц. Основное содержание изложено на 176 страницах. Иллюстративный материал представлен в 7 таблицах и 5 рисунках. Работа содержит 2 приложения на 3 страницах. 17 страниц занимает список использованных литературных источников (215 наименований, из них - 6 на иностранных языках).

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЯ

1.1. Психодиагностика как научно-практическая область

1.1.1. Современное соотношение практических и теоретических аспектов психодиагностики. Целью данного подраздела является оценка современного состояния психодиагностики как научной отрасли и области практики, выделение основных тенденций её развития, и определение на этой основе направления нашей работы.

Под психодиагностикой как наукой мы будем понимать дисциплину, разрабатывающую методы выявления и изучения индивидуально-психологических и индивидуально-психофизиологических особенностей человека. В практическом аспекте психодиагностика – это выявление психологических характеристик для решения практических задач. Не менее важно то, что психодиагностика как психологическая дисциплина служит соединительным звеном между научными психологическими исследованиями и практикой.

В последние годы в развитии психологической науки в нашей стране и за рубежом характерно значительное повышение интереса к проблемам психологической диагностики. Значительный вклад в теорию психологической диагностики внесли работы зарубежных авторов [4, [190](#), 193 и др.]. Тем не менее, современное состояние исследований в области психологической диагностики нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно не отвечает требованиям психодиагностической практики и потребностям развития самой психологической науки. Психодиагностика в настоящее время сталкивается с расширительным и диффузным употреблением ее основных понятий, преобладанием эмпирических данных над результатами теоретического

анализа, вследствие неразработанности ряда важных теоретических вопросов. Вместе с тем решение задач психодиагностической практики требует дальнейшей работы по созданию специальной конкретно-научной теории, выступающей в качестве ее непосредственной основы.

Диагностика в современной методологической литературе [24, 25, 26 и др.] понимается как особый вид познавательного процесса, как особая деятельность распознавания в отличие от научного познания, с одной стороны, и от узнавания – с другой. Научное познание представляет собой целенаправленную эвристическую деятельность для получения нового знания. В то же время, распознавание в отличие от нее, не направлено на обнаружение неизвестных науке фактов и закономерностей, конструированием нового знания.

Поэтому, несмотря на то, что распознавание и научное познание имеют общие черты (движение познания от явления к сущности, сложность и т. д.), полагаем, что отождествлять их неправомерно. Однако нельзя не замечать и их взаимообусловленности. Предварительным условием научного (эвристического) познания является распознавание изучаемых явлений в самых различных вариантах и модификациях, вместе с тем новые данные, полученные в эвристической деятельности, сразу же используются для распознавания нового явления в практических целях. О влиянии эвристической деятельности на диагностику говорит и то, что фактически все методы научного исследования, возникающие в различных областях естествознания, используются не только исключительно для научного познания, но и в целях распознавания [7]. Иными словами, чтобы было что распознавать, необходимы новые психодиагностические конструкты и уточнение уже имеющихся.

Узнавание, частным видом которого является опознавание, представляет собой элементарный акт познания, которое ограничивается воспроизведением целостного образа объекта по одному или нескольким признакам. Узнавание относится к сфере эмпирического познания, к области обыденного сознания.

Распознавание, опираясь на узнавание, является более сложным процессом, связанным с необходимостью проникновения в скрытую внутреннюю сущность явления [22]. Общее у распознавания и узнавания состоит в том, что познание идет от признака к явлению на основе предварительного знакомства с явлением в целом и его наиболее специфическими признаками. Распознавание является особой сферой человеческой деятельности, предполагающей специальное обучение.

Специфическая особенность диагностики как деятельности заключается в том, что в процессе диагностического познания осуществляется определение состояния единичного объекта. «Понятие «диагноз» является своеобразным выражением и конкретизацией общенаучного понятия «состояние», отражающего доминирующий способ изменения и развития систем в данных отношениях, в определенном месте и времени» [106, С. 48].

Практически все исследователи единодушны в том, что распознавание состояния единичного объекта осуществляется на основе знания об общем. В этом смысле диагностика является особым промежуточным видом познания, стоящим между научным познанием общей сущности и опознаванием единичного, конкретного явления. То есть, когда существует общее знание о соответствующем классе предметов, не выделяется соответствующий предмет исследования.

Рассмотрение отдельных особенностей диагностической деятельности в их совокупности позволяет представить её как специфический вид познания. В этом случае диагностика – это научно-практическая деятельность распознавания состояния единичного объекта в его соотношении с некоторой нормой, чаще всего статистической. Она осуществляется на основе подведения данного объекта под известный науке класс, имеет целью прогноз, возвращение или поддержание системы в состоянии нормального функционирования.

В ряде работ, посвященных методологическому анализу психологической и медицинской диагностики, обсуждается вопрос о

принадлежности ее к науке или искусству [86, 153, 192]. Одна точка зрения, разделяемая многими практиками, исходит из акцентирования научной обусловленности диагностической деятельности, подчеркивая, что психодиагностика как наука стремится к строгому описанию закономерностей диагностической деятельности во всех случаях практики. Другая точка зрения предполагает, что диагностика является не наукой, а искусством, доступным не каждому практику, и что в основе его диагностической деятельности лежит интуиция. Рассматривая ее как основной способ познания и полагая, что только интуицией постигаются особенности испытуемого, сторонники этой точки зрения обращают внимание на ряд проявлений ее при осуществлении диагностической деятельности. Во-первых, непосредственный характер психологического заключения, когда вывод зачастую предваряет посылки. Во-вторых, конспективность суждений, когда наблюдается лишь заключительная (результативная) часть диагностического процесса, а начальная и последующие стадии пропускаются; организация хаотического многообразия впечатлений при постановке диагноза в этом случае как бы формирует некоторую целостность; наличие так называемых «быстрых» диагнозов, для которых характерны скорость, мгновенная оценка ситуации при более или менее уверенном ответе (чутье, догадка, озарение) [106]. Общеизвестно, что интуиция профессионала способна существенно расширить его возможности в психодиагностике, но её основой всё равно является опыт использования психодиагностических тестов, и чем выше будет этот начальный уровень, тем большее развитие получит интуиция.

В пользу разделения понятий «узнавание» и «распознавание» в психологической диагностике говорит, прежде всего, возможность постановки симптоматического и этиологического диагноза. Первый, ограничиваясь констатацией определенных особенностей или симптомов, на основании которых непосредственно строятся практические выводы, является следствием узнавания. Второй, «учитывающий не только наличие определенных

особенностей (симптомов), но и причины их возникновения», завершает распознавание [\[157\]](#).

Положение о распознавании состояния единичного объекта в диагностике на основе знания об общем имеет в психологии историческую традицию. Так, Л.С. Выготский отмечал, что диагностический процесс в психологии, с одной стороны, предполагает «наперед готовую, уже установленную систему понятий»; а с другой – ситуацию, когда «данное частное явление подводится под общее понятие» [37, Т. 3, с. 124].

Вместе с тем, методологическое представление о диагностике как познавательной деятельности, обусловленной данными современной науки, предполагая ее противопоставление ненаучной диагностике, нашло отражение в выделении помимо научной и житейски-эмпирической психодиагностики, опирающейся в оценке явлений на субъективные представления, мнения и житейские нормы [36].

Обобщая выявленные им в ходе методологического анализа особенностей психодиагностической деятельности с точки зрения общей теории диагноза, А.Ф. Ануфриев предлагает следующее её развернутое определение: психодиагностика как деятельность есть процесс распознавания актуального состояния психологических особенностей отдельного человека или группы людей как причин параметров деятельности или конфликта с точки зрения соответствия норме. Процесс распознавания осуществляется на основе известной диагносту системы понятий как подведение отдельного обследуемого (человека или группы) под общий тип в целях прогнозирования психологических особенностей, реализации коррекционного или профилактического воздействия на них для обеспечения требуемых параметров деятельности или устранения конфликта [7].

На основе анализа развития теоретической модели психодиагностики, основной чертой которого является опережение теории практикой (к которой относится и разработка тестов), Л.Ф. Бурлачук предлагает подход, который назвал концепцией измеренной индивидуальности. По его мнению, она

помогает определить место психодиагностического метода в системе исследовательских методов психологической науки [24].

Сейчас психодиагностика выделилась в самостоятельную область, разрабатывающую пути, средства и приемы распознавания, описания и измерения индивидуально-психологических особенностей личности. Эта самостоятельность особенно ярко проявляется в том, что общие тестологические принципы (валидность, надежность, дискриминативность и т.д.) существуют независимо от исходного теоретического аппарата различных тестов.

Итак, психодиагностика имеет собственный предмет познания, отличный от предмета теоретической психологии. При этом и тот, и другой, не тождественны личности в ее жизнедеятельности. Хотя, как известно, научное описание в принципе никогда не может быть тождественным своему объекту, но об этом часто забывают пользователи, и это приводит к тем самым их ошибкам, которые отмечались ранее. Резюмируя, в этой связи можно отметить, разрыв между описанием и объектами в психодиагностике стал велик до неадекватности.

Такое положение, как отмечает Л.Ф. Бурлачук, определяется главным образом, не уровнем развития науки, а конкретными процедурами, с помощью которых осуществляется отображение личности. Концепция же измеренной индивидуальности позволяет отразить этот разрыв и глубже понять его природу [24].

Сущность психодиагностического метода состоит в том, чтобы выделить специфические мотивы активности субъекта, особую стратегию его поведения, и специфику ситуации – социальную (взаимодействие психолога и обследуемого) и стимульную (например, стимулы с разной степенью структурированности). Кроме того, подразумевается и наличие специфического измерительного инструментария, прежде всего определяемого теорией измерения психических явлений (психометрией), а не теоретическими концепциями личности, в следствие чего психодиагностические описания

личности имеют свой понятийно-объяснительный аппарат, собственные внутренние «потребности», наконец, собственный, независимый от исходных концепций, путь развития. В психологической науке существует механическое смешение тестологических исследований с имеющимися представлениями о личности. Например, независимо от интерпретаций в проективных техниках существует проблема изучения особенностей стимульного материала, в частности, степени его структурированности. Эту степень можно измерить (в некоторых случаях) «физическими» методами, например калориметрией, а можно пойти путем исследования разнообразия ответов испытуемых. Ни тот, ни другой путь изучения структурированности стимульного материала не зависят от исходных концепций проективного подхода как теоретического конструкта.

Таким образом, возникает гносеологическое различие между «теоретической» и «измеренной» личностью, отличающейся в свою очередь от личности реальной. Поэтому неудивительно, что попытки отождествления «теоретической» и «измеренной» личности являются в конечном счете малопродуктивными, носят искусственный характер. Очевидно, что необходим принципиально иной путь к интеграции измеренных индивидуально-психологических особенностей личности, разработка понятийного аппарата психодиагностики, а, значит, и создание теории психодиагностики [24].

Разные средства познания с неизбежностью приводят к различным описаниям одного и того же объекта, что ведёт к формированию относительно независимых предметов познания. Предмет познания в границах психодиагностики может быть условно разделен на измеряемые и лежащие вне сферы измерения индивидуально-психологические феномены. Примером неизмеряемого, но косвенно обнаруживаемого психодиагностического конструкта может быть, например, экзистенциальный кризис, которому из измеряемых характеристик могут соответствовать высокая «свободно плавающая тревожность» (фактор Q₄ в 16PF) и низкая самоудовлетворённость (Q₂ там же). При этом объяснение таких результатов через понятие

экзистенциального кризиса будет лишь одним из многих возможных. В примере мы хотели показать, что число вариантов объяснения в «неизмеряемой» области бесконечно, а выбор концепции интерпретации эмпирических результатов достаточно произволен и практически ничем не регулируется.

В то же время, экспериментальные исследования личности порождают знания, используемые, прежде всего, в рамках теоретического познания. При этом за теоретическим познанием признается право на собственный концептуальный аппарат, а само познание может происходить и в неэмпирической форме (умозрительное развитие концептуального аппарата, мысленный эксперимент и т. п.). Можно отметить определённую изолированность, суть которой состоит в том, что практическая психодиагностика развивается сама по себе, а развитие теоретического направления происходит отдельно от него. В психодиагностике происходит подобное (хотя и без должного методологического обоснования и анализа) развитие собственного концептуального аппарата по двум направлениям – измеряемой и неизмеряемой индивидуальности. В этих двух направлениях сформировались системы понятий, конструктов, отражающих собственные предметы и средства их познания.

В психологии измеренной индивидуальности заключены, собственно, две системы – психодиагностического метода (система средств познания) и связанных с ним теоретических моделей (система результатов познания), являющихся подсистемами систем более высокого порядка. Рассмотрение их во взаимосвязи, обусловленное зависимостью результатов познания от средств познания, необходимо для раскрытия сущности концепции измеренной индивидуальности [24].

Поэтому, как отмечает Л.Ф. Бурлачук, первоначально нужно рассмотреть систему в целом, а затем вновь вернуться к психодиагностическому методу. На вершине иерархической лестницы системы средств познания в психологии находятся принципы

психологического исследования. Ниже располагаются исследовательские методы: неэкспериментальный (описательный), экспериментальный и психодиагностический. На еще более низком уровне размещаются соответствующие каждому из названных методов подходы. Ниже всего располагаются конкретные методики, образуемые в рамках тех или иных подходов.

Результатом данной систематизации применительно к психодиагностическому методу являются три уровня, связанные отношениями иерархии: метод – подходы – методики, что, как считает автор, соответствует значительно ранее сложившимся в психологии уровням конкретизации как экспериментального, так и неэкспериментального исследовательских методов.

Важнейшей особенностью психодиагностического метода, в отличие и от экспериментального, и от неэкспериментального, является его измерительно-испытательная направленность, за счет которой достигается количественная (и качественная) квалификация измеряемого явления. Это становится возможным, если исследование строится в соответствии с рядом требований, нашедших в психодиагностическом методе наиболее последовательную реализацию, заключающуюся в стандартных требованиях. Особенно важным представляется то, что результаты психодиагностики подлежат не просто декларации, но и объяснению.

Теория измеренной индивидуальности сегодня в рамках психодиагностического метода использует три основных подхода, которые охватывают всё множество методик и опираются на объективный (диагностика на основе успешности и способа выполнения тестовых заданий), субъективный (диагностика на основе самоописания) и проективный (на основе анализа интерпретации внешне слабоструктурированного материала) подходы.

Эти подходы представлены, по выражению Л.Ф. Бурлачука, в виде шкалы «податливости к измеряемости» индивидуально-психологических особенностей. Различие по этому параметру наиболее очевидно при

сравнении, например, тестов интеллекта и проективных методик, для психометрической оценки валидности и надежности которых сегодня отсутствует адекватный математико-статистический аппарат [24].

Таким образом, можно выделить три уровня описания измеряемой индивидуальности в рамках психодиагностического метода, между которыми существуют отношения субординации. Более высокий уровень как бы обобщает более низкие, а те конкретизируют более высокие. В соответствии с этой схемой психодиагностический метод предстает в виде иерархии выше- и нижележащих по отношению к психодиагностическому подходу уровней, знание о которых входит в знание о нем самом. Конкретные измерительные психодиагностические методики выступают в качестве основы для диагностического подхода, а диагностический подход – для психодиагностического метода. Однако влияние вышестоящих уровней на нижестоящие не одностороннее, существует и обратное влияние конкретных методик на диагностические подходы, а диагностических подходов – на психодиагностический метод в целом (это влияние «сверху вниз» и «снизу вверх»). Таким образом, подсистемами психодиагностического метода являются три диагностических подхода, которые в качестве своих элементов включают конкретные психодиагностические методики. Представленная система психодиагностического метода одновременно выполняет и классификационную функцию.

Теория измеренной индивидуальности в рассматриваемой схеме относится к теориям среднего уровня, и имеет собственную область применения, не совпадающую с областями применения других психологических теорий. Теоретические модели и конституируемую теорию можно «примирить» как теорию высшего и более низкого уровня, потому что теоретические модели представляют собой опосредствованное знание, тогда как теория измеренной индивидуальности «вырастает» из непосредственно наблюдаемых результатов психодиагностического исследования.

Л.Ф. Бурлачук указывает, что глобальные теоретические модели оказывают влияние на представления об измеренной индивидуальности лишь косвенно. Измеренная индивидуальность представляется как результат описания конкретного психологического явления с помощью конкретных психодиагностических методик, на которое оказывает непосредственное влияние теория измеренной индивидуальности [24].

В процессе взаимодействия «теория – факт» теория выполняет как ориентирующую функцию, так и функцию создания понятийной схемы систематизации и классификации фактов. В ходе реализации системного метода описания в психодиагностике (нормативно) первоначально выделяется система основных показателей, затем изучается структура каждого из них, после чего конструируются методики. С позиций системного рассмотрения результатов познания, использование данного метода применительно к задаче разработки теории измеренной индивидуальности может в качестве одного из результатов привести к выделению системы основных показателей, на основании которых должно проводиться конкретное описание данных, получаемых с помощью той или иной психодиагностической методики.

Если А.Ф. Ануфриев основной акцент делает на категориальном аппарате общей психологии и степени его соответствия практическим задачам, то в контексте данной работы необходимо обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, при разработке психодиагностических методик их авторы практически всегда пользуются своими субъективными представлениями о том, как испытуемые будут понимать стимульный материал. Учитывая специфичность семантической структуры сознания профессионального психолога, можно предположить, что могут не совпадать его и испытуемых семантические поля используемых в утверждениях понятий. Во-вторых, в стандартной процедуре психометрической проверки качество разработанных заданий понимается как их эмпирическая дискриминативность и однородность.

Основываясь на литературных данных и на своём опыте, можно утверждать, что обучение собственно психосемантическим методам весьма затруднительно, а их практическое применение требует довольно высокой квалификации пользователя. Большинство же практических психологов, к сожалению, ею не обладают. Именно поэтому, исходя из современных реалий, задача нашей работы определяется как создание высокотехнологичного продукта, который не требует подробных разъяснений при своём использовании.

1.1.2. Система базовых концептов психодиагностики как основа методологизирования в создании тестов. В данном подразделе мы попытаемся уточнить методологическое направление нашей работы, опираясь на подход школы Г.П. Щедровицкого. Он, на наш взгляд, дополняет изложенную в предыдущем подразделе концепцию «измеренной индивидуальности».

А.В. Фурман выделяет две ветви психодиагностики – теоретическую и практическую. Задача теоретической психодиагностики – разработка общих принципов измерения психики, практическая является «профессиональной системой использования методов и процедур ... постановки конкретного психологического диагноза» [185, с. 40]. То есть, психодиагностика, по его мнению, имеет «двойной общественный статус», академической науки и высоко социально значимой практической отрасли, создающий напряжение между этими двумя ветвями. Напряжение проявляется в упреках «теоретиков» по поводу низкого качества массово издающихся тестов, а «практики» сетуют на отрыв теории от социального запроса на психодиагностику.

Выход А.В. Фурман видит в упорядочении и согласовании концептуальной основы психодиагностики в профессиональном сознании как практиков, так и теоретиков. На данный же момент в профессиональном сознании практиков концептуальная основа весьма диффузна, а у теоретиков, хотя и есть более четкие основы, но они слишком «разнобойны». Требование же времени, и не только в психологии – интеграция различных точек зрения,

то, что всё чаще называют «коммуникативной психологией» (Мазилев, 2002 и др.).

А.В. Фурман не ограничивается критикой, а предлагает основу для такой концептуализации и необходимый минимум концептов, подчеркивая его открытость для обсуждения. Очевидно, что таким образом автор и реализует вышеуказанный принцип коммуникативности. Ниже мы постараемся соотнести с ним наши конкретные, поставленные в этой работе, задачи.

Итак, под концептом понимается относительно независимое от конкретной языковой формы содержание понятия. В задачи данного подраздела не входит анализ связи и соотношения понятия и концепта, отметим лишь их несомненную связанность, и всё же нетождественность. Важно подчеркнуть ещё одно различие терминов «понятие» и «концепт». Понятия могут формироваться в отрыве от непосредственной и переживаемой практической деятельности, например, в абстрактной дискуссии или размышлении; они потенциально конечны. Концепт же – «живое понятие», он субъективен и многомерен в том смысле, что существует в многомерном «пространстве души», в отличие от понятия, существующего в измерении теории [185]. Мы даже рискнём предложить метафору, ограниченную как любое сравнение, и всё же: понятие – это тело, а концепт – душа.

Наличие определённой специфической системы концептов (а не просто понятий или категорий) как раз и является признаком самостоятельности прикладной научной дисциплины. Любая научная дисциплина, в конечном счёте, существует лишь в силу своей практической нужности для общества, поэтому её концептуальная система жизнеспособна, только если является результатом осмысления практического опыта.

Практическая психодиагностика, несомненно, является источником такого опыта, она включена в подготовку и практическую работу любого психолога. Даже если он редко применяет в своей работе тесты (типично для современной отечественной психотерапии, и, в меньшей степени, для психологического консультирования), всё равно сталкивается с

необходимостью категоризации, структурирования психических явлений. В психодиагностике это соответствует задаче измерения психических явлений, прежде всего – свойств.

И здесь особенно актуальным становится вопрос об основе такой концептуализации, о точке отсчёта. Ведь, как известно, свойство – это характеристика объекта, проявляющаяся во взаимодействии с другими объектами. То есть, вне взаимодействия становится бессмысленным и само понятие свойства. Во взаимодействии же, при измерении свойств, необходим его четко определенный контекст. Вопрос его определения как раз и решается исходя из концептов конкретной научной дисциплины. В этом аспекте, как указывают Л.Ф. Бурлачук, А.Ф. Фурман и многие другие ведущие отечественные специалисты, для многих практиков остаётся недостаточно прояснённым вопрос «что, относительно чего, и зачем мы измеряем? А, главное, у кого?». В таком случае, человек превращается в простую модель объекта, обладающую, например, только нейротизмом и экстраверсией. От человека остается диагноз как несколько цифр. И дело здесь не только в количестве параметров.

М.К. Акимова указывает, что «диагностомания» как тенденция к избыточности терминов при недостаточности их осмысления – это проявление низкого профессионализма [157]. В пересечении с идеями школы Г.П. Щедровицкого это, на наш взгляд, означает одномерность подхода к психологическому диагнозу. Диагностика производится только в рамках ограниченной, и, главное, изолированной теоретической плоскости. Настоящее же осмысление многомерно, и проявляется в способности объяснить полученные результаты на любом, в том числе бытовом языке.

Здесь необходимо уточнение нашего понимания подхода Г.П. Щедровицкого в контексте данного исследования. Коротко, оно состоит в следующем. Множеству различных контекстов (измерений), в которых существует человек – практическому, научному, повседневному и т.д. – соответствуют определённые языки. Графически это можно представить как

множество пересекающихся в трёхмерном пространстве плоскостей. «Диагностомания» в этой графической метафоре – работа лишь в одной плоскости, а настоящая профессиональная психодиагностика объемна. Тогда результат объёмного понимания (точнее, проживания) может выражаться в способности объяснять одно и то же на разных языках, в зависимости от конкретной субъект-субъектной ситуации. Иными словами, если я действительно что-то понимаю, я смогу Увидеть того, кому я объясняю, и найти подходящие для нас обоих слова. «Плоский» же диагноз такой вариативностью не обладает. На наш взгляд, это удачно выражено в известной научной поговорке: «если ты за пять минут не можешь объяснить уборщице суть своей диссертации, то тебе ещё рано защищаться».

Возвращаясь к «точке отсчёта», то есть к возможности описания того, что в нашей графической метафоре обозначено как трёхмерное пространство, можно поставить ему в соответствие концепт духовности у Г.П. Щедровицкого. Сопоставление, на наш взгляд, правомерно, так как в обоих случаях речь идёт о максимальной интегрированности и целостности. В нашей графической метафоре трёхмерное пространство включает в себя все отдельные плоскости, а духовность включает в себя все более частные измерения – теоретическое, практическое, социальное, бытовое и т.п.

А.Ф. Фурман конкретизирует духовное измерение в идее о развитии [184, 185]. Действительно, потенциальная возможность перехода к большей мерности – это и есть возможность развития, причём качественного и потенциально бесконечного. Вот тут наше сравнение второго и третьего измерения начинается «хромать». Человеку конкретно представимы только они, а представление о бесконечной мерности, как в математической топологии, уже абстрактно. Тем не менее, для любого человека духовность рано или поздно перестаёт быть абстрактным, и проявляется в совершенно конкретных его действиях. Если речь идёт о психодиагностике, то наилучшим диагнозом будет тот, который предоставляет наибольшие возможности для развития, и такой диагноз как раз и будет наиболее интегральным из возможных. В избранном

нами контексте можно даже определить правду как наиболее интегрированное на данный момент описание реальности (*авторское определение – М.П.*). Представляется, что такое определение «правды» является концептуальным.

Далее целесообразно коротко представить типологию ведущих концептов современной психодиагностики А.В. Фурмана с тем, чтобы соотнести её с методологизированием в данном исследовании.

Итак, в рассматриваемой типологии выделяются два измерения, обозначенные автором как «горизонтальное» и «вертикальное». Оба измерения диалектически связывают конкретные концепты. По горизонтали выделяются общие, особенные, единичные, уникальные и универсальные концепты. По вертикали – абстрактные и конкретные концепты [185]. Весьма важным представляется подчеркнуть, что диалектическая взаимосвязь подразумевает невозможность одного без другого. Проще говоря, раз есть общее, должно быть и частное (в данной типологии – особенное). Если существует конкретное, то ему противопоставляется абстрактное, а иначе ни одно из них невозможно даже определить.

Вместе оба измерения в данной типологии составляют пространство, проясняющее суть концептов их местом на пересечении. В нём абстрактное общее – это теория, абстрактное особенное – метод, абстрактное единичное – психодиагностика как деятельность, абстрактное уникальное – ситуация психодиагностики, абстрактное универсальное – наука в самом широком её смысле. Соответственно, конкретное общее – это практика конкретного психодиагноста, конкретное особенное – методики, которыми пользуется именно он, конкретное единичное – технология обследования, выбранная им, конкретное уникальное – процедура обследования конкретного клиента конкретным психодиагностом. Конкретное универсальное – это искусство.

Из типологии, в частности, вытекает, что психодиагностика является и наукой, и искусством одновременно. Позволим себе проиллюстрировать это так: настоящий психодиагност должен быть способен как конкретизировать свои научные знания относительно реального клиента, так и обобщать свой

практический опыт в научной форме. Таким образом, на наш взгляд, снимается, или же делается диалектическим противоречие между наукой и искусством. В этой связи уместно напомнить, что К.Г. Юнг, на которого неоднократно ссылается А.В. Фурман, долгое время затруднялся определить свою деятельность в этих категориях, и в конечном счёте пришёл к тому, что описанному диалектическому единству в этом вопросе [209]. И мы снова приходим к разрешению проблемы соотношения психодиагностической теории (науки) и практики (искусства), с описания которой начат данный подраздел. Представляется, что она может быть решена как на уровне отдельного человека, как у К.Г. Юнга и других одновременно практикующих и теоретизирующих (методологизирующих) психологов, так и на пути коммуникации между практиками и теоретиками в поисках методологической формы. Напряжение же между теорией и практикой психодиагностики можно теперь трактовать как определённый, осознанный или неосознанный, отказ от коммуникации.

Из представленной типологии вытекает интегральная классификация психодиагностических методик по способу измерения. Нам представляется, что критерий выделения групп методик в данной классификации можно также определить как непосредственный предмет распознавания, в терминах А.В. Фурмана, – то, с чем имеет дело психодиагност, приступая к интерпретации (созданию диагноза).

Тогда объективные методики определяются как интерпретирующие результаты четко регламентированной деятельности испытуемого, субъективные – его образ Я, проективные – его «проект личности», а развивающие – характеристики решения им проблем. Нам представляется, что развивающие методики – это группа, интегрирующая три предыдущие. Ведь, строго говоря, выполняя задания интеллектуального теста или личностного опросника (объективные), испытуемый находится в проблемной ситуации. Равно как и делая усилия по рефлексии в методиках, отнесенных А.В. Фурманом к субъективным, и структурируя стимульный материал в

проективных. Однако группа развивающих методик – явно не просто наложение, а действительно отдельный предмет диагностики – компетентность на данный момент, и действительно интегральный – как было показано выше, именно развитие является проявлением интегральной сущности духовности.

В любом тесте проблемные ситуации структурируются на какой-либо основе. Задание теста интеллекта предполагает, что именно решение проблемы исключения, например, лишнего элемента, проявит способность испытуемого к классификации. В свою очередь, способность к выделению существенного признака является проявлением интеллекта в определенной теории. Теория создаётся, в том числе, и на основе эмпирического опыта, который, в типологии А.В. Фурмана, далее разрабатывается в абстрактном измерении, в минимальном контакте с непосредственной психодуховной реальностью тех людей, по отношению к которым она будет применяться. И это неизбежно, так как любая структура, в том числе теоретическая, должна быть ограниченной. Иначе она никогда не оформится. Если речь идёт о психодиагностике, тест создаётся на основе теоретической модели, которая далее структурируется в абстрактной плоскости, и только на этапе психометрической проверки сопоставляется с психодуховной реальностью многих людей.

После всех этих замечаний, мы, наконец, можем достаточно чётко и кратко соотнести нашу идею создания «психосемантических» опросников с концептуальной основой психодиагностики, предложенной А.В. Фурманом.

Не отрицая теоретическую основу создания тестов, представленную в сознании ограниченного числа разработчиков-психологов (абстрактное), мы предлагаем дополнить процедуру их создания обращением к психодуховной реальности (конкретное, по А.В. Фурману) ещё до создания заданий опросника. То есть, попытаться реконструировать исходное теоретическое понятие, выявляя соответствующую часть системы значений в сознании испытуемых.

1.2. Основные общенаучные подходы к категории значения

Наиболее обобщённым и полидисциплинарным является представление о значении (слове, понятии и т.д. в разных науках) как о единице сознания. В отношении сознания материализм и идеализм сходятся в нетождественности его и объективного мира. То есть, по существу, речь идет о дихотомии «мир – субъект», а слово мыслится как некая основа, создающая эту дихотомию. Еще Локк и Кондильяк подчеркивали эту, аналитическую, функцию слова. Иначе говоря, выражение содержания в некоторой знаковой форме (слове) эмансипирует содержание отражения от субъекта, а сознание, «состоящее» из слов, является механизмом осознанного отражения.

Действительно, ещё Гегель указывал, что для того, чтобы отделить объект от наличных потребностей субъекта, надо выразить его в чем-то отличном от эмоционально-чувственной «субстанции», в чем-то противостоящей субъекту. Такой формой и является фиксация его в знаковой форме, в словесном значении. При этом слово как единица языка обладает фиксированным содержанием за счет социальной нормированности, общественной конвенции. Эта фиксированность содержания, указывает В.Ф. Петренко, обусловлена «конвенцией предметной отнесенности слова, с одной стороны, и системной организацией языка, наличием парадигматических связей, задающих устойчивость каркаса языка и постоянство словоупотребления – с другой. В сознании, таким образом, за счет устойчивости содержания значения изживается сиюминутная субъективность отражения, пристрастность, обусловленная наличной потребностью» [132].

Сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности.

Однако термин «слово» является как бы точкой пересечения очень многих аспектов: знак, значение, понятие, форма мышления, единица языка и речи, и т.д. Остановимся сначала на слове как форме обобщения.

К наиболее развитым формам обобщения относится понятие. Мышление в таких формах рассматривается как теоретическое. В свете интересующей нас

проблематики определенный интерес представляют допонятийные формы обобщения, осуществляемые на основе сходства чувственных и эмоциональных переживаний, т. е. того, что В.В. Давыдов называет эмпирическими обобщениями [60].

Обобщения на основе сходства эмоциональных переживаний, впечатлений от образа вещей, событий и т. д. – типичная форма обобщения в обыденной житейской практике. Большинство значений, которыми пользуется человек в обыденной жизни, не подпадает под определение научных или теоретических. В примере В.Ф. Петренко, для обыденного сознания «вода» – это, скорее, «то, что пьют», а не H_2O ; люди делятся на «плохих» и «хороших», а не на экстравертов и интровертов; круг – это не «геометрическое место точек, равноудаленных от центра», а некоторая «картинка» – образ круга [127].

Очевидно, научное осознание мира не устраняет полностью ни более архаические пласты мировосприятия, ни его образно-художественные формы, создавая внутри индивидуального или общественного сознания взаимодополняющие или конфликтующие гетерогенные образования. Как пишет Ю.Д. Апресян, «...наивная картина участка мира может разительно отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира...» [9]. Исследование индивидуального сознания подразумевает необходимость реконструкции различных содержательных сфер обыденного, житейского сознания, описания их в системе категорий, отличных от понятийных. Лексикография давно столкнулась с этой задачей. В частности, Л.В. Щерба указывал на невозможность полного описания значений всех слов толковыми словарями в чисто языковой плоскости, которая заставила использовать в толковых словарях ряд значений в виде изображений, или так называемых остенсиональных определений [206]. Проблему можно рассмотреть и под другим углом зрения. Наше восприятие мира является категориальным, т. е. опосредованным значением, и проблема исследования различных уровней обобщения может быть сформулирована как проблема исследования различных уровней и форм репрезентации объекта субъекту.

Одной из важнейших и недостаточно разработанных проблем изучения значения является исследование его невербальных форм, в частности существование значения в системе визуальных образов. В исследовании значения наиболее изученными являются формы фиксации его в языке, т. е. значения слов, предложений.

Малоизученной проблемой является и влияние эмоций на семантическую организацию значений, данных в вербальной или образной формах репрезентации. Психический образ в единстве его визуальных, вербальных, тактильных, слуховых и т. д. форм репрезентации является модельным отображением объектного мира, изоморфным в его топике и метрике. Эмоциональные состояния способны трансформировать психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушают его предметную логику, а значит и деформируют его значение (имеется ввиду, что это не единственная функция эмоций) [139].

Ещё один аспект связан с дифференциально-психологическими аспектами индивидуальной системы значений. А.Н. Леонтьев подчеркивает двойственную природу значения. С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, а с другой – как образующая индивидуального сознания [100].

Развитие информатики и появление таких современных средств переработки информации, как, например, компьютеры, использующие искусственные языки программирования, расширили диапазон языкового сознания, в частности значительно увеличили аналитико-синтетические возможности человеческого мышления. Они основываются на том же принципе опосредующей функции знака, что и «природное» человеческое сознание, вооруженное естественным языком. В этом отношении можно согласиться с Г.Л. Смоляном и К.Б. Шошниковым, которые вслед за Г.П. Щедровицким используют аналогию ЭВМ с верстаком, где осуществляется «демонтаж» и «сборка» интеллектуальных конструкций.

Поскольку в значении фиксируются свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности (М.К. Мамардашвили, А.А. Леонтьев), так как в качестве признаков в значении содержатся виртуальные свойства объекта, которые могут быть раскрыты в деятельности субъекта или общества. Предметный мир, окружающая действительность при этом понимаются как «очеловеченный мир», культурно-историческое бытие человека [94].

Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится, в первую очередь, к его развитым понятийным формам, к формам фиксации общечеловеческих знаний. Но общественное сознание, как и индивидуальное, гетерогенно и наряду с научным знанием в нем содержатся житейские представления, социальные стереотипы, характеризующиеся той или иной степенью истинности, и даже суеверия и предрассудки. Наконец, определенные формы деятельности небольших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «фигуры» сознания. Все субъекты деятельности обладают своей системой значений, организующихся в «эталон» и «стереотипы», образующих категориальную сетку, сквозь призму которой они выделяют в ситуации, в другом человеке значимые для своей деятельности признаки. Причем эта система значений не обязательно должна быть эксплицирована в словесных понятиях, она может быть задана в системе образов, правил поведения. Кроме того, в системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом. Наконец, осознание индивидом своих жизненных целей и мотивов, характера его отношений с другими людьми, очевидно, также входит в тот интегральный уровень регуляции индивида, который называют личностью. Выделение таких категориальных структур, опосредующих восприятие и осознание субъектом различных содержательных сфер деятельности, – структур «обыденного» сознания – необходимая задача, так как воспитание, обучение или перевоспитание

направлены не на абстрактную человеческую особь, а на реальных людей, обладающих индивидуальным опытом, своим «видением» мира, считает В.Ф. Петренко [136].

Итак, основные проблемы изучения значения в аспекте нашей работы можно кратко представить следующим образом. Во-первых, существенно различаются формы обобщения, и, следовательно, понятия-значения в житейской практике и в науке. При этом созданные с помощью строгих логических процедур измерительные конструкты и их элементы (индикаторы) используются для испытуемых, обобщающих «по-житейски». Это может служить подтверждением одной из главных идей нашей работы: несоответствия научных понятий создателей психодиагностических методик «житейским» понятиям испытуемых. Во-вторых, одной из основ для обобщения могут служить эмоциональные переживания, поэтому они требуют отдельного их изучения. В третьих, необходимо выявление типичного уровня категоризации в сфере, исследуемой конкретным опросником для той популяции, которой он предназначен. И в-четвертых, требует более детального рассмотрения укоренившееся в психологии представление о нетождественности индивидуального смысла и общественного значения.

1.3. Подходы к исследованию значения в лингвистике и психолингвистике

В современной лингвистике трактовка значения базируется на представлении о нем как о сложной многокомпонентной структуре, состоящей из более дробных, чем значение, единиц. Истоки этого понимания уходят в лексикографию и представлены работами таких исследователей, как Ш. Балли [14], В.В. Виноградов [31]. Э. Сэпир (1944), Другой источник – лексическая семантика, что выражено в работах Ю.Д. Апресяна [10], В.Г. Гака [40], Л. Ельмслева [64], А. Мартине [115], И.А. Мельчука [118], А. Греймаса

(Greimas, 1966), Б. Потье (Pottier, 1965), С. Ульмана (Ullmann, 1964), Л.В. Щерба [206] и др.

Предполагается, что по аналогии с фонетикой, где все богатство речевого потока можно описать с помощью ограниченного числа фонем, все множество значений можно описать с помощью ограниченного набора сем (семантических множителей). Вместе с тем иерархическая организация значения подразумевает неоднородность его семантических составляющих, что закреплено в таких понятиях, как принцип ядра и периферии семантемы (набора сем) Греймаса (Greimas, 1966); в понятиях архисемы (общего семантического родового признака) и дифференциальных сем, несущих смысловые признаки, которые позволяют сузить содержание слова до его конкретных значений (Pottier, 1965); в понятиях ассоциативных или потенциальных признаков, отражающих несущественные свойства объекта-денотата значения слов, но играющих роль в метафорическом переносе.

С появлением работ Ф. де Соссюра, в лингвистике утвердилось выделение двух аспектов высказывания: плана выражения и плана содержания. План выражения – это совокупность знаков, образующих по правилам грамматики сложный знак – слово, предложение, текст, и имеющий свои единицы анализа: фонемы, морфемы, лексемы (слова), предложения. План содержания – аналог значения слова, предложения, текста. Это та смысловая конструкция, которую порождает, воспроизводит субъект с помощью данного ему плана выражения. Единицами плана содержания признаются семы (семантические компоненты), семантемы, значения слова, предложения, текста. Единицы плана выражения соответствуют определенным единицам плана содержания. На уровне плана выражения единичный семантический признак (сема) может быть представлен морфемой, а семантема (структурированная совокупность сем) – соответствующей лексемой. Например, в существительном «поднос» приставка «под-» представляет собой сему – признак пространственной ориентации одного объекта (подноса) «быть ниже» относительно другого (ноши); корневая морфема «-нос» (носить)

содержит родовой семантический признак «движение» и латентный семантический признак «субъект действия – живое существо» (о механизмах обычно говорят, что они перемещают предметы, а не носят) [132].

Речевое общение, описание некоторого содержания возможны только с помощью слов, и поэтому для обозначения семы используется обычно слово национального языка, в котором эта сема наиболее выражена, но это слово берется в кавычки (например, сема «приближение») для того, чтобы подчеркнуть, что содержание слова шире, чем соответствующий семантический признак. В.Г. Гак выделяет некоторый инвариант различных значений слова – то, что он называет «архисемой» (общей семой родового значения), и дополнительные дифференциальные смысловые признаки, конкретизирующие содержание слова до его определенного значения [41].

Наряду с существенными признаками объекта-номината значение слова потенциально содержит и несущественные «латентные признаки». Ю.Д. Апресян дает следующие примеры «потенциальных признаков» потенциальных сем: для слова «молния» таким признаком будет быстрота, для слов «тетя» и «дядя» – тот факт, что они обычно старше субъекта и т. п. Именно поэтому ассоциативные (потенциальные) признаки часто служат основой метафорических переносов [9].

Таким образом, значение слова, предложения обладает иерархической организацией и включает архисемы (общие семы, родового значения), дифференциальные семы (видового значения) и потенциальные (ассоциативные) семы, отражающие побочные, латентные признаки обозначаемого объекта.

Семантические компоненты, потенциально закрепленные за значением слова, являются виртуальными образованиями, актуализируемыми в зависимости от контекста. Актуализация семантических признаков подчиняется закону семантического согласования, состоящему в том, что выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума.

Отметим, что рассматриваемая модель «семантического согласования» близка антиципирующей схеме Зельца. В частности, проведенном Б.М. Мастеровым и В.А. Перовым исследовании проверялась психологическая важность закона семантического согласования. Было показано, что семантические компоненты, выделенные в ассоциативном эксперименте с единичными словами, актуализируются в рамках закона семантического согласования при организации из них целостного предложения [116].

Примером «лингвистической интроспекции», на наш взгляд, может служить построение модели «Смысл - Текст». В рамках этой модели исследователь, анализирующий значения, опираясь на свое чувство языка, дает развернутое определение значения и полученное высказывание переводит на базисный «язык смыслов», выступающий одновременно и языком-посредником в автоматизированном переводе с одного национального языка на другой и формой семантического анализа текста.

Автор данной модели, И.А. Мельчук предложил некоторый «базисный язык», состоящий из неразложимых далее смысловых единиц, называемых семами, который включает:

- базисную лексику, состоящую из минимального набора ядерных слов (своего рода аксиоматических понятий) и лексических функций, представляющих собой обобщенные предикаты, а также ряда кванторов и логических связок, которые, несколько огрубляя, можно рассматривать как предикаты;

- базисный синтаксис, содержащий около десяти глубинных синтаксических отношений между предикатами и ядерными словами. Запись содержания высказывания на таком базисном глубинном языке состоит из семантического графа и сведений о коммуникативной организации содержания, смысла сообщения. Как отмечает автор, семантический граф – это связный ориентированный граф, задающий смысл высказывания безотносительно к членению последнего на фразы и слова. В вершинах графа

стоят лексические единицы этого языка, а дугами служат упомянутые синтаксические отношения [117].

Язык глубинных семантических структур (в данном случае семантических графов) выступает как некоторая редукция, упрощение естественного языка, в отличие от которого он однозначно передает некоторое содержание. Лишенный синонимии и полисемии, имеющий ограниченный лексический словарь и четко очерченные правила порождения сложных смыслов, глубинный язык дает формализованную запись содержания, выступая и как средство описания и как модель внутренней речи. Психолог работает как с объективными показателями (такими как электроэнцефалограмма, движения глаз и т. п.), так и с отчетом испытуемого, его рассуждением вслух, описанием видимых объектов и рассказами по картинке. В этих случаях, как и при самонаблюдении, испытуемый порождает текст. Возникает проблема сравнения текстов различных испытуемых или одного испытуемого на разных стадиях некоторой деятельности. Редукция текста к базисным семантическим языкам позволяет формализовать содержание и сравнивать содержание различных текстов. Отметим, например, что в социальной психологии, где последнее время акцент стал переноситься с лабораторного эксперимента на наблюдение за испытуемым в естественных условиях, возрастает интерес к порождающим грамматикам, к лингвистике. Отображение содержания в виде семантического графа не зависит от грамматики каждого национального языка, поэтому язык глубинных семантических структур может выступать универсальным посредником в сравнительном анализе культур [118].

Заканчивая краткий обзор лингвистических подходов, подчеркнем, что лингвистические методы анализа значения ориентированы в первую очередь на анализ текстов — законченных продуктов речевой деятельности, отчужденных от субъекта, от его мотивов, замыслов, от их реализации в виде

действий и от операций самого их порождения. Имея несомненную ценность, лингвистический подход всё же недостаточен для решения психологических задач.

1.4. Категория значения в психосемантике

1.4.1. Сопоставление лингвистического и психосемантического подходов к проблеме значения. Как уже отмечалось в подразделе 1.2, значения имеют двойственный характер: они социальны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов. Научный и практический интерес представляют как раз процесс и результат «присвоение» субъектом общественно выработанных значений, формы их существования в индивидуальном сознании. Как известно, формой существования значений в индивидуальном сознании А.А. Леонтьев считает систему соотнесения и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности [40].

При решении задач современной психологии акцент при классификации анализируемой реальности делается преимущественно на характере ее системной организации, не на особенностях ее материального воплощения или форме предметного отражения (наглядно-действенный, образный и абстрактно-логический виды мышления). Так, например, В.В. Давыдов, исследуя различные формы обобщения, противопоставляет научное и эмпирическое мышление не по характеру материала, которым они оперируют, как раз по системной организации этого материала. Первое протекает как оперирование с обобщёнными понятиями и установление множественных связей между ними, а второе ограничивается ситуативными, близкими к чувственным связями [27]. Соответственно это выражается в научном и разговорном языке, где, в частности, язык художественной литературы выступает примером промежуточного звена между ними – он выше по уровню обобщения, чем разговорный, и при этом менее строг и более контекстуален (ниже уровень абстрактности), чем научный.

Таким образом, более широкая трактовка языка, чем принято в лингвистике, требует также анализа психических процессов, на языке которых «записаны» эти значения, анализа формы существования невербальных значений в человеческом сознании. По аналогии с вербальными значениями, где психологической структурой значения признается система соотношения и противопоставления слов в речевой деятельности, можно предположить, что и образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или замещающая в некоторых ситуациях категориальную систему естественного языка [128].

Трудности в использовании лингвистических методов анализа значения в психологии состоят в том, что они ограничиваются их изучением только в вербальной плоскости. Задача же семантического исследования значений требует анализа не только «по горизонтали», т. е. их взаимосвязей, но и «по вертикали», т. е. отношений их к чувственности. Многие лингвисты склоняются к мнению, что значения существуют не только в форме словесного понятия. Так, А.О. Резников говорит о сложном по своему составу значении, включающем концептуальный, чувственно-наглядный и экспрессивный компоненты. Последний, в свою очередь, подразделяется на эмоциональные, волевые и побудительные моменты. Е.Л. Гинзбург выделяет в значении слова эмоциональные, экспрессивные и стилистические компоненты [48]. Ю.С. Степанов полагает, что в человеческой речи, кроме основной информации – мысли, – почти всегда можно найти социальную информацию, указание на социальное положение говорящего, информацию эмоциональную и т. д. Однако исключительно лингвистическими методами невозможно выделить эти составляющие значения, показать их взаимосвязь и взаимопереходы. Поэтому декларация сложной организации значения оборачивается простым перечислением его возможных компонентов, причем их все увеличивающееся число грозит превратить понятие значения в понятие «про все», размывает его четко очерченные границы.

Как считает В.Ф. Петренко, выход здесь видится в использовании деятельностного подхода к проблеме значения, в трактовке значения как процесса, «где сами значения как внутренние образования строятся в контексте той деятельности, в которой они актуализованы. Семантика слова, предложения оказывается производной от общей направленности деятельности, в которой они используются в роли средств-орудий, так что значение выступает в качестве «превращенной формы деятельности» [129, с. 135].

1.4.2. Генетический подход к категории значения. Наиболее очевидной сферой деятельности, или, во всяком случае, неотъемлемой составляющей любой деятельности является коммуникация с другими людьми. В процессе развития, в ходе усложнения совместной деятельности, она ведет к формированию автокоммуникации, внутреннего диалога с самим собой, что, по М.М. Бахтину, и является основой, механизмом сознания [78].

Понимание внутреннего диалога как основного механизма сознания перекликается с воззрениями Гегеля, который считал, что сознание выступает формой выделения субъекта из природной среды и установления отношения к ней. Очевидно, что условием такого выделения является дихотомичность, нетождественность переживания и его отражения.

Первоначальная представленность мира субъекту через переживание особенно рельефно просматривается в простейшей и, очевидно, филогенетически первичной форме восприятия и эмоций – в переживании боли, где раздражитель для переживающего организма лишен каких-либо предметных качеств, за исключением разве что широты локализации воздействия и интенсивности (тупая или острая боль). Для следующей филогенетической ступени отражения – ощущения – объектные характеристики также заданы через переживания субъекта. Например, ощущение некоторой поверхности как гладкой характеризует текстуру этой

поверхности через субъективное переживание «гладкости». Объект репрезентирован субъекту также в форме его переживания.

Развитие восприятия, появление предметного образа, выступающего как совокупность чувственных признаков, отделяют объект от субъекта, делают возможным за счет развития механизмов константности сохранение инвариантов объекта (форма, удаленность от субъекта и т. п.). Однако репрезентация мира в форме образа оказывается еще чрезвычайно зависимой от мотивационно-потребностной сферы и эмоционального состояния субъекта. Ещё эксперименты Дж. Брунера показали, что нарушения константности восприятия проявляется у человека в зависимости от мотивационного фактора [21].

Практически непосредственно зависимость восприятия мира от потребности субъекта проявляется у животных. Значение как исторически фиксированная функция орудия у животных, естественно, отсутствует. Правда, современные исследования психической деятельности антропоидов вносят определенные коррективы в представления об их психических возможностях, в частности об их способности к установлению причинно-следственных связей. Как полагает К.Э. Фабри, можно говорить о простейших формах значений, присущих приматам и представляющих собой структуры предметных признаков жизненно важных ситуаций. Но эти простейшие формы значений заданы и ограничены жесткими биологическими рамками жизнедеятельности приматов, и выход за эти рамки невозможен [137].

У человека, как показано в работах Л.С. Выготского и затем конкретизировано его последователями, появлению настоящего значения предшествуют следующие, более ранние формы протозначений.

Наиболее ранняя форма «значения» – это сенсорный след, ощущение, ещё не ставшее словом, но повторяющееся в опыте. Устойчиво повторяющееся содержание, с точки зрения биологической целесообразности, должно быть

закреплено в какой-либо форме. Важно, чтобы затем такая форма закрепления давала максимально облегчённую возможность обращения к этой части опыта. Известно, что первые слова, произносимые ребёнком, происходят из его наиболее непосредственного и наиболее регулярно повторяющегося опыта.

Следующая форма филогенеза протозначения фиксирует уже не только непосредственное ощущение, но и его переживание, называется следом переживания. Здесь также решающим фактором является постоянство и регулярность переживания. Впрочем, при относительной простоте малодифференцированного ощущения младенца обычно и имеет место простота, небольшая вариативность и постоянство переживаний, которые весьма сильны и носят всеобщий и абсолютный характер из-за неразделённости субъекта и мира. Достаточно очевидно также и то, что следы ощущений интегрируются в следах переживаний. В условиях отсутствия сдерживания, переживания проявляются во внешнем экспрессивном поведении, закладывая основу для будущих коммуникативных форм.

Наконец, пережитые манипуляции с объектом, сопутствующие следам ощущений и переживаний, представляют собою третью форму протозначений. В совокупности они образуют, в терминах Е.Ю. Артемьевой, функциональные комплексы или функциональные понятия. Здесь настоящего значения ещё нет, так как в функциональном комплексе не содержится никаких признаков абстрагирования и их нельзя передавать другим. Однако поведение младенца после формирования функциональных комплексов уже перестаёт быть полностью хаотичным [163].

Кроме того, функциональный комплекс не обладает гибкостью, так как поведение на его основе достаточно стереотипно и имеет большое сходство с рефлекторным. Например, ребёнок до трёх-четырёх месяцев хватает все предметы одинаково. Именно поэтому и является адекватным, на наш взгляд, термин «протозначение». Поведенческим же проявлением настоящего

значения должна выступать дифференцированность, которая отражает различия в свойствах объекта.

Первой формой таких значений является значение операциональное, представляющее собою внутренний компонент только ещё формирующихся предметных действий. Можно наблюдать, что ребёнок, примерно с восьмого месяца жизни, большую игрушку начинает хватать иначе, чем маленькую, что способствует в дальнейшем формированию понятия «большой». Далее возникает отражение предмета как части реальности вне прямой связи с манипуляцией, или предметное значение. Продолжая пример с хватанием, можно сказать, что ребёнку уже необязательно хватать объект, чтобы он существовал для него, как отличающийся от других объектов, так как он уже существует в отражении. Кстати, здесь же уточним понятие «предмет». Далее будем понимать под ним субъективное отражение, а то, что соответствует ему в реальности, будем называть объектом.

Наконец, с развитием речи ребёнка операциональные значения и предметные значения интегрируются в истинные значения, когда ребёнок может произнести соответствующее слово, привлечь им внимание других к предмету, что-то о нём сообщить. При этом выделяются такие различающиеся по характеру образования формы значений, как симпрактические и синсематические. Симпрактические значения связаны с конкретными практическими ситуациями а синсематические значения закреплёны в толковых словарях.

При этом важно, что симпрактические и синсематические значения не тождественны. Это можно также представить как проблему соотношения значения (синсематического) и личностного смысла, решение которой А.Н. Леонтьевым уже рассматривалось в подразделе 1.3.

В заключение по данному подразделу отметим, что общее направление развития значения может быть обозначено как постепенное повышение уровня

отражения, уход от непосредственной ситуации. Кроме того, происхождение значений в онтогенезе от сначала перцептивной, а затем и манипулятивной деятельности, указывает на необходимость учёта опыта в содержании заданий опросника.

1.4.3. Системный характер категории значения в психосемантике.

Итак, в результате развития значений, усвоения их от социума, человек получает устойчивую картину его отражения. Однако это становится возможным только при закреплении связей между отдельными значениями.

А.Р. Лурия ввёл очень удачную, на наш взгляд, метафору «удвоения» мира в языке. Он писал, что «... с помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [110, с. 86]. А это уже – основа для управления и объективным миром.

Как уже указывалось в подразделе 1.2, структуры сознания в знаковой форме не просто дублируют исходное содержание, но и дополняют, обобщают его, вводя в новые связи и отношения. Например, человек может обращаться к знаниям других людей, к опыту предыдущих поколений. А наличие грамматических языковых структур, изоморфных деятельностным структурам, позволяет человеку совершать мысленный эксперимент, получая новые знания «в уме», не затрачивая усилия на «метод проб и ошибок».

Однако слово не является единственной формой закрепления значения. А.Н. Леонтьев указывал также на возможность фиксации значений в форме умения как обобщенного образа действия. Можно предположить, что носителями значения выступают и знаки в более широком понимании: ритуалы, выразительные движения, искусственные языки и так далее. Такая широкая трактовка языка, имеющая скорее семиотический характер, содержится в работах В.И. Жинкина, М.В. Гамезо, Б.Ф. Ломова, В.Ф. Рубахина и др. Иными словами, главное – не формы репрезентации субъекту, а их системный характер и социальная нормированность правил их интерпретации. Так, например, сложный технический чертеж является знаковым образованием и несет значения, сопоставимые по уровню развития с понятийными.

Исходя из такой, расширенной, трактовки языка, можно дать следующее определение. Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой зафиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности. В той степени, в какой восприятие, память, мышление или иной психический процесс опосредованы значением (в любой форме), они являются потенциально осознаваемыми. И наоборот, сбои в нормальном функционировании значения ведут к нарушению осознания.

В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести известные эксперименты В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко с влиянием постгипнотической инструкции на восприятие испытуемых [139]. Испытуемым внушалось, что по выходе из гипноза они не будут видеть некоторые предметы. Потом их, уже не в гипнозе, просили перечислить предметы, лежащие перед ними на столе, среди которых находились и «запрещенные». Испытуемые действительно не указывали на запрещенные предметы, но «не видели» также и другие предметы, семантически с ними связанные. Нарушение связи «объект – наименование» проявлялось не только в невозможности назвать предмет, но и в

обратном отношении – в невозможности по «запрещенному» названию представить образ. Так, если испытуемому давали в гипнозе инструкцию о том, что он не знает, что такое курение, то на просьбу экспериментатора в постгипнозе представить табачный ларек он не в состоянии был справиться с этой задачей, представляя овощной ларек, киоск «Союзпечать» и т. д. А при предъявлении испытуемым запрещенного предмета (сигареты) они как бы спонтанно погружались в гипнотическое состояние.

В данном случае, видимо, гипнотическая инструкция блокировала значения слов (или, в терминах теории высшей нервной деятельности, вторую сигнальную систему), посредством которых происходит осознание видимых объектов, как бы «вырезая» в сознании определенные семантические области. В пользу такой гипотезы говорят результаты ассоциативного эксперимента, когда испытуемые забывали слова, относящиеся к запрещенной области, при стимулах, провоцирующих их актуализацию. Так, на стимул «вечеринка», обычно вызывающий в качестве ассоциации среди прочих слово «сигареты», испытуемые не называли это слово и его семантическое окружение. Аналогично в эксперименте с запрещением «видеть» лыжи испытуемые не актуализировали в ассоциативном эксперименте на стимул «отдых в зимнем лесу» лексику, относящуюся к лыжной прогулке, катанию с гор и т. п. [132].

Идеальные эталоны, набор конвенциональных (синтагматических) значений слов закреплены в лексике языка. Они выделяют в отражаемой действительности определённые, культурно закреплённые аспекты. Однако практическая деятельность шире синтагматических описаний, поэтому субъекту, или его языковому сознанию приходится осуществлять не только аналитическую, но и синтетическую функцию. Абстракция признаков и группировка их в новые структуры позволяют строить идеальные модели действительности, выраженные в значении слова. Оперирование этими идеальными значениями происходит по законам грамматики и синтаксиса. Эти

законы имманентно содержат правила человеческого мышления (логику не только научного мышления, но и логику обыденного сознания), поэтому позволяет получать новое знание. Проще говоря, в языке закреплены «правильные» для данной культуры способы мышления.

Как пишет Н.И. Чуприкова, «способность высказывать суждения об увиденном и услышанном – это способность отделять, выделять и вновь связывать в уже расчлененном высшем единстве предмет и его свойства, отдельные объекты и отношения между ними, действие, его результат и т. д. Эта способность составляет характерную черту сознания человека как высшей формы отражения. Осознавать действительность – значит расчленять ее на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности. Чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть вычленено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности» [190].

Восприятие и осознание человеком мира, указывает А.А. Леонтьев, оказывается, таким образом, производным от культурно-исторического бытия человека, так как новые формы деятельности субъекта порождают и новые формы осознания действительности, новые «фигуры сознания», а следовательно, и новые формы его «образующей» – значения. Значение в своем содержательном, семантическом наполнении является не идеальным «инобытием» объекта, а превращенной формой деятельности субъекта, познающего и преобразующего мир [96].

В рамках позитивистски ориентированной логической семантики представление о структуре знака опирается на концепцию «семиотического треугольника» Огдена и Ричардса. Концепция семиотического треугольника выражает отношения знака, а именно то, что он имеет и содержание (значение) и предметную отнесенность (денотат, денотативное значение). Согласно

представлениям, развиваемым логической семантикой, возможно существование слов (имен), имеющих один и тот же денотат (предметную отнесенность), но различные десигнаты (значения). Однако семиотический треугольник Огдена-Ричардса объясняет структуру только таких значений, которые задаются через остенсиональные определения, т. е. через указание на объекты, входящие в объем понятия. Например, объясняя ребенку, что такое окружность, мы покажем ему на солнце, тарелку и т.п. Но, кроме такого, остенсионального определения, содержание знака может быть раскрыто через систему отношений с другими значениями. Так, «окружность – это геометрическое место точек, равноудаленных от центра». В этом определении понятие «окружность» раскрывается через отношение к понятиям «точка», «равноудаленность», «центр» и т. д. В операциональном определении значение задается как результат, продукт, которого достигает субъект, совершив ряд предписанных действий. Так, окружность – это то, что получается на листе бумаги, если на нее поставить циркуль и совершить вращательное движение. Функциональное определение значения, так же как и операциональное, раскрывает его через действие, но не по построению объекта, а по его использованию, применению в деятельности: «окружность – это такая геометрическая фигура, которая перекрывает максимально возможную площадь при заданном периметре»; «округлые предметы таковы, что их можно катить». Заложенные в семиотическом треугольнике Огдена-Ричардса идеи структуры знака близки по своей сенсуалистско-эмпирической основе представлениям ассоцианистской психологии, хотя представление о понятии как об ассоциации отдельных чувственных признаков восходит еще к древнегреческой философии. Понимание понятия как абстракции отдельных чувственных признаков, введенное Платоном, используется и сейчас.

В отечественной психологической науке, прежде всего в работах В.В. Давыдова, показывается, что истинные научные понятия образуются не

путем абстракции чувственных признаков, а через восхождение от абстрактного к конкретному. Например, Марксово понятие стоимости нельзя раскрыть через анализ чувственных – физических или химических – свойств денег. Для того чтобы достаточно полно представить его, необходимо фактически реконструировать всё политэкономическое учение Маркса, в системных связях которого данное понятие и занимает свое место [58].

Это очень важный для нас тезис, поэтому приведём ещё один, общеизвестный, пример. Б. Франклин определил человека как производителя орудий. Рассмотрим это определение сначала в экономическом контексте. В нём не только работники, занимающиеся нематериальным производством, но и работники лёгкой промышленности и производящие потребительские товары, людьми не являются. Чтобы правильно понять это выражение, следует описать контекст всей совокупной общественной практики, где производство идей является необходимым звеном в производстве вещей [103]. Раскрытие понятия как восхождение от абстрактного к конкретному предусматривает раскрытие его системных связей. Следовательно, понятие бесконечно, так как может каждый раз включаться во всё новые связи, приобретая всё новые аспекты значения. Более того, зачастую для описания нового содержания понятия нужны другие, вспомогательные понятия, и таким образом порождаются новые понятия. Поэтому одно и то же слово (понятие) может включаться в разные системы разработчиками теста и испытуемыми. Таким образом, рассмотренные в данном подразделе принципы указывают на необходимость тщательного описания системы, в которой используется определённое понятие. Одним из путей такого анализа является моделирование естественных систем значений, которое будет рассмотрено далее.

1.5. Системное моделирование в психосемантике и значение в контексте системного подхода

Определив нашу промежуточную цель как реконструкцию естественных систем значений в виде модели и то, что это будет психосемантическая модель, рассмотрим подробнее принципы моделирования в данном подходе. Напомним, что предметом психосемантики являются модели систем значений, которые рассматриваются как репрезентация опыта в сознании.

Модели создаются на некоторых априорных допущениях. Например, о том, что сознание адекватно можно описать координатной плоскостью (двухфакторное пространство), в котором каждому объекту приписать две координаты. Или же факторов может быть больше. В любом случае происходит редуцирование данных. Типичный и всем известный пример – создание Р. Кеттеллом шестнадцатифакторного личностного опросника.

Для такого представления необходимо выявить связи между значениями, выделить наиболее существенные из них. Далее на основе описания этих связей обычно интерпретируется отношение испытуемого к объекту. Здесь необходимо отметить некоторое различие между подходами собственно психосемантики и психологии субъективной семантики. Оно заключается в подходе к решению обобщающей задачи – создании моделей субъективного опыта. В психологии субъективной семантики образ мира описывается с минимумом заранее заданных рамок: делается вербальное предположение о механизме создания субъектом значений и систем значений, потом оно экспериментально проверяется. В психосемантике же предположение делается о том, какой математической модели соответствуют системы значений. В математической модели можно гораздо чётче определить параметры на входе и на выходе, и более строго их проверить.

Методы выявления значений и связей между ними тоже во многом едины. Их удобно сгруппировать по способам установления связей.

В определении понятий, методах классификации и субъективного шкалирования, ассоциативном эксперименте испытуемый сам и непосредственно устанавливает связи между значениями. В проективных методиках, методе семантического дифференциала, оценке объекта по

заданным шкалам испытуемый устанавливает связи тоже сам, но уже опосредствованно, через средства, которые создаёт экспериментатор. Ещё одна группа методов основывается на косвенных данных, где связь устанавливается экспериментатором, на основе его теоретических представлений: семантический радикал, измерение времени установления испытуемым связи или соотношения между объектами т.п.

Как отмечалось ранее, методологическое различие заключается в принципе создания моделей, оно в определенной мере напоминает различие между номотетическим и идеографическим подходом. В психосемантике эмпирически подтверждённая модель так и остаётся слишком формализованной, а в психологии субъективной семантики трудно обобщать модели, вернее, вербальное обобщение не обладает достаточной строгостью и сам его процесс достаточно трудоёмок.

Даже из этого краткого представления достаточно очевидно вытекают выводы об основных сильных и слабых сторонах обоих подходов: в психологии субъективной семантики модель ближе к психической реальности и менее формализуема, в психосемантике – наоборот.

Следует согласиться с В.П. Серкиным [163] в том, что термины «психосемантика» и «психология субъективной семантики» целесообразно объединить под общим названием «психосемантика». Правда, основанием В.П. Серкин считает краткость и частоту употребления последнего термина в практике, а мы – принципиальную общность задач. Конечно, различие в подходе к созданию моделей тоже принципиально, и даже продуктивно. А главное – отдельное развитие подходов представляется нам менее продуктивным, нежели их взаимодействие. Конкретнее, можно сопоставлять и тем самым обогащать модели, созданные разными подходами в одной предметной области и даже на одинаковых данных. Представляется, что методологически это уже реализовано в использовании теста репертуарных решёток в массовых исследованиях. В нашем исследовании модель субъективного опыта по методам создания будет, скорее, психосемантической.

В.П. Серкин предлагает определить модель психической деятельности как «динамическую знаковую систему, воспроизводящую существенные свойства реальной психической деятельности через значения входящих в неё знаков» [163, с. 122]. Модель должна быть внутренне непротиворечивой, и соответствовать получаемым данным. Более того, она должна давать возможность проверять новые экспериментальные данные. Она также должна давать возможность обозначить те процессы и функции, которые объясняют полученные данные, иными словами, её язык должен им соответствовать. Это, как известно, общенаучные требования к моделям, однако для моделей, верифицирующих психическую реальность, одним из принципов их построения должна быть субъектность. Именно поэтому модели в «наивной» житейской психологии, предполагающие, что другой человек должен вести себя «как все» или «как положено», не соответствуют данным требованиям [163].

По системообразующему принципу модели психики могут быть следующих основных типов.

Первый тип обозначается как «чёрный ящик». В этих моделях происходящее в объекте исследования как бы не интересует. Он описывает параметры на входе и на выходе, и устанавливает закономерные, или, в всяком случае, наиболее вероятные связи между ними.

Математическая модель предполагает, что описание связи между параметрами на входе и выходе, как математической функции. Наиболее распространены в психологии корреляционные, факторные, кластерные и регрессионные модели. Если модель действительно адекватна, это позволяет вообще не изучать механизм как таковой. К сожалению, адекватные математические модели слишком сложны, а простые, типа закона Вебера-Фехнера, хорошо описывают лишь относительно примитивные психические процессы. Требование субъектности до конца учесть невозможно, так как математическая закономерность даже с поправками, всё равно является внешней по отношению к субъекту, имеет объектный генезис. Учитывая все

эти ограничения, математическое моделирование можно применять в психологических исследованиях, заранее определив необходимую меру адекватности модели, оценив в этом смысле возможности математической процедуры в конкретном случае, помня о том, что математические модели не описывают содержание субъективного опыта (его реконструкция – прерогатива исследователя), а являются лишь операциональными аналогами опыта.

Парадигмальные модели, наоборот, сосредотачиваются на постулировании механизма связи между параметрами входа и выхода. Обычно они вербальны. Именно парадигмальных моделей больше всего в психологии. Их недостатком является затруднённая эмпирическая проверка, так как сложно формализовать все необходимые переменные.

Полагаем, что и в психосемантике, и в психологии субъективной семантики модели должны строиться от целостного интегрального концепта. Более наглядно этот принцип представлен в подходе именно субъективной семантики, так как заданная заранее модель (как в психосемантике) либо аналитична, либо сумбурна. В последнем случае в ней может быть целостность, но нет ясности. Поэтому научная (в противоположность искусству) интерпретация данных всё равно будет произвольной и аналитической. В психологии же субъективной семантики заранее заданной модели нет, она формируется на основе эмпирических данных и постоянно дорабатывается. Примерами методологической реализации могут служить уже упоминавшийся метод триад и методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева. Однако, эти очень ценные в индивидуальной психодиагностике методики, весьма трудоёмки при их формализации. Кроме того, что при этом теряется много важной информации.

Понимание термина «значение», рассмотренное ранее, необходимо, но недостаточно, так как положенный в основу исследования системный принцип требует системного использования значений. Поэтому далее коротко рассмотрим понятие системы и вытекающие из неё принципы создания системных описаний.

В настоящее время системный подход все шире применяется в психологии, накапливается опыт построения системных описаний объектов исследования. Необходимость системного подхода обусловлена укрупнением и усложнением изучаемых систем, потребностями управления большими системами и интеграции знаний. В данном подразделе мы намереваемся рассмотреть принципы применения системного подхода в общем виде, акцентируя внимание относительно наших задач. На этой основе можно будет максимально конкретно определить методологию и методы нашего исследования.

В буквальном переводе с греческого, «система» означает целое, составленное из частей. В другом значении это порядок, определенный планомерным, правильным расположением частей и их взаимосвязями. Нам представляется, что оба значения очень близки – мир имеет тенденцию к интеграции, и, следовательно, постоянно возникают новые системы. Поэтому «целое» всегда будет иметь свои особые закономерности.

Относительно рабочего определения понятия «система», вслед за В.А. Ганzenом, обозначим её как «относительно обособленную совокупность взаимодействующих элементов». Слова «относительно обособленная» в данном определении означают то, что объекты, являющиеся компонентами системы, во-первых, больше связаны друг с другом, чем с любым объектом вне системы, а во-вторых, связь с объектом вне системы уже не описывается на уровне «объект-объект». Их взаимодействие определяется теми связями, в которые включён объект как часть системы. Важным является определение границ системы, то есть того, какие объекты и на каком уровне в неё входят, а какие нет [42].

Соответственно, системный подход, в первом приближении, заключается в рассмотрении совокупности объектов обязательно в их взаимодействии. Далее задачами применения системного подхода становится описание связей и порождения ими системных свойств, которыми ни один компонент в

отдельности не обладает. Это может делаться на разных уровнях, и затем следует также описать взаимодействие между уровнями.

В процессе анализа система выделяется из среды, определяется ее состав, структура, функции, интегральные (системные) свойства а также системообразующие факторы и взаимосвязи со средой. В процессе синтеза создается модель реальной системы, повышается уровень абстрактного описания, определяется полнота состава и структур системы, базисы описания, закономерности динамики и поведения. Системный подход применяется к множествам объектов, отдельным объектам и их компонентам, а также к свойствам и интегральным характеристикам объектов [42].

В целом в психологии интеграция и систематизация психологических знаний даёт возможность для устранения избыточности в накопленной информации и сокращения объема описания, выявление инвариантов психологических знаний, преодоление недостатков локального подхода, уменьшение субъективизма в интерпретации психических явлений. Системный подход позволяет усматривать пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях – путе интерполяции и экстраполяции – предсказывать свойства отсутствующих частей описания. В.А. Ганзен выделяет три основных разновидности системного подхода: комплексный, структурный, и целостный. Использование комплексного подхода предполагает описание совокупности компонентов объекта (системы). При этом не принимаются во внимание ни отношения между объектами, ни полнота их состава, ни отношения компонентов в целом. Он решает «статические» задачи, например, выявление количественного соотношения компонентов. В структурном подходе изучается, прежде всего, состав подсистем и структур объекта. Очевидно, что для этого необходимо разделять подсистемы по какому-то принципу, например, функциональному. В.А. Ганзен называет это декомпозицией. В структурном подходе она осуществляется по произвольным принципам, а не по какому-то единому. Этот подход тоже статичен, так как не рассматривается изменение

системы во времени [42]. В отличие от предыдущих, в целостном подходе изучаются отношения не только между частями объекта, но и между частями и целым. Соответственно, декомпозиция, способ разделения целого на части, единственна. Кроме того, целостный подход изучает состав подсистем и структур объекта не только в статике, но и в динамике, то есть, поведение и развитие системы. Ниже мы рассмотрим это подробнее, а сейчас отметим, что для динамического изучения необходимо сопоставление описаний системы в разные моменты времени.

Первый шаг в создании системного описания – разложение на отдельные объекты, то есть декомпозиция. В науке не существует единственного способа декомпозиции системы на подсистемы, как не существует и единственного системного описания изучаемого объекта. Его выбор определяется целями пользователя, особенностями объекта, возможностями автора описания, его индивидуальными склонностями. В каждом конкретном случае он конструируется как своего рода произведение искусства.

Требования адекватности описания объекту и возможностям отражения пользователя накладывают значительные ограничения на содержание и форму системного описания. Дополнительные ограничения определяются условиями их использования, поэтому в действительности произвольность системных описаний сильно сужается. Учет всевозможных ограничений и критериев оптимальности описаний является важной составляющей процесса их конструирования.

Первичным материалом для построения системных описаний могут служить числовые экспериментальные данные, измерительные психологические шкалы, свойства, психологические категории, принципы, более частные системные описания. В зависимости от первичного материала находятся и уровень абстракции, и методы системного описания. Процедуры построения системных описаний могут быть многошаговыми, включающими в себя ряд промежуточных и окончательную форму. Например, процедура факторного анализа в качестве промежуточных форм содержит

корреляционную матрицу, факторную матрицу, граф факторной матрицы, в качестве окончательной – интерпретацию набора выделенных факторов. Именно окончательная форма описания должна быть хорошо согласована с отражающей системной человека. Для этой цели наиболее подходят основные топологических и метрических структуры в графическом представлении, понятия и системы понятий, высказывания и системные высказывания, формулы, числовые константы [42].

Правильный выбор окончательной формы системного описания служит показателем завершенности системного исследования. Системные описания являются одним из основных результатов системного исследования, поэтому от безошибочного выбора окончательной формы описания зависит эффективность всего исследования, и такой выбор должен быть сделан уже на стадии планирования. Точный выбор окончательной формы позволяет также соотносить результаты данного исследования с результатами других исследования того же объекта.

Системные описания зависят от уровня наших знаний об объекте, целей, ради которых они конструируются, индивидуальных особенностей автора и пользователей. Поэтому системные описания одного и того же объекта могут отличаться как по содержанию, так и по форме. Выбор наилучшего в данных условиях описания должен производиться с учетом названных факторов. С развитием науки хорошие описания заменяются лучшими. Но существуют и требования, которым должно удовлетворять любое описание: оно должно быть адекватным объекту, не должно противоречить основному массиву знаний, накопленному в данной науке, ему надлежит быть «открытым» для включения новых данных, допускать дальнейшее развитие [42].

Разнообразие объектов, языков и форм описания может принести к появлению большого количества разнообразных системных описаний, что затруднит создание целостной картины психики и психологической науки в целом. Системные описания, как и экспериментальные данные, относящиеся к одному и тому же объекту, должны быть сравнимыми, сопоставимыми.

Поэтому важной задачей является установление общности и определение вида отношений между ними, а также способов объединения отдельных описаний в интегральные. Несмотря на различия, иногда весьма значительное, все целостные объекты обладают определенным организационным сходством. Выявить эту общность можно, если подняться на достаточный уровень абстракции, анализа. Сходство описаний необходимо также потому, что все они воспринимаются одной и той же отражающей системой человека. Поэтому задача объединения и сравнения системных описаний требует своего настоящего решения и имеет все предпосылки для этого.

Системное описание можно рассматривать как сложное высказывание об объекте, содержательность которого тем выше, чем лучше оно отражает взаимосвязи и упорядоченность компонентов объекта. Достоверность, правдоподобие системных описаний повышаются, если оно не противоречит подавляющей массе научных фактов, является полным и опирается на регулярную основу. Ценность описания тем выше, чем шире число проблем, которые оно позволяет решать, и чем больше новых задач может быть поставлено, исходя из него [42].

Выше было показано, что само значение является системой, так как поддерживает себя, регулируется и изменяется в соответствии с изменениями более общих систем, и формируется как таковое лишь во взаимодействии с другими частями системы (другими значениями).

В психосемантике на основе видов связей между значениями выделяют три типа систем значений: понятийные, естественные, и модели естественных систем значений.

Понятийные выполняются на основе непротиворечивой систематизации признаков, которые присутствуют в любой научной теории.

Естественные системы формируются на основе связей в повседневной практической деятельности, в отличие от понятийных, зачастую умозрительных. Напомним, что такие связи называются синтагматическими (способы их выявления будут рассмотрены ниже). Отметим также, что такие

системы определяют повседневную деятельность субъекта, но при этом осознаны не полностью. Представляется, что при традиционной схеме разработки опросников как раз и происходит подмена естественных систем значений понятийными. Затем диагностика и прогнозирование поведения с неизбежностью выполняется на основе понятийной системы, хотя субъект ведёт себя в соответствии со своей естественной.

Модели естественных систем значений отличаются от естественных систем значений тем, что чётко эксплицированы и имеют описание, которое можно перенести от одного субъекта на другой. Здесь следует сделать важное замечание. Строго говоря, ни одна обобщённая модель не может полностью соответствовать конкретному субъекту. Однако, учитывая задачи психодиагностики, они необходимы, поэтому в дальнейшем представлена семантическая модель, описывающая общие для всех испытуемых системные моменты.

Как показано в первом разделе, в рамках целостной системы сознания можно выделить в качестве иерархически наиболее высокого семантический уровень, который дает оптимальное сочетание естественных систем значений и возможности их моделирования.

Резюмируя вышеизложенное, определим последовательность создания опросника с учётом системного подхода.

Первому шагу – декомпозиции – будет соответствовать выделение составляющих измерительного конструкта. В традиционной процедуре разработки опросников этому соответствует теоретический анализ основного понятия, в ходе которого производится декомпозиция и определение элементов. Затем в теоретическом определении представляются связи. На этом применение системного подхода в традиционной процедуре заканчивается.

В апробируемой парадигме разработки тестов на первом этапе (декомпозиция) тоже выделяется измерительный конструкт и выполняется его первоначальный анализ. Выделенные элементы служат опорными точками для реконструкции системы естественных значений. Этот этап соответствует двум

следующим шагам – описанию элементов и описанию структуры их связей. Именно в системах значения получают определённую структуру. Структурное описание (модель) будет отражать связи между элементами. Опираясь на эти связи, можно воспроизвести систему естественных значений в структуре опросника.

Далее необходимо внести и элемент подхода целостного, соотнеся отдельные части с целым, В данном случае под частями мы будем понимать отдельные задания, а под целым – весь опросник. Промежуточным иерархическим уровнем могут являться блоки заданий, сформулированных по единому принципу. Это выделение уровней понадобится при психометрической проверке пунктов опросника.

1.6. Категория смысла в изучении проблемы значения

В предыдущих подразделах была отмечена как проблемность, так и неизбежность использования отдельных категорий, в частности, категории смысла.

В этом подразделе мы попытаемся, хотя бы в общих чертах, рассмотреть чрезвычайно объёмную проблему смысла. Разумеется, достаточно полный её обзор превысил бы объём всей диссертации. Тем не менее, анализ понятия смысла совершенно необходим для нашей работы, учитывая его единство с основной нашей категорией – значением. Для того, чтобы раскрыть понятие смысла, необходимо критически сопоставить несколько концепций, и на этой основе выделить максимально компактное определение смысла, которое будет использоваться в дальнейшем.

При изучении литературы было обнаружено чрезвычайно большое количество точек зрения, подходов, теорий и концепций смысла. Учитывая чрезвычайную объёмность их синтеза, и то, что категория смысл является важной, но не центральной в нашей работе, более продуктивный для нас путь – рассмотрение одной из них, подходящей к нашим задачам. В качестве таковой была выбрана концепция А.Ю. Агафонова, поскольку в ней смысл

рассматривается процессуально – как процесс понимания. Именно понимание является одной из основных проблем при разработке и использовании психодиагностических методик. Кроме того, А.Ю. Агафонов рассматривает смысл в тесной связи с понятием значения, которое как раз является для нас центральным.

Эта концепция строится вокруг двух основных идей: смысл есть элементарная единица сознания, а сознание есть аппарат понимания. При этом субстратом психики в целом является организм, а сознания как многофункционального аппарата понимания – память, которая делает возможным установление многочисленных и сложнейших связей между отдельными своими содержаниями, обеспечивая таким образом возможность сложного отражения мира.

Сознание всегда функционирует в актуальном режиме, по выражению автора «на линии текущего настоящего». Соответственно, содержание сознания – это содержание сознания «здесь и сейчас». При этом основной единицей сознания, которой оно оперирует в ходе понимания (как процесс), является смысл, формируемый самим актом понимания. Смысл, таким образом, представляет собою ещё и продукт процесса понимания.

Понимание, поскольку оно является функцией и даже сущностью сознания, неизбежно имеет место, так как фиксация непонимания негативно обнаруживается как осознание результата акта понимания.

Представляется важным, что с точки зрения А.Ю. Агафопова, процедуры понимания осуществляются только в рамках актуализированных мнемических контекстов, то есть на основе уже имеющихся в памяти содержаний, с которыми сопоставляются новые содержания. Изменение в состоянии взаимодействия между сознанием и внешней реальностью является необходимым условием сохранения осознаваемого содержания сознания. Отнесенность событий прошлого и событий будущего к прошлому и будущему времени, при их актуальной представленности в психике в наличный момент времени – это, по А.Ю. Агафонову, опознавательное свойство памяти как

психического феномена в отличие от других видов сохранения и воспроизведения информации. При условии сохранения всех мнемических следов, способность к их воспроизведению зависит от соотношения интенсивности следообразования ко времени интервала удержания следа в памяти [3].

Далее следует также важное для нашей темы представление о бессознательном, которое, тем не менее, участвует в процессе понимания. Структуру бессознательного образуют три мнемических зоны: зона открытого доступа, зона частичного доступа, зона закрытого доступа. В отношении к осознанию эти зоны характеризуются разной степенью доступности содержания памяти.

Как известно, зависимость между временем, необходимым для эффективного запоминания, и объемом запоминаемой информации носит экспоненциальный характер: иначе говоря, чем больше мы уже знаем, тем больше способны запомнить за данный промежуток времени.

Подобным образом, процессы сознания участвуют в установлении конечного эффекта осознания как результата принятого сознанием решения о необходимости осознания. Эффекты осознания фигуры (того, что находится в центре актуального осознания) определяются, в том числе, и неосознаваемой семантикой фона (контекста). В контексте психодиагностики это указывает на необходимость специального изучения того, каким образом испытуемый в ходе неё формирует фигуру. Иными словами, для создания эффективного теста необходимо представлять себе контекст понимания хотя бы для «типичного» испытуемого.

Структуру текста сознания образуют познавательные контуры: аффективный, сенсорно-перцептивный, контур представления, мыслительный контур и рефлексивный контуры. Познавательные контуры сознания можно ещё обозначить как формы смыслообразования, или частные формы понимания [2].

Рефлексивный контур сознания выполняет мнемическую функцию по отношению к текущему настоящему, позволяя помнить о настоящем, рефлексия реализует позитивное понимание. Содержание рефлексивного контура в каждый момент времени тождественно содержанию активного познавательного контура сознания, поэтому рефлексивное понимание неосознанно. Рефлексивный контур сознания отвечает также за субъективную очевидность осознанных переживаний.

Автор разводит понятия смысла и значения, считая первое психическим продуктом, уникальным для содержания индивидуальной психики, и определяющим уникальность человека, в то время как второе принадлежит внешнему по отношению к психике миру. Значение дискретно и константно, смысл же континуален, так как всегда существует возможность многовариантного осмысления значения, создающее условие относительной свободы в поливариативном осмыслении конвенциональных значений [2].

Представляется, что А.Ю. Агафонов несколько расширяет понятие сознания до некоторого уровня, когда оно «поглощает» всю психику, однако при этом остается за пределами рассмотрения связь сознания со структурой «я» (самостью, субъектом и пр.) То есть, сознает не человек, не субъект, а сознание. При этом оно представляет собой многофункциональный аппарат понимания, очевидно бессубъектный, а любые формы психической активности, начиная с сенсорного уровня, заканчивая мыслительной деятельностью и рефлексивными процедурами, трактуются как процессы смыслогенеза. Полагаем, что понятие «сознание» не является рядоположенным эмпирическим понятиям «ощущение», «перцепция», «представление» или «воспоминание». Все эти понятия фиксируют видовые отличия единого феномена сознания.

Автор также ставит вопрос о необходимости обсуждения характера психического материала, из которого строятся психические структуры, без чего нельзя понять логику их функционирования. Действительно, в ряде отечественных концепций субстанция сознания и психики подменялась такими

методологическими концептами, как действие, установка, образ, стимул-реакция и т.д., в обход вопроса о «материале» психического. Таким «материалом» А.Ю. Агафонов предлагает считать смыслы, при этом «наполняя» ими не только сферу сознательного, но и нижележащие уровни психического, вплоть до сенсомоторных. С другой стороны, смыслы оказываются изъяты из внешней реальности, причем не только физической, но и социокультурной.

Истолкование смысла как индивидуально-субъективной принадлежности сближает его с понятием «личностного смысла» у А.Н. Леонтьева и вместе с тем отражает философские и общемировоззренческие тенденции постмодернизма, отрицающие наличие универсалий. Если, например, у В. Франкла человек в поисках смысла трансцендирует пределы своего существования и собственной личности, переходя в особое – духовное – измерение, у А.Ю. Агафопова смыслогенез как функция присущ любому психическому механизму и замкнут во внутреннем пространстве.

Со взглядами А.Ю. Агафопова, на наш взгляд, целесообразно сопоставить точку зрения В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили, которые определяют «смысловое измерение» как укорененное в бытии, реорганизуемое пространство и время [76]. Человек познает мир, проникая в смысл, и может создавать смыслы, творя тем самым миры. Смысловое измерение связано с хронотопом – особым пространственно-временным континуумом, в котором «обитает» сознание, и в котором преодолевается внешне заданное физическое пространство-время. Они представимы как параллельные друг другу: человек одновременно движется в течении астрономического времени, но может «выпадать» из него в собственное содержательное время, которое, в отличие от первого, дискретно. В эти дискретные моменты и осуществляется понимание. Время и пространство стягиваются в точку, оборачивающуюся бесконечностью смысла. Иными словами, сознание «разрушает» физическое время и, по выражению авторов, выходит на «перпендикуляр» духовного времени. На перпендикулярной оси

строится внутренний человек, «высота» которого зависит от того, окажется ли он «на пересечении множества времен в точке абсолютной временной интенсивности, испытает ли ощущение собранности себя, своего Я в этой точке или запутается в сетях времени, в паутине смыслов ... , сотканной человеком из собственного материала (бытия)» [76, с. 25].

Можно предположить, что здесь речь идет о двух этапах «превращения» эмпирической реальности. На первом отражаются реальные внешние события в форме их психических образов. Сознание на втором этапе превращает эти образы в смыслы и строит из них континуум второго порядка, смысловое измерение, пронизывающее как внутреннюю, содержательную, так и внешнюю, феноменальную реальность и уже не совпадающее с первоначальными образами восприятия. В нём объективное время преодолевается противопоставлением субъективно творимого времени, что и создает возможность человеческой свободы.

Развивая далее эту мысль, В.П. Зинченко ссылается на представления Л.С. Выготского об особенностях детского развития, которые, как известно, состоят в том, что в момент, когда складывается начальная форма, уже имеет место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития, которая воздействует на первую. В.П. Зинченко предлагает пойти дальше и допустить формирующее действие предзаданных идеальных форм в качестве универсального принципа развития, а сами формы – в качестве особой реальности, возможно, полевой природы [76].

Мы не претендуем на некое всеобщее и универсальное определение, а попытаемся выделить рабочее определение смысла в рамках данного исследования. Здесь мы можем опираться на идею В.П. Зинченко о наличии идеальных форм, которые, в контексте проблемы значения, можем обозначить как «абсолютное значение». Можно предположить, что оно статично и близко к синтагматическому значению. Смысл же, как подчёркивается авторами рассмотренных здесь концепций, динамичен. Поэтому мы предлагаем

определить смысл как направление трансформации актуальных психических содержаний в формах значений.

1.7. Деятельностный подход к категориям сознания и значения

Проблемы, сформулированные в качестве резюме подраздела 1.2, на наш взгляд, наиболее продуктивно решаются в подходе, основанном на теории деятельности, а именно на работах А.Н. Леонтьева и его последователей, а также на более ранних идеях Л.С. Выготского, и на некоторых исследованиях зарубежных психологов, в той или иной мере затрагивавших проблемы деятельности.

Как уже отмечалось, в психологии понятие значения является одним из ключевых, и его рассмотрение совершенно необходимо в нашей теме. В наиболее общем виде под значением понимается специфически человеческая форма отражения объектов внешнего мира. Данное понимание близко к термину «понятие», но последнее обозначает нечто объективное, закреплённое в языке, а значение субъектно по определению. Ещё одно возможное определение значения – это функция знака, то есть то, что должен вызывать в психике знак.

Раз это психическое отражение, то оно, конечно, нематериально. Но обнаруживается в произнесённых или написанных словах, в которых отражаются связи данного объекта с другими в сознании конкретного человека. Кроме того, что значение субъектно, оно одновременно и социально, так как именно благодаря определённой общности значений люди могут взаимодействовать друг с другом.

В системной организации человеческого сознания А.Н. Леонтьев выделял такие образующие, как значение, личностный смысл, чувственная ткань [101]. Сам термин «значение» достаточно подробно рассмотрен выше.

Личностный смысл определяется отношением субъекта к миру, выраженному в значениях, т. е. как бы «значение значения» для личности, неразрывно

связанное с ее мотивами, ее общей направленностью, в чем и проявляется упомянутая выше нетождественность смысла и значения. Формами проявления личностного смысла может выступать трансформация психического образа (чтобы не повторяться в дальнейшем, укажем, что образ мы считаем всегда индивидуальным). Основой для такой трансформации служит эмоциональная окраска объекта, неосознаваемые установки и т.д. Но он всё равно представлен субъекту в словах, которые социально нормированы. Здесь, на наш взгляд, обозначен один из основных моментов нашей работы. Он заключается в том, что в ходе разработки тестов имплицитно предполагается обратное: язык задаёт психический образ.

Понятие чувственной ткани сознания подразумевает порождённую в практической деятельности данность, которая вербализуется лишь частично, однако именно она является связующим звеном между субъектом и миром. Без неё, на наш взгляд, само понятие «субъект» потеряло бы свой смысл.

Важным представляется и то, что исследование процессов функционирования сознания требует рассмотрения этих образующих в контексте целостного сознания, в их взаимосвязях и взаимопереходах. То есть, такое исследование должно быть системным.

В рамках теории деятельности наиболее полную разработку, с точки зрения В.Ф. Петренко, получили исследования взаимосвязи «чувственная ткань – значение – предметный образ». Сюда можно отнести исследования В.В. Столиным псевдоскопического восприятия, где изучался нормативный статус значения в построении осмысленного образа [171], а также работы А.Д. Логвиненко по хронической инверсии, позволившие операционально развести различные уровни в построении образа. С помощью особого рода оптических устройств, инвертирующих чувственную ткань, им удалось развернуть во времени процесс построения предметного образа и выделить то, что раньше удавалось только в акте специально направленной интроспекции (Gibson, 1988), – еще не означенную, невербализованную, чувственную ткань и продукт последовательного восстановления предметного содержания

инвертированной чувственной ткани. Построение сознательного образа рассматривается в этих работах как выполнение перцептивных действий, материалом которых служит чувственная ткань образа, а общая программа действий задается предметной логикой, фиксированной в значении.

Очевидно, что не только оформленный сознательный образ имеет свою логику актуального порождения, она задается и в индивидуальных значениях и в личностном смысле, так как они тоже являются продуктом внутренней деятельности, которая оперирует с некоторым первоначально данным материалом.

Полагаем, что говоря о присвоении субъектом общественно выработанных значений, В.Ф. Петренко не имеет в виду непосредственную проекцию в сознание субъекта «готовых» знаний. Речь тут идет, по видимому, о формировании в ходе предметной деятельности индивидуальной системы значений. Эта деятельность направляется и структурируется в совместной деятельности: ребенок – взрослый, взрослый – обучающий (роль которого может выполнять и автор письменного текста, не присутствующий персонально), где другой человек выступает как воплощение, носитель общественного сознания. Но как понимание в широком смысле есть встречное порождение, так и усвоение субъектом значений есть построение индивидуальной системы, в той или иной степени приближающейся к системе значений общественного сознания. Этот процесс вызревания индивидуальных значений, форм обобщения, предшествующих понятийной, представлен в работах Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, Дж. Брунера, В.В. Давыдова и многих других. В частности, выделены различные уровни репрезентации объекта, начиная от когнитивных структур, имеющих характер перцептивных обобщений, и кончая формами опосредованной знаковой репрезентации.

Так же как исследование построения образа в онтогенезе позволяет полнее понять актуальный генезис, история развития значений у детей может оказаться полезной в изучении построения значения взрослыми. В частности, в рамках теории «двойного кодирования» Пайвио экспериментально доказано,

что содержание слова может храниться в памяти и в виде некоего вербального кода и в форме образа (Paivio, 1971; Paivio, Csapo, 1969; Wasser, 1974).

Обычно абстрактность и образность противопоставляются друг другу. Абстрактное, или научное задается через целый ряд логически строгих определений, раскрывающих место данного понятия в системе других понятий.

«Житейские», по терминологии Л.С. Выготского, понятия раскрываются нам через прямое и непосредственное соотнесение имени и объекта, или класса объектов. Но, как показали его же исследования, научные понятия, являясь надстройкой над «житейскими», преобразуют последние, включая их в уже сложившуюся систему отношений, повышающих их ранг «научности», осознанности. Понятия, сохраняя «привязку» к чувственной основе, входят в некоторую систему отношений, и такие достаточно абстрактные понятия, например, в физике, – «движение», «сила», «материя» – сохраняют глубокие корни чувственного содержания. По видимому, хорошие учителя и преподаватели интуитивно создают структуру научных понятий на чувственной основе обучающихся. Эмоционально окрашенные понятия, такие как «любовь» или «тоска», обладают чувственной тканью, которая переживается как образность понятия. В отличие от них, некоторые научные понятия не имеют метафорических аналогов ни в обыденной физике окружающего мира, ни в сфере душевных переживаний [130]. Например, понятие «термоядерная реакция» вряд ли имеет чувственное отражение даже у тех, кто понимает её сущность. Впрочем, А. Эйнштейн упоминал, что иногда представлял себя «летающим на кончике светового луча», формулируя некоторые положения теории относительности. Хороший математик не только знает некоторую функцию, но и может описать ее «субъективный образ». Этот процесс вторичной визуализации абстрактных понятий пока что очень мало изучен, но есть основание предполагать его важность для мышления [133].

Определение абстрактности понятия как места в иерархии родовидовых отношений также неадекватно с точки зрения психологии. Вряд ли понятие

«хордовые» более абстрактно для субъекта, чем понятие «позвоночные» (пример В.Ф. Петренко). В эксперименте Рипса, Шобина и Смита (Rips, Shoben, Smith) было показано, что понятие «животные» (более абстрактное с логической точки зрения, чем понятие «млекопитающие») ближе по семантическому расстоянию к конкретным названиям животных, чем понятие «млекопитающие».

Возможное решение проблемы выявления уровня обобщения было найдено в теоретико-множественной модели памяти (Bower, Meyer, Schaffer, Wallace). В этих исследованиях обнаружено, что семантическое расстояние между понятиями и соответственно время их последовательного извлечения из памяти пропорциональны числу общих функциональных признаков их предметных денотатов. То есть, если представить значение в виде пучка функциональных признаков, данная проблема уровня развития значения может быть сведена к анализу уровня обобщения уже не значения, а функциональных признаков объекта в сознании субъекта. Так, Мак-Нейл (McNeil) выделяет два уровня развития значения: «горизонтальное» развитие, сопровождающееся увеличением числа семантических признаков значения слова, и «вертикальное», при котором признаки упорядочиваются, а признаки, приобретаемые позднее, характеризуются все большей степенью абстрактности. Это даёт основания считать, что уровень развития значения (абстрактность понятия) можно охарактеризовать через формы отношений, в которые оно входит с другими значениями [по 132].

Соответственно, полнота содержания значения будет зависеть от количества раскрытых отношений данного значения с другими по каждому из типов отношений. Как известно, эта идея сформулирована ещё Л.С. Выготским, который считал, что степень развития значения определяется характером системной организации значения, наличием сетки понятийных отношений данного значения с другими. Он использовал понятие общности, характеризуемой как место понятия в иерархии структур обобщения (долгота понятия), так и широты его предметной отнесенное (широта понятия).

Определение уровня развития значения или абстрактности понятия (для развитых значений) через сетку понятийных отношений позволяет снять оппозицию чувственное – абстрактное и ставит тем самым проблему отношения и взаимодействия этих самостоятельных параметров [130]. Поэтому операциональным критерием его классификации понятий на «житейские» и «научные» выступала возможность включения испытуемым исследуемого значения в причинно-следственное определение.

В.Ф. Петренко полагает, что можно провести дальнейшую дифференциацию научных понятий по степени их развития («научности»), исследуя формы отношений, в которые может входить понятие с другими значениями. Например, многие преподаватели интуитивно судят о том, насколько студент владеет научным понятием по способности его применить, то есть включить в связи с другими.

Системный анализ значения, таким образом, нуждается в развитии того, что В.Ф. Петренко назвал теорией «обобщенного предиката». На наш взгляд, в операциональном определении абстрактности понятия через анализ типов его отношений, моделью последних может служить аппарат лексических функций И.А. Мельчука [117], [118], или типов валентности, по Ю.Д. Апресяну, являющихся в большинстве своем обобщенными предикатами [9].

1.7.1. Функциональная схема образа мира. Как следует из предыдущего подраздела, именно деятельностный подход представляет наибольшие методологические перспективы описания систем значений, и, в частности, основы для адекватного моделирования психической реальности в психодиагностике. Однако для этого необходима достаточно чёткая концептуализация, базирующаяся на какой-то единой категории. Выше мы уже неоднократно упоминали, ссылались и частично описывали такую категорию, как «образ Мира», введённую А.Н. Леонтьевым [103] для решения проблемы обобщения многочисленных эмпирических данных. Однако данная работа имела непосредственной практической целью обобщение результатов исследования, прежде всего,

восприятия, поэтому в ней не слишком детально разработан «образ Мира» как общепсихологическая категория.

Тем не менее, полагаем, что категория образа мира имеет огромный описательный потенциал для всей феноменологии познавательной деятельности человека и для всех направлений психологии. Это подтверждается частотой её использования и занимаемым местом в исследованиях ведущих отечественных психологов, в частности, Е.Ю. Артемьевой [11, 12 и др.], Е.А. Климова [82]; Д.А. Леонтьева [105], С.Д. Максименко, В.В. Петухова [148], С.Д. Смирнова [168], и многих других. Однако, как указывает В.П. Серкин, сегодня даже в авторитетных научных журналах можно встретить статьи, авторы которых называют простое изменение набора предметов в учебных программах «развитием образа мира учащихся», а любые различия в результатах психодиагностических методик, объявляют «различиями в образе мира» [162]. В.П. Серкин полагает, что такая профанация возможна из-за отсутствия четких определений данного понятия, и предлагает свою концептуализацию, которую мы рассмотрим в данном подразделе.

А.Н. Леонтьев пишет, что «образ Мира» кроме четырех пространственных и временного измерений имеет еще и пятое квазиизмерение. Это измерение значений, в котором отсутствуют модальности. Он подчеркивает, что «образ Мира» определяется не только пространственно-временными характеристиками, но и значением отражаемого для субъекта. При этом мерность этого «квазиизмерения» особая, она заключается во внутрисистемных связях объективного мира [103].

Но есть и важное различие. Субъективное значение событий, предметов и действий с ними структурирует образ мира не тождественно миру объективному. Вообще, как указывал А.Н. Леонтьев в той же работе, «образ Мира» «вычерпывает» объективный мир. То есть, в «образе Мира» представлены не все объективные мерности, а только те, которые были установлены субъектом в его индивидуальной познавательной деятельности. Например, если мы примем как объективное течение времени, то в его

субъективном отражении вполне могут совмещаться события, произошедшие объективно в разное время. То же может касаться и пространства. Это обычно обусловлено аффективным восприятием, которое способно «стягивать и растягивать» как пространство, так и время. В литературе и особенно в поэзии этот субъективный феномен обыгрывается постоянно. К.Г. Юнг идёт ещё дальше, утверждая в феномене синхронистичности о влиянии психики даже на объективный мир.

Таким образом, понятие «образ Мира» представляет собою прежде всего субъективную, пристрастную модель мира, включающую и рациональное и иррациональное – в зависимости от субъективных переживаний в деятельности. Иными словами, из объективного мира извлекаются значения-для-меня. Следовательно, четыре измерения пространства-времени «пронизаны» пятым измерением – значением, и любая представленная субъекту точка в нём имеет ещё и эту координату, которая может полностью не совпадать с физическим расположением. Это закреплено даже в поговорках, например «В Сибири сто вёрст – не расстояние, а сто лет – не старуха». То есть квазимерность «образа мира» отражена и в языке, так как человеческий опыт не мог с этим не столкнуться.

Что же касается науки, то использование рассматриваемой модели предполагает отказ от моделей неизменного изоморфного пространства и времени. В.П. Серкин полагает, что мы вообще должны при использовании понятия «образ Мира» пользоваться структурами описания не материальных объектов, а таких идеальных явлений, как понятие, представление, идея, мысль и др. В целом это можно объединить в категории значения. Вероятно, именно это и имел в виду А.Н. Леонтьев, описывая «образ мира» как систему значений.

Уже сейчас можно обозначить некоторые методологические последствия этого тезиса. Например, при моделировании встают проблемы синхронизации процессов «внутреннего» и «внешнего» миров, пересмотр экспериментальных

данных обо всех познавательных процессах как выстроенных не только «в результате», но прежде всего «для» деятельности [175].

На основе вышеприведенных рассуждений В.П. Серкин так формулирует определение рассматриваемого понятия: «Образ мира» – понятие, введенное А.Н. Леонтьевым для описания интегральной системы значений человека. Образ мира построен на основе выделения опыта (признаков, впечатлений, чувств, представлений, норм и пр.), значимого (существенного, функционального) для системы реализуемых субъектом деятельностей. Образ мира не приписывается миру субъективно, это наполнение образа реальности значениями и тем самым построение его. Образ мира, презентуя познанные связи предметного мира, определяет в свою очередь восприятие мира» [162, С. 15]. Кстати, уже в этом определении имеется указание на субъективность: не просто понятие, а «понятие, введенное А.Н. Леонтьевым».

Именно в контексте теории деятельности следует понимать сделанное А.Н. Леонтьевым функциональное расчленение сознания на образующие его функциональные подсистемы – значение, личностный смысл и чувственную ткань. Функции значения и личностного смысла как образующих сознания состоят в структурировании, трансформации чувственных образов в соответствии с общественно-исторической практикой и субъективным опытом.

В этом разделении подчеркивается, что значения являются только одной из трех образующих сознания. Следовательно, интегральная индивидуальная система значений сама по себе (без других образующих) не может быть признана ни сознанием, ни его аналогом. Сопоставляя употребления понятий «сознание» и «образ мира» в контексте работ А.Н. Леонтьева, В.П. Серкин предлагает еще одно определение: «Образ мира» – понятие, введенное А.Н. Леонтьевым для описания интегрального идеального продукта процесса сознания, получаемого путем постоянной трансформации чувственной ткани сознания в значения («означивание», опредмечивание)». Основным тезисом второго определения, как нам представляется, выступает идея о том, что образ мира

можно рассматривать как процесс, в котором трансформируется идеальный интегральный продукт работы сознания.

Итак, понятия «сознание» и «образ мира» не тождественны, так как чувственная ткань, в терминах самого А.Н. Леонтьева, не является составляющей идеального образа. А трансформация чувственных образов сознания в значения детерминируется закономерностями существования образа мира и совокупностью реализуемых субъектом деятельностей.

Рассматривая «образ Мира» как сложившуюся динамическую систему, необходимо учитывать, что, помимо тенденции к развитию, она имеет и тенденцию к сохранению уже существующей структуры. Или, иными словами, устойчивость. В.П. Серкин даже предлагает считать баланс устойчивости и изменчивости одной из характеристик позволяющих создать типологию образов мира и алгоритмы описания индивидуальных образов мира [162].

В отечественной психологической традиции любое сложное психическое образование традиционно рассматривается как регулятивная и ориентировочная подсистема практической деятельности. Соответственно и образ мира является такой подсистемой всей системы деятельностей субъекта. Поэтому образ мира должен сопоставляться не с одной деятельностью, выделение которой с неизбежностью будет искусственным, а со всей системой деятельностей субъекта. При целостном рассмотрении всей системы деятельностей субъекта становится очевидным, что ее побудительной и ориентировочной подсистемой является план внутренней деятельности. Соответственно индивидуальные образы мира суть такие же подсистемы. Для выполнения своих функций такая подсистема должна быть весьма специфичной. В этом отношении подчёркиваемая А.Н. Леонтьевым её динамичность подразумевает, что в ней отношения предметов, как и пространственно-временные параметры, субъективны, изменяемы, вариативны. В плане внутренней деятельности можно создавать любые комбинации предметов и их свойств, рассматривать любые взаимодействия и их возможные последствия. Отсюда В.П. Серкин выводит ещё одно определение: «Образ мира – план

внутренней деятельности субъекта». И, раскрывая это определение: «план внутренней деятельности есть интегральная индивидуальная система значений человека» [162, с. 17]. Таким образом, можно сказать, что «образ Мира» является системой значений. По мнению автора, основные трудности обсуждения функций образа мира связаны с нечетким определением надсистемы, в которой функционирует образ мира. Исходя из последнего определения, он предлагает выделить две надсистемы образа мира. Первая – это сознание. Поскольку система значений не тождественно сознанию, а является одной из трёх составляющих его подсистем, сознание и является для внутреннего плана (образа мира, системы значений) НАДструктурой, в которой образ мира реализует функцию переработки чувственной ткани в другие образующие сознания. Аналогично, если образ мира не тождествен сознанию, то в структуре «сознание – образ мира – бытие» можно выделить еще и вторую – бытийную надсистему образа мира, или, иначе систему актуальных деятельностей субъекта, при указании на которую можно описывать функции образа мира, отвечая на вопрос «для чего?».

Из описаний функций образов и значений можно вывести и функции их систем. С точки зрения А.В. Запорожца, «важнейшей функцией образа является регуляция деятельности. Чтобы выполнить свою функцию, отражение должно быть объективно верным» [70, с. 152]. Вторая функция образа – условное подкрепление поведения при его совпадении или несовпадении с имеющимся образом. Именно благодаря этому возможно обучение правильному способу действия. Вспомним также, что в теории формирования двигательного навыка Н.А. Бернштейна тоже представлен «образ результата действия», с которым сличается актуальный результат.

П.Я. Гальперин, рассматривая проблемы формирования образа в процессе построения ориентировочной основы деятельности, также подчёркивал специфику ориентировочного подкрепления. При этом речь идёт, правде, не о стимуляции определенной реакции, а об указании на объективную

связь. Это помогает преодолеть рассогласование не в плане действия, а в плане образа путём внесения поправок и корректировки [44].

Как специфическое явление опережающего отражения выделяет образ-цель Б.Ф. Ломов. В таком образе объект отражается как изменяющийся не сам по себе, а в результате деятельности. «Образ-цель как бы впитывает весь профессиональный опыт человека, а также включает и представление о средствах деятельности, то есть опосредствуется используемой в процессе этой деятельности техникой» [107, с. 218]. Следовательно, именно образ-цель обеспечивает направленность и координацию произвольных усилий, а динамический стереотип перцептивных действий восприятия строится, существует и изменяется на основе образа-цели.

Итак, при рассмотрении функции образа мира как подсистемы сознания, становится очевидным, что он обеспечивает переработку чувственной ткани сознания в формы значений. При наложении и функций образа мира как подсистемы совокупность деятельностей субъекта, можно определить его функции уже интегрально. Мы рассмотрим те из них, которые могут иметь достаточно непосредственное отношение к проблемам психодиагностики, понимаемым сейчас как проявления функционирования «образа Мира».

Прежде всего, благодаря образу мира деятельность иерархизируется. Это происходит различными способами: побуждение, подкрепление, произвольность, оценка. Общее между ними то, что происходит сопоставление между целями, предметами, или образами результата.

Вторая функция заключается в хранении форм значений, причём значений как интегральной системы. Именно благодаря этому возможны такие операции со значениями, как опознание, сличение, актуализация и другие.

Третья функция заключается в обеспечении процессов целеполагания, ориентировки и прогнозирования на основе генерации и комбинирования предметных гипотез. Очевидно, что при этом происходит «сборка», по выражению В.П. Серкина, новых форм значений. Кстати, он выделяет как отдельную функцию «оперативную генерация предметных гипотез на основе

предварительной генерации и актуальной информации» [162]. Мы же считаем более целесообразным не расчленять эту функцию, ведь, строго говоря, при психодиагностике скорее выявляются уже «готовые» на момент тестирования значения.

Четвёртая функция – развитие образа мира как плана внутренней деятельности субъекта на основе интериоризации новых форм значений. Выше уже отмечалось, что предметные гипотезы формируются как планы внутренней деятельности.

Пятая функция «образа Мира» заключается в рефлексии, делающей возможными регуляция и контроль поведения. Это важно потому, что рефлексивный акт, происходящий при ответе испытуемого на задание теста, осуществляется в рамках целостного образа мира.

1.7.2. «Трёхслойная» концепция структурирования субъективного опыта. В этой концепции Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков и В.П. Серкин исходят из идеи о возможности интеграции разных областей психологии на основе «единственной психической реальности» – закономерностях структурирования субъективного опыта. Для изложения этой идеи представим небольшой исторический экскурс.

Ещё первые когнитивисты сделали предметом изучения процесс преобразования информации и выявили наличие определённых структур этого процесса. Примерами таких структур могут служить перцептивный цикл У. Найсера и понятие перцептивной готовности Дж. Брунера. Позже появлялись многочисленные, в частности, сетевые модели, описывающие процесс переработки информации по определённым закономерностям.

Следующим шагом, именно в области психосемантики, было доказательство Ч. Осгудом инвариантности механизмов оценки разномодальных и вообще разнородных объектов с помощью семантического дифференциала. В частности, все они могут быть описаны, как утверждал он, с помощью единой триады факторов Сила – Оценка – Активность.

Е.Ю. Артемьева с коллегами указывают, что в каждой отрасли психологии используются достаточно изолированные системы понятий, которые организуются на основе какого-либо центрального понятия. Но основной феномен психики состоит в индивидуальном и субъективном структурировании мира. Поэтому предлагается использовать систему понятий, описывающих закономерности этого структурирования. Мы рассмотрим эту концепцию более подробно, поскольку она непосредственно связана с нашей работой и, как нам представляется, в определённой степени интегрирует подходы, рассмотренные выше.

На основе введённого А.Н. Леонтьевым понятия «образа Мира» ставятся задачи изучения субъективного мира как мета-структуры, складывающейся во взаимодействии прошлого опыта и актуальной деятельности. Принципиальным здесь является то, что отражение мыслится в контексте деятельности, и используется понятие «следов деятельности» как субъективного отражения мира.

Поиски параметризации «образа мира» и привели авторов рассматриваемой концепции к «трёхслойной» модели структуры опыта. В каждом из слоёв деятельность отражается своим способом, для описания которого применяются различные единицы.

В так называемом перцептивном слое следы деятельности существуют в виде образов восприятия. Во втором слое, семантическом, они отражаются в виде отношений к предметам этих деятельностей и экспериментально регистрируются в виде семантических структур.

В многочисленных экспериментальных исследованиях (В.П. Серкин, Н.А. Русина, Б.Й. Цуканов и др.) было показано определенное единство способов категоризации людьми самых разных объектов – от социальных до переживания временных интервалов. Это одно из основных положений и нашей работы.

Третий слой, это, собственно, уже не отражение, а сам непосредственно субъективный, с собственными закономерностями, мир. Он несёт в себе

наиболее глобальные представления, и содержит амодальные по определению объекты (здесь слово «объект» принимает весьма специфическое значение, которое будет представлено ниже). Полагаем, что именно его описывает человек, когда рассказывает об «объективной реальности».

Авторы концепции предлагают выделить ещё более «расчленённые» характеристики, чем привычные «смысл» и «значение». Так, например, понятие смысла – фиксированного отношения к предмету деятельности – подразделяется на частичный (какой-то определённой модальности), полный (формирующийся при взаимодействии значений разной модальности), и личный (ВНЕмодальный, или НАДмодальный). Очевидно, что частичный смысл относится к перцептивному слою, полный – к семантическому, и личный – к субъективному образу мира. При этом каждый может быть выражен словом, то есть то, что по идее Е.Ю. Артемьевой должно быть семантически, означено.

Не рассматривая подробно исследования, приведшие авторов к данной модели, опишем их представления о движении следов деятельности по этим слоям. Самая первичная категоризация происходит, когда объект, ещё не обозначенный словом или образом, определяется как опасный или неопасный. При этом «опасным» на этом уровне он оказывается, если не соответствует минимально структурированным предожиданиям. Далее, уже в перцептивном слое, происходит сопоставление с целями деятельности, на основе чего формируются так называемые предсмыслы, уже обозначенные отношения, и становится частичным смыслом. Далее, в семантическом слое происходит оценка отношения к ним субъекта «здесь и сейчас», то есть формируется полный смысл. Переход или непереход в слой образа мира определяется тем, совмещается ли он с теми личными смыслами, которые уже там есть. Здесь он может быть принят («да, так и есть!»), отвергнут («нет, так не бывает!»), или же происходит изменение структуры ядерного слоя. Предметом в данном случае называется то, что имеет культурное значение. Соответственно, объект

может становиться или не становиться предметом. Становится в том случае, если существовала ранее или была создана субъектом в момент «предметизации» основа для этого.

Для построения модели фиксации следов деятельности любой природы необходимо обсудить, с какой же «реальностью» субъект, осуществляет превращение следа в смыслы и значения, под которыми подразумеваются образования более устойчивые, чем смыслы, несущие следы совокупных деятельностей, зафиксированные в культуре. Следовательно, формируемое значение предмета, как оно выступает для отдельного человека, есть результат деятельности человека с этим предметом, а не объектом. Очевидно, возможности операций с объектом только и ограничиваются различием его опасности-неопасности (неожиданности либо ожидаемости). В любом случае, объект не может быть орудием преобразования.

В свою очередь предмет может быть орудием, то есть он по существу уже имеет «преобразующую силу». В метафоре она может быть представлена как цена инструмента – чем более функционален инструмент, тем он дороже. Причём, подобно бесполезности инструмента без человека, источник этой силы – не в средстве, а в субъекте. А он, как известно, является продуктом культуры. Таким образом, можно сопоставить предмет с формой, а субъект – с содержанием. И, по аналогии соответственно, «образ Мира» можно считать культурным образованием.

Учитывая культурный контекст понятия значения, его можно определить не только «как отпечаток деятельности с ним в субъективном опыте», в нём можно выделить и функцию значения: изменять и преобразовывать как внутренний, так и внешний мир. Мы вполне согласны с мнением авторов «трёхслойной» концепции о том, что это происходит посредством организации деятельности. Собственно, эта идея в несколько иных контекстах высказывалась и А.Н. Леонтьевым. Но здесь мы подчёркиваем её, так как для нас весьма важным является придерживаться данного, функционально-

преобразующего понимания значения. Ведь это совершенно по-новому представляет предмет нашего исследования. Кратко сформулируем его здесь в качестве резюме по данному подразделу.

Итак, образ мира может быть представлен как система значений. Хотя такое представление не является полным, на уровне разработки конкретных психодиагностических методик оно может быть для нас ведущим. Системы значений, таким образом, следует понимать не только как фиксацию следов деятельности, но и как то, что порождает деятельность. Соответственно, содержание и взаимосвязи значений, относящихся к измерительному конструкту психодиагностической методики, а также определённые психосемантические параметры, будут определять деятельность (поведение) испытуемых наиболее полно.

Выводы по первому разделу:

1. Современное состояние психодиагностики, которое можно определить как кризисное, характеризуется неадекватным опережением теоретических разработок эмпирическими. Осложняясь проблемой некомпетентного использования, такое положение приводит к всё большей произвольности в практическом использовании психодиагностических методик. Таким образом, соотношение теоретических и практических аспектов современной психодиагностики не является гармоничным. Одним из возможных направлений в преодолении указанных проблем может быть разработка психодиагностических методик с чётко разработанной основой интерпретации, или, по выражению Л.Ф. Бурлачука, сближением «измеренной индивидуальности» и реального человека.

3. Анализ общепринятой технологии разработки психодиагностических методик, в частности, опросников, показывает, что представление об «измеряемой индивидуальности» в них определяется в основном, системой значений разработчиков. Она носит преимущественно научно-теоретический

характер, и маловероятно, чтобы она совпадала с системой значений потенциальных испытуемых в соответствующей области, так как одни и те же понятия при этом включаются в разные контексты. Процедура же психометрической проверки и проверки валидности не позволяет выявить степени их совпадения. В этом проявляется одна из ключевых проблем данной работы – различие как содержания, так и структуры научных и «житейских» понятий, или, на индивидуально-психологическом уровне, различия обобщенно-социального значения и индивидуального смысла.

4. Анализ работ ведущих исследователей в области психосемантики подтвердил, что характеристики значений, соответствующих одним и тем же понятиям, существенно различаются в науке и в обыденной жизни. Кроме того, в «обыденном сознании» уровень обобщения и категоризации обычно не совпадает с таковым в научном мышлении, которое как раз задействовано в разработке тестов.

5. Лингвистический подход к проблеме значения следует признать весьма продуктивным в изучении языка, но недостаточным для поставленных в нашем исследовании задач из-за отчужденности предмета лингвистики – языковых моделей – от конкретного субъекта.

6. Такие направления, как психосемантика и психология субъективной семантики в гораздо большей степени обеспечивают возможность адекватного описания систем значений. Это обусловлено прежде всего преодолением отчужденности субъекта от текста в лингвистике, через категорию деятельности. Семантический подход позволяет более точно описывать значения как обобщенную идеальную модель объекта в сознании, не теряя при этом существенных характеристик его отражения в деятельности. Особенно это важно для создания модели, которая станет основой психодиагностического теста.

7. Для решения каждой конкретной практической задачи необходимо определение адекватного баланса между ориентацией на коннотативные (оценочные) и денотативные (предметные) характеристики значения. При этом

в реконструкции семантического пространства нервно-психической устойчивости в большей мере должны быть представлены коннотативные характеристики, однако их связь с денотативными тоже должна быть обозначена.

8. Генетический аспект значения указывает на необходимость учёта релевантных ему особенностей популяции, в частности, возрастных и гендерных. Именно поэтому наш тест создавался для юношей достаточно узкой возрастной группы 17-25 лет.

9. Значение приобретает индивидуально-личностный смысл и присущие этой категории свойства только в системе связей с другими значениями, то есть, имеет системный характер. Следовательно, для решения поставленных в нашем исследовании задач необходимо целостное представление системы естественных значений, которое может быть реализовано с помощью факторного анализа и представлено графически.

10. Сформулированное на основе теоретического анализа определение категории смысла как «направления трансформации актуальных психических содержаний в формах значений» указывает на необходимость учёта субъективной категоризации ситуаций, представленных в заданиях теста, что предполагает максимально чёткую экспликацию содержания заданий. В нашей работе это может проявиться в разной степени когнитивной дифференцированности опорных понятий.

11. Рефлексивный акт, происходящий при ответе испытуемого на задание теста, осуществляется в рамках целостного «образа Мира», что дополнительно указывает на необходимость системного подхода при создании теста. Именно поэтому собственно нервно-психическая устойчивость рассматривается в более широком, в том числе социальном контексте.

12. Деятельностный аспект категорий сознания и значения представлен во взаимосвязи чувственной ткани, значения и предметного образа, которые, в контексте разработки теста, должны быть отражены в тексте заданий.

РАЗДЕЛ 2

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ ЗНАЧЕНИЙ

В ходе эмпирических исследований, задачей которых является реконструкция систем значений, обычно используется вербальный материал в виде заданий, шкал и т.д. Поэтому по самому характеру стимульного материала выделить психосемантические методы достаточно затруднительно. Ф. де Соссюр считает, что критерий разделения, например, лингвистических и психосемантических исследований заключается в их предмете. Предметом психосемантики является речь, а лингвистики – язык. Конечно, речь без языка и наоборот невозможна, но в данной работе этот критерий вполне удобен. Кроме того, он указывает на некоторую специфичность контекста психосемантических исследований, которую мы сформулируем следующим образом: приоритетным будет не соответствие выявленной семантической структуры языковым структурам, а сама структура. Далее рассмотрим в этом, собственно психосемантическом, контексте различные методы описания, реконструкции и анализа значений.

2.1. Метод субъективного шкалирования

Этот метод, заимствованный из классической психофизики, является простым и прямым методом получения матрицы семантического сходства. Перед испытуемыми ставится задача оценить «сходство значений» с помощью некоторой градуальной шкалы. Например, в экспериментах Г. Рубинштейна и Дж. Гуднау это была пятизначная шкала, где «0» обозначал низшую степень сходства, а «4» – высшую. В экспериментах А.П. Клименко использовалась десятибалльная градуальная шкала [83]. Существуют модификации процедуры субъективного шкалирования, в которых испытуемым предлагается оценить степень сходства между двумя объектами.

Результаты субъективного шкалирования нескольких объектов обычно представляются в виде групповой матрицы, где, например, строки обозначают объекты, а столбцы – испытуемых. Если ставится задача группировки этих объектов по субъективным семантическим параметрам, в столбцах может стоять количество испытуемых, оценивших этот объект определённым баллом, а сами столбцы обозначают эти оценки.

Далее первичная матрица преобразуется в квадратную симметричную матрицу расстояний между стимулами. При этом, чтобы не было отрицательных знаков, расстояниями считаются средние суммы квадратов разниц между оценками стимулов. Для удобства эти расстояния нормируются относительно единичного максимального значения. Очень громоздкие матрицы расстояний с множеством оцениваемых объектов и многими градациями могут факторизоваться, то есть сводиться к относительно небольшому числу шкал.

Прямое субъективное шкалирование, как представляется, дает более точные результаты по сравнению с техникой косвенной оценки, но характеризуется значительной трудоемкостью. А главная методологическая проблема заключается в том, что достаточно низка вероятность того, что критерий оценки будет именно тем, который предлагает экспериментатор. Таким образом, трудоёмкость групповых исследований с применением этого метода состоит прежде всего в том, что либо прикладываются большие усилия для унификации субъективных критериев оценки, либо производится реконструкция этих критериев.

2.2. Ассоциативный эксперимент

Ассоциативный метод является, пожалуй, наиболее разработанной техникой семантического анализа, хотя область его использования шире. И это один из первых проективных методов, получивший применение в психоанализе. З. Фрейд полагал, что ассоциации являются прямой либо

символической проекцией внутренних психических содержаний, зачастую неосознаваемых.

Этот метод подробно обсужден в работах американских когнитивистов Дж. Диза (Deese, 1962; 1964), Д. Диксона и Д. Хортон (Dixon, Horton, 1968), Б. Крильмана (Creelman, 1965). Анализ психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциаций, дан в многих работах А.А. Леонтьева [91, 93, 98]; Л.Б. Ительсона; А.А. Брудного [20]; Б.А. Ермолаева, В.Ф. Петренко [132] и многих других авторов.

Общая схема ассоциативного эксперимента такова: испытуемому предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации, причем возможен как свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемый не ограничен в выборе возможных ассоциаций, так и направленный, где его ассоциативный поток ограничен по инструкции рамками некоторого грамматического класса. При этом «не заданные» экспериментатором эмоциональные реакции, такие, как смех, вздохи и тому подобное считаются указанием на связь содержания стимула с аффективными комплексами. На основе анализа совокупности таких реакций исследователь может описать этот аффективный комплекс.

В ассоциативном эксперименте, предложенным К.Г. Юнгом, не меньшее значение, чем содержанию, придавалось времени реакции. Считалось, что оно тем больше, чем больше задействованы в этой реакции психологические защиты. Отметим, что при правильном определении контекста, этот вид ассоциативного эксперимента является весьма информативным, однако, он больше применим при индивидуальном обследовании.

Для оценки результатов ассоциативного эксперимента применяются специальные словари, в которых приводится относительная частота встречаемости ответов на определённые стимулы. Весьма интересен факт, на который указывает В.П. Серкин: приводимые в таких словарях «ассоциативные нормы», во-первых, достаточно специфичны для возрастных, профессиональных, социальных групп, а во-вторых, нормы изменяются

быстрее, чем сами значения [163]. Можно указать, что в этом феномене проявляется обсуждённая в подразделе 1.7. данной работы культурно обусловленная трансформация значения, точнее, один из её этапов, который можно обнаружить в массовых исследованиях.

В настоящее время в ассоциативном эксперименте широко используются не только вербальные стимулы, но и отдельные знаки, изображения, описания ситуаций, аудиозаписи и другие невербальные стимулы. Очень интересной его разновидностью является кроссмодальный эксперимент, в котором испытуемому предъявляют стимул одной модальности, а ответ предлагают дать в другой. Это тем более интересно, если вспомнить тезис А.Н. Леонтьева об амодальности «образа Мира», по крайней мере, если его понимать как систему значений (обсуждено в подразделе 1.7.2. данной работы). Представляется, что кроссмодальный ассоциативный эксперимент наиболее продуктивен именно в области исследований значения как феномена сознания.

Ассоциации по содержанию принято подразделять на парадигматические и синтагматические. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы (например, отец-мать, стул-стол и т. д.). Парадигматические ассоциации подчиняются принципу «минимального контраста», сформулированному Д. Мак-Нейлом (McNeil, 1970), согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Раскрытие принципа «минимального контраста» делает понятным, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове [57].

Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула (машина – едет, курить – плохо и т. д.). С точки зрения Б.Ю. Городецкого, можно интерпретировать парадигматические ассоциации

как отражающие языковые отношения, а синтагматические – речевые отношения [50].

Ассоциативный эксперимент проводится обычно на большом количестве испытуемых, и на основе данных ими ассоциаций можно построить таблицу частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости (расстояния) пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень подобия объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций. Эта величина эта фигурирует в работах разных авторов под названиями: «коэффициент пересечения», коэффициент ассоциации», «мера перекрытия».

В качестве классического примера можно привести работу Дж. Диза (1962), в которой матрицы расстояний вторичных ассоциаций факторизовались, и полученные факторы выступали как семантические составляющие значения. Это ясно показало возможности ассоциативного эксперимента в содержательной интерпретации семантической составляющей значения.

Преимущества ассоциативного эксперимента довольно очевидны: относительная простота проведения, свобода описаний, возможность группового применения. Однако, как и у любого метода, имеются и недостатки. В частности, метод довольно чувствителен к языковым штампам, которые практически не содержат значения, а уж тем более – индивидуализированного смысла. Кроме того, достаточно часто испытуемые дают фонетические реакции по созвучию. И это только некоторые частные проявления уже упоминавшейся выше неполной изоморфности планов деятельностных и вербальных отношений. Поэтому при использовании ассоциативного эксперимента приходится отсеивать либо учитывать ассоциации, обусловленные нерелевантными задачам исследования факторами. Эта проблема в основном решается при использовании следующего метода – семантических дифференциалов.

2.3. Метод семантического дифференциала и построение семантических пространств

Этот метод представляет собой комбинацию процедур субъективного шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. При этом он отличается от ассоциативных методов большей компактностью и количеством получаемой информации, предоставляет широкие возможности для статистической обработки и формализации. Здесь снимается возможность ассоциаций по принципу речевых штампов, рифмовочных ассоциаций, т. е. ассоциаций, обусловленных не близостью плана содержания, а сходством плана выражения. С другой стороны, выбранные шкалы могут навязывать расчленения исследуемого материала, являющиеся незначимыми для испытуемого.

Как известно, непосредственная процедура тестирования представляет собой многомерное шкалирование по заранее предложенным параметрам. Наиболее распространены биполярные шкалы, в которых полюсами являются пары вербальных антонимов. Испытуемому предлагается оценить объект по, обычно, семибальной шкале. Объектами, в принципе, может быть что угодно. Существуют однополярные семантические дифференциалы, но они используются редко из-за гораздо меньшей определённости субъективной шкалы. Иначе говоря, вариантов антонимов может быть много, поэтому в групповых исследованиях важна их стандартизация.

Суть этого метода и его преимущество по сравнению с другими заключается в множественности предлагаемых шкал. Предполагается, что сами по себе шкалы независимы друг от друга, то есть количество степеней свободы совпадает с количеством шкал. Тогда те связи, которые обнаружены, приписывают субъекту оценки. Если каждую оценочную шкалу рассматривать как измерение семантического пространства оценки значения, то можно говорить о том, что каждый стимул является точкой в этом многомерном пространстве. Таким образом, разные стимулы или испытуемых в отношении

одинакового стимула можно дифференцировать друг от друга, что и обусловило название метода – семантический дифференциал.

Метод был разработан в 1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом в ходе исследования механизмов синестезии и получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Его используют в психологии и социологии, теории массовых коммуникаций, рекламе, а также в области эстетики.

Как полагает Ч. Осгуд, метод семантического дифференциала позволяет измерять так называемое коннотативное значение – те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами [132].

Наиболее близким аналогом коннотативного значения в понятийном аппарате отечественной психологии является понятие личностного смысла, являющегося «значением значения» для субъекта. Это понятие мы достаточно подробно проанализировано в нескольких подразделах теоретической части работы.

Психологическим механизмом, обеспечивающим взаимосвязь и группировку шкал в факторы, Ч. Осгуд считал явление синестезии – психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности. Механизмы синестезии признаются основой метафорических переносов в высказываниях типа «бархатный голос», «кислая физиономия», «темная личность» и т. п. [126].

Психофизиологическое обоснование механизма синестезии, которое предложил А.Р. Лурия, заключается в том, что стимуляция одной модальности поступает не только в специфические для неё проекционные зоны мозга. Благодаря наличию боковых ответвлений аксонов, коллатералей, соответствующее возбуждение проникает и в зоны других модальностей. В результате в восприятии реконструируется целостный интермодальный образ.

Можно предположить, что синестезия является универсальной, нерасчленённой в значениях, то есть формой доязыковой категоризации. На более ранних стадиях развития человека синестезия была выражена гораздо больше; сейчас она более свойственна детям, чем взрослым. Иными словами, чёткая языковая категоризация препятствует отражению в сознании интермодального образа в непосредственно чувственном виде. Полагаем, что в определённой степени кроссмодальные связи обнаруживаются в связанности результатов оценки одного объекта по разным шкалам семантического дифференциала.

Практически всегда результаты исследований с помощью метода семантического дифференциала подвергаются факторному анализу. Рассмотрим эту процедуру несколько подробнее, так как это важно для правильного понимания полученных с его помощью результатов.

Построение семантического пространства – это, в сущности, переход от большого количества признаков (шкал) к относительно небольшому числу факторов. При этом фактором называется группа шкал, наиболее тесно между собою коррелирующих. В.Ф. Петренко указывает, что относительно содержания фактор можно рассматривать как инвариант содержания вошедших в него шкал, или формой их обобщения [132]. Считается, что факторная структура отражает антонимию в языке, который является основой систем значений. Группировка шкал в факторы, таким образом, позволяет переходить к такому количеству факторов, которые сопоставимы с объёмом кратковременной памяти и внимания человека. Благодаря этому исследователь получает возможность более целостно представить себе семантическое пространство. Строго говоря, и сам термин «семантическое пространство» принято использовать по отношению к уже факторной структуре, так как из-за указанных особенностей познавательных процессов исследователя полномерное, нередуцированное семантическое пространство из двадцати и более шкал просто невозможно себе представить.

Дополнительную информацию о коннотативном значении объекта оценки в сознании испытуемых можно получить по факторным нагрузкам, которые определяются для каждой шкалы при факторизации. Обычно обобщение содержания шкал производится в форме названия, даваемого фактору. При этом считается, что шкалы, имеющие наибольшие нагрузки, вносят больший вклад и в содержание фактора и больше учитываются в названии. Кстати, на этом этапе возможно и даже практически неизбежно субъективное влияние исследователя. Например, в данной работе, как будет показано далее, пришлось предпринимать специальные меры для нахождения адекватных названий факторов. В частности, достаточно подробно, с приведением факторных нагрузок, описывалось содержание факторов и использовался групповой метод обсуждения для формулировки названий факторов.

При использовании метода семантического дифференциала важно также учитывать, что переход от описания объектов с помощью шкал, к описанию объектов с помощью факторов, являющихся смысловыми инвариантами, связан с потерей информации об объектах. В этом отношении проблема состоит в том, что из всего содержания шкалы в факторе отображается только та информация, которая инвариантна всей совокупности шкал, входящих в фактор. Этим инвариантом оказываются эмоциональный тон или образное переживание, лежащие в основе коннотативного значения. Здесь под коннотативным понимается генетически более ранняя форма значения, в которой отражение и эмоциональное отношение, личностный смысл и чувственная ткань еще слабо дифференцированы. Именно поэтому метод семантического дифференциала позволяет оценивать не значение как знание об объекте, а коннотативное значение, неразрывно связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабоструктурированными и малоосознаваемыми формами обобщения [163].

Важнейшим результатом исследований Ч. Осгуда и его сотрудников является обнаруженная ими универсальность, инвариантность факторных структур. При построении семантического пространства на базе шкалирования понятий из самых разных классов было выделено три основных фактора, обозначенных как «Сила», «Активность» и «Оценка». Оказалось, что самые разные испытуемые, отличающиеся по образовательному уровню, социальному слою, и даже языковым группам демонстрируют результаты, сводимые к этим трём факторам. В рамках отдельных шкал и по факторам эти испытуемые могли оценивать объекты разным, вплоть до противоположного, образом, но связи между одними и теми же шкалами, объединяющимися в факторы, оставались устойчивыми. Этот факт, по нашему мнению, указывает на общность, инвариантность способов структурирования мира в значениях у всех людей. Кроме того, эта закономерность, полученная в массовых исследованиях, даёт возможность применять семантический дифференциал и в индивидуальной психодиагностике. С достаточно высокой вероятностью можно ожидать, что у конкретного испытуемого способ структурирования значений будет таким же, и обойтись без факторного анализа, для которого нужна достаточно большая группа испытуемых. Иными словами можно использовать семантический дифференциал для данной языковой группы, а результаты оценки объекта конкретным человеком достаточно поместить в полученное на выборке других людей пространство. Если выборка факторизации репрезентативна по содержанию, указанная закономерность соблюдается и в частных семантических пространствах. Их рассмотрение будет представлено ниже.

Возвращаясь к принципам построения семантических пространств, следует обозначить важные методологические моменты и ограничения.

Субъективные семантические пространства являются, в сущности, не индивидуализированным описанием, а, скорее, операциональной моделью категориальных структур индивидуального сознания, либо общих для какой-либо группы. Значения в сознании конкретного индивида записаны как

правила их порождения. В семантических пространствах значения задаются как зона пересечения категорий, которым соответствуют определенные графические координаты. Отдельные параметры семантического пространства соответствуют определённым аспектам когнитивной организации сознания, например, тем же факторам.

Одним из параметров может быть когнитивная сложность или дифференцированность. Для примера возьмём предельный случай. Если испытуемый или группа оценит объект по всем шкалам одинаково, все они при факторном построении семантического пространства войдут в один фактор, и это пространство получится одномерным. Это соответствует минимальной когнитивной дифференцированности, когда одна из характеристик однозначно определяет все остальные. И наоборот, если объект в сознании представлен достаточно разнообразно, или, как было показано нами при анализе категории «образа Мира», включён в многообразные связи, такой однозначной предопределённости одних характеристик другими не будет. При факторном анализе семантическое пространство окажется гораздо более многомерным.

Чтобы не ограничиваться гипотетическим примером, приведём результаты одного из исследований под руководством В.Ф. Петренко. При использовании так называемого «сказочного дифференциала», то есть оценки персонажей сказок, была обнаружена весьма слабая дифференцированность у детей пяти-восьми лет, и гораздо большая – у детей двенадцати-тринадцати лет. Испытуемые-дошкольники демонстрировали «склеивание» почти всех характеристик в один оценочный фактор. Для более старших сказочный герой мог быть «плохим», но «смелым» и так далее. В.Ф. Петренко делает вывод о том, что размерность семантического пространства соответствует количеству возможных типов отношений между анализируемыми значениями. Вывод основывается на том, что выделяемые факторы являются отображением оснований классификации объектов в сознании, а именно по этим основаниям значения и классифицируются [134].

В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и другие исследователи подчёркивают, что когнитивная сложность является характеристикой не всей системы значений индивида, а относится к определённым содержательным областям. Например, каждый из нас имеет более высокую когнитивную сложность в своей профессиональной сфере, чем в области малознакомой. Соответственно, и выводы, которые мы делаем по результатам исследования, нужно соотносить с определённой содержательной областью.

Ещё одна важная особенность метода построения семантических пространств заключается в том, что семантические пространства, построенные на базе оценок конкретной содержательной области, оказываются производными от её знания субъектом и от его «имплицитной теории» в данной области. Обычно, чем больше знаний, тем сложнее их организация. Однако такое несоответствие встречается довольно редко и только подтверждает идею о том, что способ организации знаний в практическом плане важнее их количества.

Возвращаясь к содержанию факторов, получаемых при построении семантических пространств, можно отметить, что значения являются одновременно и операторами классификации, поэтому проявиться в исследовании с помощью семантического дифференциала могут только те основания классификации, которые присущи самому субъекту в силу его культуральных и других особенностей. Это подчеркивает ценность и указывает на широкие возможности метода построения семантических пространств.

Ещё одной характеристикой когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая различительная сила признака. Дело в том, что как отдельные шкалы, так и получаемые при построении семантических пространств факторы не одинаковы по своей субъективной важности. Их можно представить как причины различения (дифференциации) объектов. И те из них, которые субъективно важнее, сильнее поляризуют объекты. В факторном анализе этот параметр отражается в «проценте объясняемой дисперсии», которая определяется для каждого фактора. Проще говоря, фактор,

обладающий наибольшей дисперсией, или «мощностью» с большей вероятностью, чем остальные, будет служить для различения. Следующий по мощности фактор может стать актуальным только после того, как произведено различение по первому. Например, для судьи таким фактором может быть виновность-невиновность обвиняемого. И только тогда, когда она определена, в действие вступают смягчающие либо отягчающие обстоятельства, классификация преступления и так далее.

Итак, семантический дифференциал предоставляет широкие возможности для изучения систем значений, особенно если служит основой для построения семантических пространств. Вместе эти методы позволяют описывать не только содержательные, но и структурные характеристики систем значений. Однако при анализе возможностей семантического дифференциала была выявлена неоднородность содержательных областей систем значений. Существует ряд задач, которые более адекватно решаются с помощью так называемых специализированных, или частных семантических дифференциалов.

2.4. Личностные семантические дифференциалы и частные семантические пространства

Ещё в 1957 году Ч. Осгуд и П. Таннебаум продемонстрировал специфичность отдельных понятийных классов. В их исследовании политической лексики было обнаружено, что в сознании американцев дифференциация политических фигур и соответствующих понятий происходит по только лишь одному фактору, который они обозначили как «доброжелательный динамизм – злобное бессилие». Они использовали классический семантический дифференциал, на более общих объектах устойчиво дававший трёхфакторную структуру – всё те же «Сила», «Оценка» и «Активность». В более частной области они слились в один фактор [126].

В знаменитом составлении Ч. Осгудом тезауруса личности, наоборот, было получено уже восемь факторов. Хотя три из них соответствовали классической триаде, они не были самыми мощными и в этой области получили даже другие названия. Например, шкалы, обычно входившие в фактор «Оценка», совместно с некоторыми другими вошли в фактор «Моральность – аморальность».

Из этих и других исследований можно сделать вывод о том, что частные семантические пространства, с одной стороны, более вариативны по размерности, отличаются иным содержанием выделяемых факторов, а с другой – релевантны общим семантическим пространствам, полученным с помощью универсальных семантических дифференциалов. В этой связи полагаем, что многие факторы частных семантических пространств являются конкретизацией факторов, получаемых на основе универсальных семантических дифференциалов [127].

Частные семантические пространства позволяют проводить более тонкий семантический анализ. Их факторные структуры, по мнению В.Ф. Петренко, могут интерпретироваться как своеобразная категориальная «сетка» житейского, обыденного сознания [136]. Представляется, что это близко к тому, что в когнитивной психологии принято обозначать как «имплицитная теория личности» [170, 201]. В этом смысле все получаемые таким образом факторы не являются научными понятиями, а представляют собою повседневно используемые житейские категории. Выше уже была обозначена их приоритетность в психологических исследованиях перед языковыми и научными. Известно также, что такие категории осознаются слабо, хотя и определяют восприятие объектов и событий окружающего мира, порождают высказывания и вообще являются основой поведения. Собственно, именно поэтому такая структура и называется «имплицитной». Поэтому их реконструкция с помощью семантических пространств как раз и решает задачу понимания модели «Смысл-Текст» Ю.Д. Апресяна, которая обсуждалась в теоретической части данной работы. В.Ф. Петренко также приводит данные,

свидетельствующие о том, что универсальные семантические дифференциалы как раз потому дают более «чистые» и ортогональные факторы, что лексика для них берётся из самых разных понятийных областей, и тенденции к специфичности каждой из них взаимно нивелируются. При целенаправленном же подборе лексики такого взаимного нивелирования не происходит, и появляются факторы, образованные склейкой базисных факторов. Так, вполне представимо, что независимые друг от друга базисные факторы «Сила» и «Оценка» окажутся связанными в области морали.

В дополнение к указанным различиям следует отметить, что специализированные семантические дифференциалы в большей степени, чем универсальные, дают представление о денотативных, или предметных признаках, так как испытуемые включены в предметную деятельность в соответствующей области, и оцениваемые понятия достаточно конкретны, чтобы обладать предметным смыслом для них.

Наиболее часто используемой разновидностью специализированных семантических дифференциалов являются так называемые личностные, построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и характера, и ориентированные на оценку самого себя или другого человека. Такой стимульный материал и задание позволяют описывать одну из важнейших подсистем образа мира – сферу представлений о себе и других людях. Конкретными объектами оценки могут быть реальные люди, литературные персонажи, портреты и другие стимулы, обозначающие людей. На основе сходства оценок этих объектов по шкалам строится матрица сходства шкал, которая затем подвергается факторному анализу. Выделенные факторные структуры отражают присущие испытуемым структуры категоризации через призму которых происходит восприятие другого человека или самого себя, «наивную», обыденную «теорию личности», выработанную житейской практикой испытуемых. Выше уже приводилось обоснование того, что в семантическом дифференциале проявляются именно свойственные субъекту способы категоризации.

Специфичность результатов применения семантического дифференциала хорошо видна в результатах конкретных исследований. В исследовании А.Г. Шмелева и В.И. Похилько [204] объекты шкалирования задавались с помощью репертуарных позиций (элементов) Дж. Келли. Использовался набор из трёх категорий с двумя градациями: пол, возраст объекта относительно испытуемого, отношение испытуемого к персонажу. Их сочетание и задавало репертуарные позиции, например, «Мужчина старше меня, к которому я хорошо отношусь, или «Женщина младше меня, к которой я отношусь плохо» и т. п. На место репертуарных позиций каждый испытуемый должен был подобрать конкретных, хорошо ему знакомых людей, а затем оценивать их с помощью семантического дифференциала. В исследовании В.Ф. Петренко тот же набор шкал использовался для оценки портретов мужчин, а испытуемыми были и мужчины, и женщины. Сопоставление результатов, полученных в этих двух исследованиях, отличавшихся по объектам оценки, ярко обнаруживает разницу в принципах субъективной категоризации. Так, при оценке конкретных людей из окружения (исследование А.Г. Шмелёва и В.И. Похилько) на первый план выступал фактор «моральность». А для портретного варианта личностного семантического дифференциала, где фактически оценивается первое впечатление о человеке по его портрету, ведущими оказались такие факторы, как «открытость», «сила». Приведенные исследования еще раз демонстрируют, что универсального личностного семантического дифференциала не существует и в зависимости от задачи исследования и выборки испытуемых необходимо проводить построение семантического пространства в каждом конкретном случае.

Дальнейшее развитие метода В.Ф. Петренко видит в адаптации методики личностных семантических дифференциалов. Здесь, по видимому, следует идти по линии построения семантических пространств для различных социальных популяций. В этой своей функции семантический дифференциал может быть использован как инструмент исследования форм массового сознания. С его помощью можно реконструировать представления широких

групп населения об определенных социально значимых или пользующихся популярностью личностях.

В целом, подводя итог рассмотрению методик класса «семантический дифференциал», можно определить тенденцию их развития как переход от построения универсальных семантических пространств, дифференцирующих лексику из самых различных понятийных классов, к построению частных семантических пространств для узких понятийных классов. При этом происходит расширение средств описания анализируемых объектов, использование невербальных, в частности визуальных, противопоставлений для построения шкал. Далее возможен переход от построения пространств на основе среднегрупповых данных случайно отобранных испытуемых к построению семантических пространств, характеризующих группу испытуемых, объединенных по контролируемому признаку (полу, возрасту, социальной принадлежности и т. п.), или к построению семантических пространств, отражающих дифференциально-психологические аспекты личности испытуемого, его когнитивного стиля [163].

Метод семантического дифференциала в исследовании индивидуальной системы категоризации имеет недостаток, связанный с тем, что, задавая список шкал для оценки объектов, экспериментатор невольно навязывает оценки качеств, такие линии дифференциации исходного материала, которые могут быть и несвойственны самому испытуемому. И наоборот, предлагаемый исходный список шкал может не отражать свойства объектов, релевантные для испытуемого. Этот недостаток отчасти нивелируется за счет того, что при построении семантического пространства единицами описания объектов являются не отдельные шкалы, а факторы обобщения множества шкал, и отсутствие какой-либо шкалы, отражающей значимое для субъекта свойство, может компенсироваться наличием других шкал, входящих в тот же фактор. Гораздо более существенно, если экспериментатор не учёл целой подсистемы, тогда и в самом семантическом дифференциале не окажется представляющих

её шкал, а в построенном на его основе семантическом пространстве – целого измерения.

Указанный недостаток может проявляться и в массовых исследованиях, подобных нашему. Он может быть преодолен с помощью использования дополнительных способов уточнения: ассоциативного эксперимента, репертуарных решёток или каких-либо ещё методов. В маркетинговых исследованиях, например, это называется «сбор лексики» и проводится обычно в режиме фокус-группы. В данном исследовании, поскольку стояла задача сопоставления двух подходов к разработке теста, этот этап был заменен теоретическим анализом, прежде всего, для сохранения сходства с традиционной процедурой.

2.5. Методики, основанные на теории личностных конструкторов Дж. Келли

В конце предыдущего подраздела мы обсуждали проблему содержательной валидности построения семантических пространств. Одним из способов её решения является, методика личностных конструкторов Дж. Келли. Изначально она была предназначена для индивидуальной психодиагностики, но с успехом применяется и в массовых исследованиях. В основе этого метода лежит теория личностных конструкторов Дж. Келли, развивающая мысль Дж. Брунера об индивидуально-личностных эталонах восприятия окружающего мира, а сам метод предложен для операционального изучения «имплицитных теорий личности» [81, 84, 155, 182]. Сам Дж. Келли называет свою позицию «конструктивным альтернативизмом» и противопоставляет ее основному положению старой эпистемологии, названному им «аккумулятивным фрагментализмом», согласно которому истина составляется из крупиц знания. Ценность нашего знания определяет не количество накопленной информации, а реконструкция этих фактов. Это принципиальный

вопрос в теории Дж. Келли, так как он касается и интерпретации человеческого опыта [81].

Модель когнитивного подхода рассматривает человека как разумное существо, которое строит свое поведение в соответствии с субъективным пониманием ситуации. Особенно подчеркивается роль восприятия и понимания, важность личностной оценки. В этом смысле основное положение когнитивного подхода не вызывает сомнений. Люди ведут себя и оценивают окружающее по-разному, в зависимости от своего понимания ситуации, в которой они находятся. Понимание индивидом ситуации (точнее его мнение об определенных аспектах ситуации) берется в качестве исходного пункта объяснения поведения индивида [170].

Главная функция человеческой психики, по Дж. Келли, заключается в исследовании реальности, прогнозировании будущего и контроле над поведением. Поведение в его концепции понимается не только как реакция на обстоятельства, но и как прогнозирование будущего. Каждый человек в каком-то смысле исследователь. Он строит гипотезы, взвешивает, оценивает данные опыта и несовпадение индивидуальных мнений, систематизирует факты. Эта деятельность, согласно Дж. Келли, принимает форму конструирования. Термин «конструирование» обычно употребляется им как синоним интерпретации, толкования. Человек интерпретирует реальность, воздвигая системы конструкторов, внутри которой факты приобретают смысл.

Таким образом, подход Дж. Келли, по сути, связан с пониманием того, что, воспринимая окружающий мир, человек уже как-то относится к нему, поэтому поведение человека определяется не просто реальностью самой по себе, а ее преломлением через субъективные отношения человека.

Специфическое понимание психики человека определило выбор основной единицы анализа личности – конструкта. Термин «конструкт» был заимствован из методологии науки и обозначает логическую констатацию связи, из которой путем дедукции может быть выведено объяснение данной фактической связи явлений. Самое известное определение сводится к

следующему: «конструкт – это симультанная констатация сходства и различия» [81]. Это контраст, который человек замечает между двумя группами явлений, например белое – черное, скупой – щедрый, доброжелательный – агрессивный. Причем это не полюса каких-либо понятий, которые обычно относятся к категории, существующей в природе, а личностное изобретение, истолкование, которое опосредует реальность. На основании этих биполярных понятий человек констатирует сходство, различие и исключает события, которые невозможно описать по этим критериям. При этом различие и обобщение существуют одновременно. Конструкты могут быть вербализованы, более доступны для изучения, а могут быть и невербализованы. В этом случае важно постараться все-таки выявить конструкт, т.к. конструкт – это отличительный признак, а не вербальный ярлык. По мнению Дж. Келли, именно конструкты и представляют для исследователя особый интерес, если он пытается изучать личность.

Итак, конструкты – это средства, пути толкования мира. Любой факт рассматривается сквозь призму глаз наблюдателя и подвергается влиянию избирательности и искажений, свойственных его точке зрения. «Гипотеза – это сконструированные личностью факты. Она выводится путем дедукции столько же из авторского конструкта, сколько из самих фактов» [81, с. 133]. Одни и те же события могут рассматриваться в свете двух или более конструктивных систем (здесь и далее конструктивные системы означают систему личностных конструктов и не имеют других значений, принятых в логике и методологии). Сами же события не принадлежат ни к одной из систем. Человек сам как бы проторяет пути видения мира, формирует конструкты, действительность не дает их готовыми. По сути, конструкты производятся личностью, они накладываются на события и этим помогают понять и предвидеть события. Сам же процесс формирования конструкта, видимо, не очень интересовал Дж. Келли, поскольку он не представлен в известных нам работах. Мы не можем сказать, что конструкты – это сущности, извлеченные умом из доступной реальности. Они накладываются на события, а не абстрагируются из них.

Источник их существования один – личность их производящая. Более того, они ничего не замещают и не представляют, в отличие, например, от символа.

Согласно основному постулату теории Дж. Келли, «личностные процессы направляются по руслу конструктов, которые служат средствами предвидения событий». Под личностными конструктами понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей. Содержание противопоставления при этом определяется не языковыми нормами, а представлениями самого испытуемого, его «имплицитной теорией личности». Например, дифференциация окружающих по «люди цели – люди эмоции» отражает представление испытуемого об антагонизме целенаправленности и эмоциональности и определяется спецификой его индивидуального опыта [81].

Личностные конструкты отражают своеобразие индивидуальной системы антонимии. Например, описание взрослыми испытуемыми сказочных героев по униполярным шкалам и последующая группировка шкал в факторы показали, что существительное «плакса» противопоставляется по одному из факторов качествам «драчливый», «храбрый» у испытуемых мужчин и качествам «грубый», «злой» у женщин. То есть, женщины трактуют слово «плакса» как полюс конструкта «слабый, но хороший» в оппозиции «сильному, но плохому» [81].

По существу, одна из основных идей Дж. Келли – о биполярности конструктов – лежит и в основе представленного ранее метода семантического дифференциала. Именно биполярные шкалы наиболее чётко соотносятся с категориями. То, что Ч. Осгуд, Дж. Келли и многие другие исследователи независимо друг от друга вышли на эту идею, на наш взгляд, свидетельствует о её адекватности.

Следует согласиться с мнением В.Ф. Петренко о том, что понятие личностных конструктов близко к понятию категориальной структуры индивидуального сознания [132], подчеркнув, что оно близко к «системе личностных конструктов», так как отдельный конструкт не может быть

основой поведения. Личностные конструкты и определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых субъект осуществляет межличностное восприятие. Чем шире набор личностных конструктов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным является образ мира, себя, других, то есть тем выше его когнитивная сложность. Метод Дж. Келли позволяет выразить меру когнитивной сложности численно, через количество независимых (несинонимичных) конструктов, используемых субъектом для дифференциации некоторой содержательной области и через степень их иерархичности.

Диагностических процедур, основанных на теории Дж. Келли существует достаточно много. Основной из них является метод триад. В нём, как известно, испытуемым предъявляются сгруппированные в триады репертуарные позиции, в классическом варианте это конкретные люди из окружения испытуемого. Они называются «элементами». При изучении личности и межличностных отношений от испытуемого требуется, подставить на место каждой репертуарной позиции (элемента) какого-либо конкретного, хорошо ему известного человека. Далее ему предлагают объединить двух каких-либо персонажей по какому-либо качеству и противопоставить им третьего как обладающего противоположным качеством. Например, А и Б – вежливые, а В – невоспитанный [182]. Полученная дихотомия и является конструктом.

Ещё раз отметим, что элементами, как и объектами оценки в семантическом дифференциале, может быть что угодно – это зависит от сферы, в которой изучается структурирование субъектом реальности. Выделенный же личностный конструкт далее распространяется на все другие персонажи, и от испытуемого требуется определить, к какому из полюсов личностного конструкта относится каждый персонаж из списка репертуарных позиций. Возможна модификация этой процедуры, когда все персонажи ранжируются по оси личностного конструкта [182]. В любом варианте получается строка чисел, дифференцирующих персонажи по данному конструкту. В качестве

меры сопоставления (синонимичности) пар конструктов может быть использованы число совпадений, коэффициент конкордации, линейный коэффициент корреляции Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, «манхэттенское расстояние» и другие процедуры определения степени сходства.

Хотя испытуемые могут использовать для дифференциации персонажей различные личностные конструкты (разные формулировки), некоторые из них в плане дифференциации персонажей синонимичны, т. е., хотя «говорятся разные слова», испытуемый мыслит практически одно качество. Например, при сходной дифференциации персонажей по конструкту «плохие – хорошие» и «умные – глупые» при обнаружении сходства эти два измерения для испытуемого оказываются синонимичными. Иными словами, несмотря на разные формулировки, имеется некоторое общее основание, которым пользуется испытуемый. При достаточно высокой мере совпадения элементов, к которым испытуемый эти дихотомии относит, их можно считать разными проявлениями одного и того же конструкта.

Очевидно, главным достоинством методики личностных конструктов является то, что испытуемые сами, в отличие от методики семантического дифференциала, формируют содержание шкал-измерений. Но это достоинство методики оборачивается недостатком при работе с испытуемыми с низким уровнем речевого развития, так как задача сформулировать сходство и различие предлагаемых объектов в процедуре обобщения двух элементов из триады, а главное, объяснение критерия, требует определенного речевого навыка. Кроме того, использование для построения семантических пространств индивидуального набора порождаемых испытуемыми шкал делает трудносопоставимыми результаты отдельных испытуемых в силу различия содержания шкал-измерений для индивидуальных семантических пространств, оставляя возможность такого сопоставления только по параметру когнитивной сложности (числу независимых факторов семантического пространства). Поэтому В.Ф. Петренко рекомендует «компромиссный» вариант процедуры

построения семантического пространства. Он заключается в том, что, получая от испытуемых первичный набор шкал с помощью методики личностных конструкторов, затем отбирается единый набор шкал для всех испытуемых, то есть создаётся специализированный семантический дифференциал [132].

В заключение отметим, что такой компромиссный вариант весьма перспективен для решения поставленных в настоящем исследовании задач, однако мы не применяли его из-за огромной трудоёмкости. Кроме того, в наши задачи входило создание определённой, достаточно легко воспроизводимой технологии разработки «психосемантических опросников», а применение теста репертуарных решёток, помимо трудоёмкости, требует достаточно большой специальной подготовки для проведения и обработки. Тем не менее, использовались представленные в этом подразделе теоретические идеи и некоторые методологические наработки.

2.6. Методы анализа значений, основанные на трансформации стимульного материала

Описанные выше методы характерны тем, что в процессе исследования появляется некое новое содержание – ассоциации, полюса конструкторов, которые продуцирует испытуемый, либо напрямую оценивается объект. В отличие от них, методы подстановки и классификации, с некоторыми оговорками, можно назвать косвенными. Оговорка заключается в том, что в психологии название косвенных методов закрепилось за процедурами, в которых значения и их связи изучаются через характер и особенности протекания психических процессов, прежде всего памяти и внимания.

Метод подстановки, используемый преимущественно в психолингвистике, родственен лингвистическому методу дистрибутивного анализа. В последнем сходство двух слов считается пропорциональным количеству контекстов, в которых эти слова взаимозаменяемы. В лингвистике эта мера выводится на основе контент-анализа большого количества текстов и

обычно вычисляется автоматически. В отличие от дистрибутивного анализа, где взаимозаменяемость слов устанавливается через анализ текстов, в методе подстановки в роли эксперта выступает испытуемый, который делает заключение о возможности замены слов в некотором контексте. Например, в исследовании В. Стеффри и Г. Миллера испытуемые строили предложения, включающие исследуемые слова, а затем делали заключение о возможности замены оригинальных слов предложенными экспериментатором. Таким образом, строились матрицы сходства, где мерой сходства пары слов выступало количество общих для них контекстов. Обычно этот метод используется для семантического анализа довольно узких групп лексики [по 132].

В психодиагностике достаточно хорошо известна проективная методика незаконченных предложений, интерпретация которой на индивидуальном уровне обычно производится с психоаналитических позиций [57]. В этой методике испытуемый должен закончить предложения, которые предлагает экспериментатор. При определённых дополнениях к инструкции и ограничении объёма пропуска, эту методику можно считать модификацией метода подстановки, если её использование осуществляется многократно в разных вариантах. Тогда заполнение недостающего звена взаимозаменяемыми словами говорит о семантической близости этих слов. Представляется, что трудность применения этого метода в психосемантических процедурах заключается в том, что требуется специальное мотивирование испытуемых на многократное замещение недостающей части. Кроме того, даже словосочетания из двух слов уже дают слишком большое количество вариантов.

Метод классификации широко используется в клинической психодиагностике и в тестах интеллекта, обычно в виде методик типа «исключение лишнего». В этих случаях предполагается, что существуют «правильный» и «неправильный» способы классификации – в зависимости от критерия классификации. Можно констатировать, что при этом «правильный»

способ соответствует либо закреплённому в языке, либо тот, который считает правильным автор текста.

Кроме того, в психодиагностике личности существуют методики, основанные на классификации: Q-сортировка, Тест юмористических фраз, и другие. В них диагностическим показателем является количество единиц стимульного материала, отнесённых к определённой категории. При этом категории, для удобства формализации результатов, обычно заданы инструкцией.

В психосемантике более применима свободная классификация. Сам же метод основан на допущении, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала, и что их структура может быть выражена в процедуре классификации. Методически классификация выполняется достаточно просто: испытуемым предлагается классифицировать стимулы, преимущественно вербальные, в произвольное количество групп, причем в группу может входить произвольное количество объектов. Сами названия критериев объединения в определённые группы, особенно, если их называет испытуемый, уже дают некоторое представление о его субъективной категоризации. Обычно результаты, полученные на группе испытуемых подвергаются статистической обработке. Наиболее простая процедура заключается в том, что результаты классификации суммируются в матрице, где мерой семантического сходства пары объектов выступает количество отнесений их испытуемым в один класс. Матрицы сходства затем подвергаются процедуре кластерного или факторного анализа, не исключена возможность обработки их и с помощью других методов, например, регрессионного анализа.

Кластерный анализ принято относить к статистическим методам группировки. Сама процедура кластеризации состоит в том, что исследуемый материал дифференцируется в ряды кластеров – объединений этого материала на разных уровнях близости, например, семантической. Наиболее часто используются такие его разновидности, как дендрограммы и так называемый

метод К-средних. Первый получил название по способу изображения – в виде дерева, представляющего структуру последовательной дихотомии материала. В.Ф. Петренко указывает, что метод классификации, используемый для анализа лексики, оказывается чувствительным как к семантическим, так и к синтаксическим различиям. Сущность метода К-средних заключается в том, что объекты могут быть объединены в группы по многим параметрам одновременно, и внутри такой группы, которая и называется кластером, объекты будут ближе друг к другу, чем к любому объекту из другого кластера [133].

Весьма характерно также сопоставление результатов, получаемых с помощью метода семантического дифференциала, с результатами, получаемыми методом шкалирования. В работе Г. Миллера, на которую ссылается В.Ф. Петренко, испытуемые непосредственно классифицировали шкалы-антонимы, применявшиеся Ч. Осгудом. Построенное семантическое пространство на основе факторов-определителей выделенных кластеров оказалось более дифференцированным. Например, осгудовский фактор «Оценка» оказался представленным тремя составляющими, которые интерпретировались как «моральная», «интеллектуальная» и «эстетическая» оценки [127].

Таким образом, метод классификации обладает большей «дифференцирующей силой» по сравнению с методом семантического дифференциала. Ещё более важно то, что при его использовании испытуемый непосредственно оперирует исследуемым материалом, выполняя те же операции, которые постоянно имплицитно выполняет его сознание. Обобщая, можно назвать его «структурированием мира». Конечно, всегда актуальной остаётся проблема релевантности экспериментальной процедуры процессам сознания. Однако здесь можно отметить, что это проблема скорее техническая, чем методологическая (методическая).

Выводы по второму разделу:

Рассмотрев основные эмпирические методы анализа значений, постараемся обобщить их относительно задач нашего исследования.

1. Центральная проблема семантического анализа состоит в том, что нет принципиального предела для количества семантических признаков. Их число зависит от тонкости семантического анализа, которая определяется конкретными задачами, стоящими перед исследователем. Методологически можно определить это как проблему выбора оптимальной глубины исследования. В нашем исследовании это, очевидно, указывает на оптимальность использования «избыточного» набора шкал, при этом малоинформативные могут быть отсеяны при оптимизации факторной модели.

2. Само понятие значения вне некоторой знаковой системы является аморфным. Следовательно, при создании психосемантической модели нервно-психической устойчивости следует особое внимание уделить анализу связей между её отдельными параметрами.

3. Отдельные значения как элементы системы не являются чем-то более генетически ранним или первичным по отношению к системе значений. Они возникают и развиваются вместе с возникновением системы и функционируют только внутри нее. Это приводит к несколько парадоксальному выводу о том, что любое значение в принципе бесконечно. Поэтому определение границ функционирования значения является крайне важным. Как было показано выше, адекватным для решения этой проблемы является деятельностный подход, и особенно категория смысла в рамках деятельностного подхода.

4. Любое эмпирическое изучение значения является контекстуальным, так как возможность актуализации тех или иных семантических характеристик зависит от общей выборки значений, внутри которой оно анализируется (обозначим это как проблему контекста).

5. Необходимой представляется реконструкция семантического пространства, чтобы обеспечить целостность репрезентации систем значений. При этом необходима максимальная чёткость структуры этого пространства.

6. Вышеуказанным требованиям вполне факторное построение пространства на основе данных семантического дифференциала. Учитывая то, что необходима высокая дифференцированность для выявления связей шкал семантического дифференциала, выбор был остановлен на семибалльных биполярных шкалах, способных предоставить достаточно вариативные оценки. Это особенно важно при использовании факторного анализа в качестве математического метода выделения структуры семантического пространства.

7. Для повышения чёткости репрезентации системы значений необходимо будет воспользоваться методом исключения шкал, слабо или равномерно связанных с остальными отдельными шкалами и факторами в целом. Такие шкалы, очевидно, не будут обладать достаточной «различительной силой». Они, как было определено в данном разделе нашей работы, будут отражать несущественные для исследуемых понятий в данном семантическом пространстве характеристики.

8. Приоритетной по сравнению с теоретическими должна являться эмпирически полученная структура семантического пространства. В нашем случае он означает, что, каким бы странным или необычным, не соответствующим общепринятым представлениям не казалось бы содержание факторов, его следует принимать как данность, подлежащую объяснению.

РАЗДЕЛ 3

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Структура эмпирического исследования

На основе теоретического и методологического анализа литературы определены этапы эмпирического исследования.

1. Анализ содержания измерительного конструкта разрабатываемой методики – опросника нервно-психической устойчивости. Хотя эту процедуру, строго говоря, нельзя назвать эмпирической, именно на этом этапе мы переходим от общего анализа теорий и концепций к конкретному содержанию. Кроме того, именно в ходе этого анализа будут выделены объекты для оценки и последующего построения семантического пространства.

2. Выбор конкретной разновидности способа оценки выделенных на предыдущем этапе объектов. Поскольку мы уже определились с методом – семантическим дифференциалом, речь идёт о конкретной методике, то есть о содержании шкал.

3. Тестирование репрезентативной выборки оригинальным опросником нервно-психической устойчивости.

4. Психометрическая проверка и анализ пунктов оригинальной методики. На этом этапе мы будут решены следующие конкретные задачи. Первая из них заключается в том, чтобы определить дискриминативность и корреляцию с итоговым баллом заданий оригинального опросника. В случае неудовлетворительных психометрических показателей это определит вторую задачу – выявление причин такого положения с помощью содержательного анализа. Решение этой задачи поможет учесть обнаруженные ошибки при создании нового опросника нервно-психической устойчивости.

5. Проведение с испытуемыми методики семантического дифференциала и обработка полученных данных с помощью факторного анализа. Этот этап

завершается получением факторных структур относительно объектов оценки отдельно и общего для них факторного пространства.

6. Работа с группой экспертов, в ходе которой предполагается дать названия полученным факторам и получить содержательное описание семантического пространства.

7. Сопоставление объектов оценки в семантическом пространстве, дополненное прямым сравнением оценок объектов по шкалам. Результатом этого этапа должно быть выделение принципов формулировки заданий нового теста.

8. Создание первоначальной формы нового опросника.

9. Тестирование испытуемых с помощью первоначальной формы.

10. Отбор и коррекция заданий для получения исправленной формы опросника.

11. Тестирование испытуемых с помощью исправленной формы опросника и тестом М. Люшера для проверки валидности.

12. Психометрическая проверка исправленной формы и определение валидности нового опросника нервно-психической устойчивости.

13. Анализ внутренней структуры нового опросника.

14. Описание общих моментов технологии создания «психосемантических» опросников с учётом полученных показателей нового опросника нервно-психической устойчивости.

Здесь этапы эмпирического исследования представлены хронологически, причем для разработки конкретного опросника нервно-психической устойчивости в данном исследовании. В следующем разделе работы, посвящённом анализу результатов эмпирического исследования, они будут представлены в логическом виде, более удобном для восприятия данного текста.

Общая модель разработки опросников в предлагаемом в данной работе «психосемантическом» подходе представлена на рис. 3.1. Она достаточно

универсальна и может служить основой для разработки других тестов в рамках данного подхода.

Рис. 3.1. Модель разработки опросника в «психосемантическом» подходе.

На схематическом изображении модели хорошо видно, что она не отрицает традиционную процедуру, а дополняет её.

В заключение пояснений к представленной общей модели отметим, что каждый из этапов может быть развернут и конкретизирован для определенных разрабатываемых тестов. Кроме того, следует подчеркнуть, что, хотя модель для сохранения общей логики изложения представлена в данном подразделе, она является результатом апробации предлагаемого подхода, то есть одним из результатов исследования в целом.

3.2. Описание базы исследования, состояния испытуемых и процедуры тестирования

Опросник «Прогноз-2», который в работе называется также «оригинальным», предназначен для определения нервно-психической устойчивости военнослужащих. В Вооружённых Силах Украины он преимущественно используется для профессионального отбора призывников. Поэтому выборку исследования составили призывники, которых исследовали на Донецком областном сборном пункте во время весеннего и осеннего призывов 2007 года. Частично предварительное исследование проводилось и в 2006 году. Результаты основного исследования, которые представлены в данной работе, получены в 2007 году.

Описание специфики сборного пункта представляется необходимым, так как одним из важных факторов, учитываемых при разработке опросника, было напряженное психоэмоциональное состояние испытуемых-призывников, а оно обуславливалось именно специфическими условиями.

В областной сборный пункт призывники поступают из 47 городских и районных военкоматов Донецкой области. В период призыва областной сборный пункт принимает от 50 до 400 призывников в день. Их распределение проходит в течение 2-3-х дней. За это время призывники проходят окончательную (первую, определяющую пригодность к службе – в военкоматах, непосредственно призывающих их на службу) медицинскую комиссию и психологическое обследование. По результатам формируются команды по родам войск, и уже из них призывники отправляются в те воинские части, в которых будут проходить службу.

На сборном пункте осуществляются:

- прием от сопровождающих должностных лиц призывников, подлежащих отправке к месту прохождения военной службы, по именным спискам. О лицах, не доставленных на сборный пункт, из числа включенных в

указанные списки, во всех экземплярах списков в установленном порядке делается отметка с указанием причины неявки;

- медицинский осмотр призывников, подлежащих отправке к месту прохождения военной службы, врачами-специалистами (хирургом, терапевтом, невропатологом, психиатром, окулистом, оториноларингологом, стоматологом, дерматовенерологом и, при необходимости, врачами других специальностей).
- проверка правильности оформления карт профессионального психологического отбора, обоснованности и достоверности содержащихся в них заключений о профессиональной пригодности призывников к подготовке и службе на конкретных воинских должностях;
- проведение в установленном порядке мероприятий и составление учетных документов дактилоскопической регистрации призывников;
- распределение совместно с начальником воинского эшелона призывников, подлежащих отправке к месту прохождения военной службы, по командам, а в них – по ротам, взводам, отделениям и передача их представителям войск (сил);
- передача начальнику воинского эшелона (команды) по именному списку юношей, призванных на военную службу, отправляемых воинским эшелоном (командой) со сборного пункта. Именной список составляется на каждый отправляемый воинский эшелон (команду) в трех экземплярах, первый и второй экземпляры вместе с учетно-послужными карточками, картами медицинского освидетельствования гражданина, подлежащего призыву на военную службу, и картами профессионального психологического отбора вручаются начальником сборного пункта начальнику воинского эшелона (команды), а третий экземпляр списка с распиской начальника воинского эшелона (команды) о приеме граждан, призванных на военную службу, отправляемых в составе воинского эшелона (команды) к месту прохождения военной службы, остается в военном комиссариате.

Учитывая большую нагрузку во время призыва, помимо постоянного персонала на сборном пункте работает также временный персонал: практиканты, работники социальных служб, командированные из других военных частей. Во время каждого призыва психологический отбор военным психологам помогают осуществлять студенты факультета психологии, причем не только проводят тестирование, предусмотренное официальной процедурой профессионального отбора, но и свои собственные исследования, то есть психологическое обследование призывников призывников носит достаточно широкий характер.

Тестирование с помощью оригинальной (Прогноз-2) и разрабатываемой методики (Прогноз-3) проводилось в групповой форме. Призывники командами по десять – пятнадцать человек размещались в учебном классе, где им объяснялись цели тестирования, зачитывалась инструкция. Во время всего тестирования исследователь находился рядом с испытуемыми, следил за самостоятельностью заполнения бланков ответов, разъяснял призывникам непонятные для них задания. В помещении, в котором проходило тестирование, обычно присутствовал офицер или прапорщик областного сборного пункта, поэтому практически не возникало осложнений с дисциплиной, и не было отказов. Тем не менее, от десяти до пятнадцати процентов бланков после их заполнения было отбраковано. Причинами отбраковки были явные неточности в анкетах, которые также заполняли испытуемые в целях профотбора, пропуски в бланках ответов, в редких случаях – явно защитное либо заведомо несерьезное поведение испытуемых.

Испытуемым не сообщали о том, что помимо обычного психологического профотбора они участвуют в разработке нового психодиагностического теста, поэтому заполнение двух опросников они воспринимали как должное. Однако сама процедура психологического профотбора вызывала явное напряжение практически у всех призывников. Здесь следует отметить, что тревожный фон является обычным для призывников вообще, а на сборном пункте он усиливается ещё больше. Его

обуславливает, прежде всего, неопределённость положения, резкий переход от гражданской жизни к воинской дисциплине, ожидание изменений. Именно на сборном пункте окончательно определяется место их будущей службы, и это один из сильнейших факторов повышенного нервно-психического напряжения.

Поведенческие проявления этой тревоги и напряжения достаточно разнообразны. При общей тенденции к бравade, призывники, в зависимости от своих индивидуально-психологических особенностей, выдерживают такое фасадное поведение разное время. Общую динамическую тенденцию состояния призывников на сборном пункте можно определить как многократное чередование возбуждения и подавленности. Вторая фаза обычно скрывается, поэтому при наблюдении извне она либо меньше по времени, либо замаскирована той же бравадой.

Повышенное нервно-психическое напряжение испытуемых было использовано нами для проверки валидности создаваемой методики. «Естественным образом» создалась ситуация, в которой это свойство было актуализировано как состояние. В этих условиях особое значение приобретают результаты исследования с помощью теста М. Люшера. Подробнее это будет рассмотрено ниже.

Тестирование с применением Метода цветowych выборов (теста М. Люшера) проводилось при проверке валидности на последнем этапе, непосредственно во время тестирования опросниками. В отличие от Прогноза-2, задания которого предъявлялись устно и все испытуемые одновременно были заняты, Прогноз-3 и Шкала Эмоциональной Возбудимости предъявлялись в письменной форме и заполнялись индивидуально. Кроме того, призывники заполняли анкету. В целом это занимало час и более, за это время проводилось тестирование методикой М. Люшера. Условия позволяли при этом не мешать остальным испытуемым, каждый из которых сидел за отдельным столом.

Таким образом, можно констатировать, что условия тестирования отвечали поставленным в исследовании задачам и учитывали специфику обстановки.

3.3. Организация работы экспертной группы

Как уже упоминалось выше, при интерпретации результатов факторного анализа как одного из этапов построения семантического пространства, стоит проблема субъективности исследователя. Для решения этой проблемы использовалась специально организованная экспертная группа.

Процедура группового поиска названий факторов была организована следующим образом. Группа из четырёх преподавателей психологии, которых можно считать независимыми экспертами, так как психосемантика не является сферой их научных интересов, получала распечатки результатов факторного анализа (см. приложения). В них шкалы семантического дифференциала были уже сгруппированы по факторам в соответствии с наибольшими факторными нагрузками. Кроме того, внутри факторов они были расположены в порядке убывания факторного веса в данном факторе. Первыми шли признаки с наибольшей нагрузкой, затем с меньшей, и в конце такого подсписка располагались названия шкал с наименьшей для данного фактора нагрузкой.

Далее экспертам в минимально необходимом объёме объяснялись основные принципы факторного анализа, подчёркивалось соответствие между факторным весом и содержанием, специально оговаривались трудные для восприятия результатов моменты. В частности, соответствие между знаком факторной нагрузки – положительным или отрицательным – и отнесённостью к правому либо левому полюсу шкалы. Для удобства шкалы с отрицательной нагрузкой, подлежащие «переворачиванию», выделялись красным цветом.

После этого экспертам предлагалось самостоятельно вписать в распечатке предлагаемое ими обобщающее название. При этом их специально

просили найти название интуитивно. Далее эксперты по очереди называли свои варианты, которые записывались на доске без каких либо комментариев.

Только после фиксации всех «интуитивных» названий экспертов просили аргументировать свои предложения. Аргументы или дополнения также записывались на доске.

После сбора предложений от всех экспертов начиналась групповая дискуссия. При этом неоднократно высказывания одного из участников подталкивали других к изменению или дополнению своего мнения. Дискуссия продолжалась до тех пор, пока не находилось удовлетворяющее всех название. По внешне наблюдаемым признакам и по отзывам самих экспертов, в эти моменты они переживали состояние своеобразного инсайта.

Автор работы в этой дискуссии придерживался роли модератора процесса, удерживаясь от высказывания собственного мнения. Это было необходимо, так как излишняя демонстрация компетентности в данной сфере могла негативно повлиять на активность экспертов. В трёх случаях из четырёх автор заявлял, что ему нужна помощь, так как он не может найти название сам.

В данной процедуре использовались элементы «мозгового штурма», в частности, отсутствие критики и поощрение интуитивных решений. Полагаем, что это было необходимо из-за сложности интеграции множества шкал в одно обобщённое название. Однако затем интуитивно найденные варианты подвергались рациональному осмыслению в ходе групповой дискуссии.

Таким образом, используемые в анализе результатов названия факторов и описание семантического пространства не является субъективным представлением автора.

3.4. Обоснование применения психодиагностических методик для проверки конструктивной валидности опросника Прогноз-3

Как известно, валидность реального эксперимента определяется степенью соответствия его результатов результатам безупречного

эксперимента. В психодиагностике предназначение теста определяет его содержание, которое должно соответствовать тому, что измеряется. При этом, как указывают В.Е. Орёл и И.Г. Сенин, «валидности вообще» не бывает, она всегда определяется по отношению к конкретной цели [125].

Одной из трёх наиболее важных разновидностей считается критериальная валидность, её также называют валидностью по критерию. Она проявляется при сопоставлении того, что измерено тестом и других, «внетестовых» проявлений психического свойства или состояния. Как указывал С.Л. Рубинштейн, объективным критерием наличия знания является способность человека успешно решать задачи с его применением [160].

Проверяют критериальную валидность теста обычно с помощью коэффициента корреляции между тестовой оценкой и внешним критерием. Если он достоверный и положительный, тест считается валидным. Задача выбора подходящего внешнего критерия при этом является достаточно сложной. Существуют разновидности критериальной валидности: текущая и прогностическая.

Текущая (другие названия – совпадающая, конкурентная) – это валидность на момент исследования, которую можно проверить сразу, например, можно сопоставив тестовую оценку с результатом соответствующей деятельности или с результатами другого теста, валидность которого уже подтверждена.

Если тест претендует на измерение достаточно устойчивых во времени или развивающихся свойств, то он должен обладать и достаточной прогностической валидностью – соответствием тестовой оценки и прогноза на её основе внешнему критерию в будущем.

Дж. Тиффин и Э. Мак-Кормик выделяют 4 класса возможных критериев валидации:

1. Поведенческие, например, производительность труда, совершение или несовершение определённых поступков и т.п. Авторы отдельно выделяют

несчастные случаи, но их классификация предназначена для промышленных психологов. В общем же виде мы можем их отнести к поведенческим.

2. Субъективные – установки, мнения, суждения. Существует возможность объективизировать их с помощью, например, корректно организованной экспертной оценки.

3. Физиологические показатели – частота сердечных сокращений, кровяное давление и т.п. [125].

Разумеется, выбирать подходящий показатель для проверки критериальной валидности всё равно приходится исходя из конкретной ситуации, учитывая при этом, что он должен быть релевантным (подходящим к цели тестирования), «незагрязнённым» влиянием побочных переменных и разницы в условиях, и надёжным (в данном случае – стабильным во времени).

Второй из основных видов валидности – конструктивная – похож на валидность экспериментальной переменной по отношению к явлению. Напомним, что она показывает, насколько адекватно переменная его отражает. У подбора валидной переменной в эксперименте и обеспечения конструктивной валидности теста есть общий момент. И то, и другое, можно сделать только на основе тщательного теоретического анализа.

Создавая тест, разработчик обязательно создаёт новое понятие, даже если использует уже существующий термин. Новое определяется через старое, что обуславливает необходимость описать связи между рядом понятий, новым и уже существующими, в какой-то мере создать модель или даже мини-теорию. При наличии чёткой теоретической модели достаточно легко определить, чем по сути являются феномены реальности и отличить их друг от друга. Конструктивную валидность можно также обозначить как качество теоретического описания измеряемого свойства. Если оно высокое, описание не имеет внутренних противоречий и согласуется с более общей теорией. В этом случае появляется определённая гарантия, что и эмпирические индикаторы будут подобраны точно.

Наиболее распространённый в практике способ проверки валидности, как уже отмечалось, заключается в использовании на тех же испытуемых других методик и вычислении связей между ними и проверяемым тестом. Проверочные методики подбираются как раз на основе теоретического определения. Если обнаруженные эмпирические связи соответствуют теоретически предсказанным, то конструктивная валидность подтверждается.

Таким образом, стояла задача подбора адекватных для проверки валидности создаваемого опросника методик. Рассмотрим подробнее те конструкты, которые они измеряют.

Шкала эмоциональной возбудимости (ШЭВ) является русскоязычной адаптацией методики SEA (Scale of Emotional Arousability), созданной в 1987 году В. Брайтвайтом (V. Braithwaite). Адаптация выполнена А.А. Рукавишниковым и М.В. Соколовой в 1996 году.

Поводом к её созданию послужил ряд претензий к используемой до этого шкале измерения нейротизма Г. Айзенка (N): неполное соответствие пунктов определению самого Г. Айзенка (эмоциональность, чувствительность как сверхреактивность), незащищённость от искажения в ответах, а также то, что шкала N диагностировала не только нейротизм, но и невротические проявления [158].

V. Braithwaite выделил следующие индикаторы, имеющие наиболее непосредственное отношение к нейротизму: эмоциональность, гнев, робость и отсутствие контроля. Выполненная им психометрическая проверка шкалы, созданной на основе этих индикаторов дала вполне удовлетворительные результаты по надёжности, однородности и валидности. Таким образом, SEA более компактна, фокусируется на базовом определении нейротизма, в ней сбалансировано количество прямых и обратных ответов, поэтому удалось избежать установочных (позиционных) искажений в ответах.

В ходе адаптации оригинальный опросник был переведён на русский язык двумя психологами независимо друг от друга. Полученные варианты были подвергнуты экспертной оценке, на основе чего сформирован

русскоязычный вариант шкалы. Далее на выборке из 152 студентов была произведена психометрическая проверка. Представляется, что такая выборка достаточно репрезентативна, учитывая базовый характер измеряемого свойства. К нашим испытуемым они близки по возрасту. Нормы же нас не интересовали, так как, проверяя валидность Прогноза-3, мы собирались воспользоваться коэффициентом линейной корреляции Пирсона, учитывая интервальный характер данных обеих методик. В этой связи напомним, что корреляционный анализ проводится обычно на «сырых» баллах, так как после нормирования уменьшается вариативность оценок и, соответственно, вероятность обнаружить существующую связь.

Адаптированная Шкала эмоциональной возбудимости имеет высокие показатели надёжности. Так, коэффициент однородности α Кронбаха, характеризующий надёжность по однородности, составил 0,71. Дополнительный к коэффициенту Кронбаха коэффициент Спирмена-Брауна при делении пополам, то есть корреляция между двумя произвольно разделёнными частями теста, составил 0,75. Оба этих коэффициента значимы на 1% уровне. Коэффициент корреляции каждого из заданий с итоговым баллом колеблется в диапазоне от 0,171 до 0,524 (значим на уровне выше 1 %). Показатель ретестовой надёжности, коэффициент ранговой корреляции Спирмена между результатами двух опросов с интервалом 4 недели, составил 0,61, и тоже значим на уровне выше 1 %. Конструктивная валидность подтверждается положительными значимыми корреляциями со шкалами нейротизма опросников EPI и EPQ.

Опросник содержит 17 пунктов-утверждений, каждое из которых оценивается по 7-балльной шкале. Сырой итоговый балл переводится в стандартные оценки (стэны), но мы пользовались сырыми баллами по указанным выше причинам.

В данном исследовании Шкала эмоциональной возбудимости была удобна своей компактностью. Кроме того, она была как бы «очищена» от

внешних переменных. Благодаря этому чётче дифференцировались задания разрабатываемого теста, их соответствие собственным индикаторам.

Учитывая положения «трёхслойной» концепции структурирования субъективного опыта, которая была принята в качестве одной из основ работы, а также основные характеристики категории «образа мира», следовало изучить также невербальный аспект психического состояния. В данном случае психическое состояние понималось как актуализация измеряемого свойства – нервно-психического напряжения.

Для его диагностики использовался методом цветовых выборов (МЦВ), адаптированный Л.Н. Собчик вариант цветового теста М. Люшера. Данный тест лишен культурных аспектов и не провоцирует реакций защитного характера. Методика выявляет не только осознанное, субъективное отношение испытуемого к цветным эталонам, но также неосознанные реакции на них, что позволяет считать метод глубинным, проективным [115].

Тест М. Люшера в оригинале представлен в двух вариантах, полное исследование с помощью 73 цветовых таблиц и краткий тест с использованием восьмицветового ряда. Первый из них достаточно громоздок и представляет ценность, скорее всего в тех случаях, когда цветовой тест является единственным инструментом психодиагностического исследования. При этом полагаем, что конечный результат исследования представляет собой не столь обширную информацию по сравнению с затраченным временем и усилиями. Лаконичность и удобство применения восьмицветового ряда является большим преимуществом сокращенного варианта, тем более что в приложении к батарее тестовых методик надежность полученных данных повышается. Именно поэтому был выбран восьмицветовой вариант, стимульный материал которого представляет собою 8 карточек со строго определённым цветовым оттенком и фактурой поверхности.

Лаконичность, простота теста, способность выявлять определенные бессознательные радикалы, делают методику ценным инструментом глубинного изучения личности, ее эмоционального базиса и тонких нюансов в

меняющемся настроении. Кроме того, метод цветовых выборов позволяет минимизировать время обследования, дает возможность проводить многократное тестирование, при грамотном проведении избегая влияния установки испытуемого на результаты обследования [115].

Процедура обследования производилась следующим образом: испытуемому предлагалось выбрать из разложенных перед ним таблиц самый приятный цвет, не соотнося его ни с расцветкой одежды (идет ли к лицу), ни с чем-либо другим, а только сообразуясь с тем, насколько этот цвет предпочитаем в сравнении с другими при данном выборе и в данный момент. Этот момент вызывал некоторые затруднения в нашем исследовании, из-за чего не все результаты могли быть использованы.

Как и рекомендовано в литературе, мы раскладывали перед обследуемыми цветные карточки на индифферентном фоне – листе белой бумаги. Обследование проводилось нами при дневном освещении, выбранный эталон убирался. После этого испытуемому предлагалось выбрать наиболее приятный цвет из оставшихся, пока все цвета не будут отобраны. Выбор повторялся через 2-3 минуты, при этом подчёркивалось, что исследование не направлено на изучение памяти и что он может выбирать заново нравящиеся ему цвета так, как ему это будет угодно. В анализе мы рассматривали данные второго выбора, который, как указывает сам М. Люшер, является более спонтанным и достоверным.

Функция цвета, отражающая субъективное отношение испытуемого к выбранным цветам, определяется и кодируется следующим образом: «явное предпочтение» обозначается знаком «+», который присваивается первым двум предпочитаемым цветам. Из них цвет, стоящий на первой позиции, определяет «основной способ действия», а на второй - «цель», к которой стремится испытуемый. Просто «предпочтение» (3-я и 4-я позиции) отмечается знаком «X» и указывает на «истинное положение вещей (ситуацию)» и «образ действия», вытекающий из данной ситуации. «Безразличие» (5-я и 6-я - позиции) обозначается знаком «=» и указывает на не востребуемые в данный

момент резервы, индифферентную зону, бездействующие свойства личности. «Неприятие» (антипатия) - 7-я и 8-я позиции, им присваивается знак «-», их функциональное значение - «подавленные потребности». Таков классический подход к интерпретации цветового ряда по М. Люшеру.

Цвета разделяются на основные (1 - темно-синий, 2 - сине-зеленый, 3 - оранжево-красный и 4 - светло-желтый) и дополнительные, среди которых (черный) и 0 (серый) - ахроматические, а 5 (фиолетовый) и 6 (коричневый) - смешанные.

Основные цвета символизируют базисные психологические потребности, которые М. Люшер обозначил как влечение к удовлетворению и привязанности (синий цвет); стремление к самоутверждению (зеленый); стремление «действовать и добиваться успеха» (красный) и стремление «смотреть вперед и надеяться» (желтый). Поэтому они в норме и при полной уравновешенности, по мнению автора, должны находиться на первых позициях.

Дополнительным цветам не придается значимость в потребностной сфере. Их роль как бы разделяющая или разбавляющая. По мнению М. Люшера, они не являются психологическими «первозлементами» и включены в эксперимент в основном для расширения сферы действия основных цветов, их более свободного перемещения на ту или иную позицию ряда.

Трактовка стимулов у М. Люшера увязана с символикой каждого цвета, и уходит корнями в отдаленные периоды истории существования человека на земле. Ночь, символом которой является синий цвет, издревле несла человеку покой, расслабление, сон. Солнце, яркость зарождающегося дня (желтый цвет) вызывали надежду, побуждали к активности. Красный цвет – окраска цветов, плодов, крови, эрогенных зон человеческого тела – отражение охотничьих инстинктов, эротического влечения, стремления к овладению благами окружающей жизни. Зеленый – цвет травы, кустарников и деревьев – мог служить символом защиты, маскировки, затаенности. Серый – как отсутствие цвета – трактуется как разделяющий, отгораживающий. Черный символизирует

отрицание ярких красок жизни и самого бытия. Коричневый цвет представляет собой смешение оранжевого и черного, а фиолетовый – красного и синего.

Тревога или степень психической напряжённости, в наибольшей степени интересующий нас параметр, выражается в выборе любого из основных цветов на одну из трех последних позиций ряда и символизируемая этим цветом потребность расценивается как неудовлетворенная, т.е. является источником стресса: тогда он должен быть помечен знаком «-», так же, как и остальные расположенные справа от него цвета, независимо от их структурного значения; кроме того, и он сам, и стоящие справа от него цвета означают неприятие и помечаются дополнительным знаком А, от английского anxiety (тревога) [115].

Компенсация тревоги определялась характеристикой цвета, находящегося на первой позиции. Чтобы обратить на это внимание, каждый раз, когда в конце ряда стоит знак «А», цвет, находящийся на первой позиции помечался знаком «С» - compensación (компенсация). Компенсация с помощью одного из основных цветов считалась более успешной, чем с дополнительными цветами, обуславливающими «утрированность» поведения, придающими обсессивный (навязчивый) характер поступкам. Присутствие серого, черного и коричневого цветов в начале цветового ряда означает негативное отношение к жизни и обозначалось знаком «+», а также «С». Если один из этих цветов находится на второй или третьей позиции, он сам и все последующие цвета, расположенные левее его, помечаются знаками «+» и «С»: Психологический (частично или полностью, осознанный конфликт между желаемым и возможным) или физиологический стресс (чаще – неосознаваемая эмоциональная напряженность, трансформированная в вегетативный и функционально-организменный дисбаланс), считался относительно слабым, когда основной цвет находится на 6-м месте, и более выраженным, если он на 8-м. Интенсивность тревоги при напряженности и стрессе измерялась количеством знаков «!» [115].

Таким образом, тревога в целом оценивалась суммой «!» каждого ряда в отдельности, числовое выражение баллов – от 0 до 12. Сравнение количества «!» в первом и втором выборе являлось прогностически ценным и показывало тенденцию к нарастанию тревоги, если во втором выборе «!» больше, чем в первом, и, наоборот, свидетельствовало о тенденции к уменьшению тревожности, если количество «!» больше в первом выборе. Итак, 8-я позиция ряда всегда означала подавленную потребность и обозначалась знаком «-». Если какой-либо из основных цветов (1, 2, 3 или 4) занимал 6-ю, 7-ю или 8-ю позицию, то он вместе с цветами, расположенными вправо от него, означал «тревогу», поэтому все они обозначались знаком «-» и буквой А и вскрывали основной источник стресса. При этом, по крайней мере, цвет, находящийся на 1-й позиции, рассматривался как компенсация и помечался буквой С. Цвет, занимающий первую позицию, всегда обозначался знаком «+». Если какой-либо из дополнительных цветов (0, 6 или 7) занимал 1-ю, 2-ю или 3-ю позиции, то он и все расположенные слева от него цвета обозначаются знаком «+» и буквой С, и выявлял компенсацию. Интенсивность тревоги или компенсация выражалась суммой «!». При этом «!» соответствовал наличию на 3-й позиции одного из дополнительных (0, 6, 7) или на 6-й позиции одного из основных цветов. «!!» соответствует тому, что на 2-й позиции находился один из ахроматических или на 7-й – один из основных цветов. Пометка «!!!» ставилась в случае, когда основной цвет расположен на 8-й позиции или ахроматический на 1-й. Общий показатель тревоги выражался общим количеством знаков «!» у испытуемого.

Тест М. Люшера даёт возможность выявления причин и характера тревоги, что важно при индивидуальной психодиагностике. В данном массовом исследовании, в связи с его предметом, мы рассматривали показатель тревоги как наиболее значимый параметр, который выражался в интервальной шкале, позволяя применить более чувствительные параметрические статистические методы.

Мы, как уже было отмечено, учитывался второй выбор, в котором показатель тревоги был обычно меньше, чем в первом. Это происходило, чаще всего, за счёт сдвига вправо серого цвета во втором выборе. Предпочтение серого цвета означает стремление отгородиться, и обычно связано с отношением испытуемого к тестированию. Поэтому смещение серого цвета в сторону отвержения во втором выборе можно рассматривать как снижение внутреннего противодействия тестированию.

В целом же тест М. Люшера очень хорошо подходит для решения одной из наших задач – проверки валидности опросника нервно-психической устойчивости, по следующим соображениям. Как будет подробнее показано ниже, одним из основных аспектов нервно-психической устойчивости является регуляция своего эмоционального состояния. В объективных условиях повышенной напряжённости нервно-психическая устойчивость проявляется как индивидуально-психологическое свойство. Иначе говоря, в спокойном состоянии мы могли бы получить одинаковые результаты у испытуемых с различной нервно-психической устойчивостью, поскольку такая ситуация не требовала бы её актуализации. То есть, применение показателя тревоги теста М. Люшера для выявления нервно-психической устойчивости было целесообразно только в напряжённой ситуации, которая и имела место во время нашего исследования.

Метод семантического дифференциала достаточно подробно рассмотрен выше. В настоящем исследовании набор шкал определялся на основе анализа содержания понятия нервно-психической устойчивости и предварительных эмпирических данных, поэтому обоснование выбора будет описано в следующем разделе.

Далее обобщим наиболее важные положения, которые были получены результате методологического анализа.

Выводы по третьему разделу:

1. Системный подход к исследованию значения был реализован в плане эмпирического исследования, что обеспечивает соответствие организации исследования его задачам и специальным методологическим принципам. Сравнительный анализ подходов субъективной семантики и психосемантики показал, что для задач данного исследования более адекватен именно психосемантический подход. В связи с этим был выбран как непосредственный метод семантический дифференциал и построение семантического пространства с применением факторного анализа.

3. Для исследования систем значений выбран так называемый универсальный семантический дифференциал с избыточным набором шкал, позволяющий выбирать впоследствии наиболее релевантные из них.

4. Одновременное тестирование психоэмоционального состояния испытуемых с помощью цветового теста и их нейротизма с помощью Шкалы эмоциональной возбудимости позволяло проверить критериальную валидность разрабатываемого опросника.

5. Специфические условия сборного пункта и жизненная ситуация, в которой находились призывники, актуализировала индивидуально-психологические различия в их нервно-психической устойчивости, что облегчило её измерение.

6. Возможная субъективность в описании семантического пространства в значительной мере снижается при использовании специально организованной экспертной группы.

7. Вышеуказанные положения определили основные методологические особенности исследования, результаты которого будут описаны в следующем разделе работы.

РАЗДЕЛ 4

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НА ОСНОВЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

4.1. Психометрическая проверка опросника Прогноз-2

В соответствии с представленной в предыдущем разделе структурой исследования, первым этапом в эмпирическом исследовании явилось выявление психометрических характеристик опросника Прогноз-2, на основе которого был разработан его авторский вариант, опросник Прогноз-3.

С этой целью было протестировано более двухсот призывников, из которых для анализа были отобраны данные 193 испытуемых. Они были набраны в электронную таблицу компьютерной программы Statistica 5.5, с помощью которой и производились все расчёты.

В данной программе, в частности, имеется модуль «Reliability and Item Analysis», предназначенный специально для расчёта психометрических показателей психодиагностических тестов. В этом модуле имеется возможность определения таких общих показателей, как надёжность по однородности (коэффициент α Кронбаха), надёжности при делении пополам, сумма баллов, среднее арифметическое и стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс распределения. Для каждого отдельного задания подсчитывается его корреляция с итоговым баллом, значение коэффициента α Кронбаха при исключении этого задания, и другие показатели.

Здесь и далее мы будем приводить только репрезентативные данные, которые полностью содержатся в приложениях. Так, в табл. 4.1. представлены распределения ответов и прямые коэффициенты корреляции по шкале лжи данного опросника (содержание заданий, в целях компактности, не приводится).

Таблица 4.1.

Показатели распределения и корреляции с итоговым баллом заданий «шкалы лжи»
(открытости) опросника Прогноз-2

№ ад.	Ключевой ответ	Доля ответов, %		Коэффициент корреляции со шкалами	
		ключев ых	НЕ ключ-х	Лжи	НПУ
1	нет	99,5	0,5	,15*	,10
6	нет	50,5	49,5	,61*	-,25*
10	нет	53,6	46,4	,59*	-,21*
12	Нет	39,7	60,3	,37*	-,12
15	нет	64,4	35,6	,60*	-,30*
19	Нет	54,1	45,9	,62*	-,30*
21	Нет	22,3	77,7	,31*	,08
26	Нет	30,9	69,1	,42*	-,12
33	нет	68,6	31,4	,52*	-,24*
38	нет	51,0	49,0	,62*	-,27*
44	нет	71,6	28,4	,46*	-,31*
49	нет	22,7	77,3	,53*	-,25*
52	нет	62,7	37,3	,48*	-,18*
58	нет	53,1	46,9	,53*	-,27*
61	нет	52,1	47,9	,61*	-,13

Примечание: звёздочками (*) помечены достоверные коэффициенты корреляции. Нули перед запятой не показаны. Примечание относится и к таблице 4.2.

Как видно из таблицы, все, кроме одного, задания шкалы лжи имеют удовлетворительную дискриминативность. В качестве критерия дискриминативности была использована принятая для дихотомических заданий норма – не более 16% (84%) ответов по одному из двух вариантов [125]. Все задания также имеют существенную корреляцию с итоговым баллом именно своей шкалы, чем с другой шкалой. Показатель однородности α Кронбаха составил 0,794, показатель асимметрии - 0,054, эксцесса – 0,790, то есть распределение практически нормальное. Отсюда можно сделать вывод, что шкала лжи имеет вполне удовлетворительные показатели.

В табл. 4.2. таким же образом показаны характеристики заданий основной шкалы – нервно-психической устойчивости.

Таблица 4.2.

Показатели распределения и корреляции с итоговым баллом заданий шкалы нервно-психической устойчивости опросника Прогноз-2

№	Кл.	%	%	корреляция	
	отв.	Кл.	некл.	ложь	НПУ
2	Да	20,1	79,9	-,01	,26*
3	Да	26,8	73,2	-,05	,08
4	нет	13,9	86,1	-,03	,30*
5	Да	33,5	66,5	-,18*	,35*
7	Да	2,6	97,4	-,03	,27*
8	нет	14,4	85,6	-,03	,10
9	Да	21,1	78,9	-,17*	,29*
11	Да	14,5	85,5	-,05	,28*
13	Да	5,7	94,3	-,13	,38*
14	Да	10,3	89,7	-,20*	,37*
16	Да	2,6	97,4	-,10	,18*
17	нет	20,2	79,8	,12	,24*
18	Да	5,2	94,8	-,06	,21*
20	Да	7,7	92,3	-,05	,27*
22	Да	16,0	84,0	-,20*	,19*
23	Да	15,5	84,5	-,11	,52*
24	нет	28,9	71,1	,10	,03

№	Кл.	%	%	корреляция	
отв.	отв.	Кл.	некл.	ложь	НПУ
48	Да	16,5	83,5	-,28*	,48*
50	нет	25,8	74,2	,04	,09
51	Да	16,5	83,5	-,24*	,35*
53	Да	12,9	87,1	-,36*	,57*
54	Да	,5	99,5	-,13	,13
55	нет	6,2	93,8	,10	,10
56	Да	2,6	97,4	,02	,20*
57	Да	2,1	97,9	-,01	,12
59	Да	10,3	89,7	-,28*	,30*
60	Да	4,1	95,9	-,02	,19*
62	Да	0,0	100,0	-	-
63	Да	3,1	96,9	-,05	,35*
64	нет	1,5	98,5	,17*	,06
65	Да	2,1	97,9	-,10	,35*
66	Да	2,1	97,9	,05	,23*
67	Да	12,4	87,6	-,23*	,48*
68	Да	5,7	94,3	-,10	,43*

25	Да	9,8	90,2	-,26*	,52*
27	Да	1,5	98,5	-,10	,25*
28	Да	18,6	81,4	-,09	,28*
29	Да	22,7	77,3	-,38*	,58*
30	нет	6,7	93,3	,08	,00
31	Да	41,2	58,8	-,35*	,37*
32	Да	25,8	74,2	-,26*	,32*
34	Да	15,0	85,0	-,13	,26*
35	нет	13,9	86,1	-,02	,26*
36	Да	4,6	95,4	-,07	,19*
37	Да	2,6	97,4	-,01	,33*
39	Да	20,6	79,4	-,39*	,50*
40	Да	2,6	97,4	-,07	,22*
41	нет	8,8	91,2	,14	,05
42	Да	37,1	62,9	-,10	,10
43	Да	3,6	96,4	-,10	,23*
45	Да	10,3	89,7	-,17*	,55*
46	нет	56,2	43,8	-,03	,09
47	Да	3,6	96,4	-,17*	,29*
69	Да	5,7	94,3	-,14	,36*
70	Да	17,0	83,0	-,14	,25*
71	Да	4,6	95,4	-,09	,23*
72	Да	2,1	97,9	-,08	,12
73	Да	3,1	96,9	,00	,29*
74	Да	1,5	98,5	-,07	,13
75	Да	1,0	99,0	-,05	,30*
76	Да	12,4	87,6	-,20*	,53*
77	Да	3,6	96,4	-,18*	,22*
78	Да	8,2	91,8	-,14*	,48*
79	Да	13,4	86,6	-,06	,25*
80	Да	10,8	89,2	-,16*	,40*
81	Да	4,6	95,4	-,06	,30*
82	Да	2,1	97,9	-,05	,28*
83	Да	1,5	98,5	-,04	,16*
84	Да	2,6	97,4	-,18*	,35*
85	Да	26,8	73,2	-,25*	,46*
86	Да	5,7	94,3	-,08	,24*

Дополнительно в этой таблице были помечены курсивом задания, которые не связаны ни с одной из двух шкал. Как видно из этой таблицы, только 22 из 71 задания шкалы нервно-психической устойчивости разделяют испытуемых на классы, то есть имеют удовлетворительную дискриминативность. Из этих 22 заданий 5 не связаны достоверно с итоговым баллом ни по своей шкале, ни по шкале лжи. То есть, они измеряют что-то иное, нежели остальные задания. Кроме того, 23 задания, почти треть, достоверно связаны с обеими шкалами, а одно из них (№ 64), хотя согласно ключу относится к шкале нервно-психической устойчивости, достоверно не связано со своей шкалой, зато значимо – со шкалой лжи.

Показатель асимметрии составил 1,282, эксцесса – 1,445, то есть больше единицы. Возникает предположение о ненормальности распределения. На рис. 4.1. оно показано графически.

Как видно из этой гистограммы, на которой приведены сырые баллы, распределение действительно далеко от нормального, аппроксимация которого показано волнистой колоколообразной линией. Вертикальными линиями обозначены принятые при профессионально-психологическом отборе нормы,

согласно которым, более 80 % призывников обладают высокой нервно-психической устойчивостью.

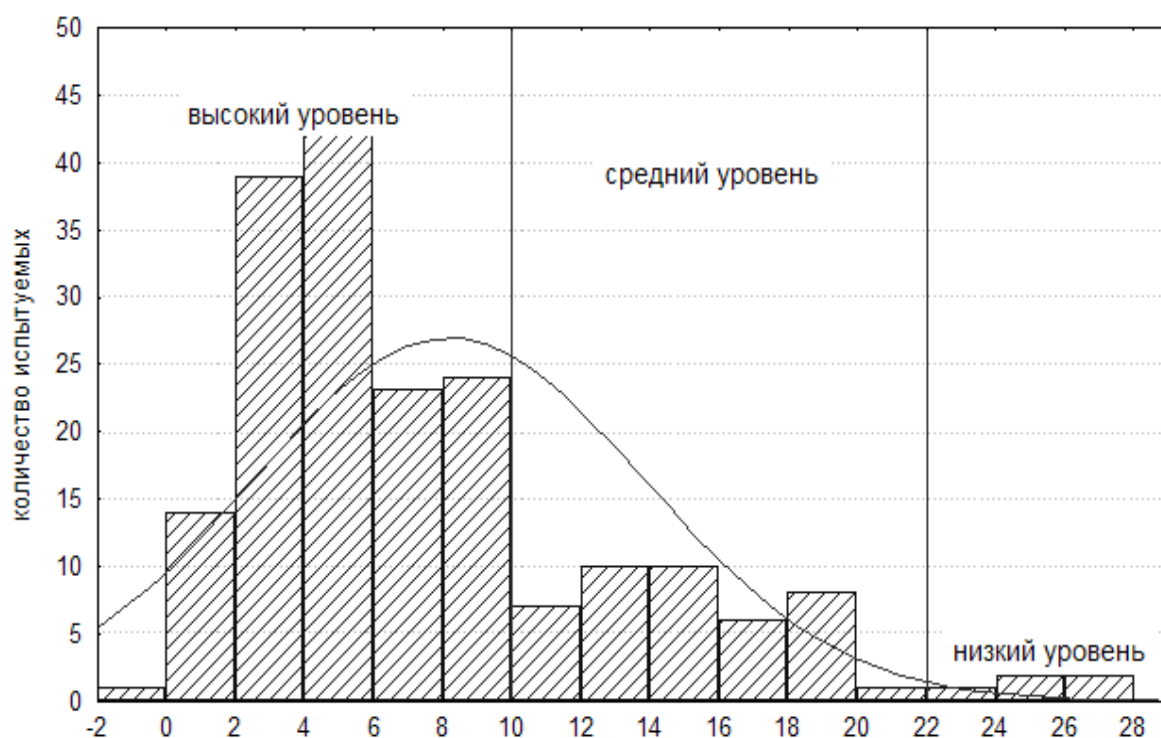

Рис. 4.1. Распределение показателя НПУ по опроснику Прогноз-2

По показателям всей шкалы видно, что то её однородность по α -Кронбаха даже выше, чем у шкалы лжи и равна 0,809. Однако, учитывая недискриминативность 70-ти процентов заданий и распределение итогового балла, следует, что такая высокая однородность получена по видимому за счёт «угадывания нужных ответов». Дело в том, что больший балл по шкале нервно-психической устойчивости соответствует меньшей выраженности этого свойства. Это представлено и на гистограмме: высокий уровень нервно-психической устойчивости соответствует меньшему баллу. При переводе сырых баллов в стены, например, 1 стену соответствуют сыре баллы 43 и больше, 10-ти стенам — 8 и менее сырых баллов. Поэтому данную шкалу с позиций верификации, если рассматриваются сырые оценки, правильнее было бы обозначить как шкалу нервно-психической неустойчивости. Аналогично, шкалу открытости можно обозначить как шкалу лжи, так как и в ней большие

баллы соответствуют меньшей открытости, и соответственно, больше выражена тенденция давать социально одобряемые ответы.

Предположение об «угадывании» основано на очень достоверной отрицательной корреляции между шкалами опросника. Коэффициент линейной корреляции Пирсона между итоговыми баллами составил $r = -0,424$, что при таком размере выборки имеет значимость $p < 0,0001$. То есть, чем больший балл испытуемые имеют по шкале лжи, тем меньший балл получают по шкале «нервно-психической неустойчивости». Если же снова обратить внимание на таблицу 4.2, которая специально приведена в тексте, несмотря на её громоздкость, станет очевидным, что ключевые ответы по большинству заданий шкалы нервно-психической неустойчивости даёт меньшинство испытуемых. Красным цветом в ней отмечены как раз доли неключевых ответов, которые составили меньше шестнадцати процентов, минимально допустимых при дихотомии.

Таким образом, высокая однородность шкалы нервно-психической устойчивости и достоверная корреляция с итоговым баллом большинства её заданий обусловлена одинаковостью ответов. Это показывает, что высокая надёжность по однородности может быть просто артефактом, и что её обязательно нужно сопоставлять с распределением ответов и дискриминативностью.

Далее, чтобы выявить характерные особенности популяции, рассмотрим некоторые наименее дискриминативные задания шкал. Текст остальных заданий полностью приведён в приложении В, номера заданий в таблице 4.1.2 им соответствуют.

Единственное недискриминативное задание шкалы лжи – это утверждение № 1: *«Бывало, что я бросал начатое дело, так как боялся, что не смогу его выполнить»*. Только один из 193 испытуемых признал это утверждение несправедливым для себя. Все остальные за это задание получили по лишнему баллу по этой шкале. Очевидно, что это не соответствует реальному поведению в жизни, а причина

недискриминативности задания, вероятно, слишком «осуждающая» формулировка.

В продолжение рассмотрим наиболее характерные недискриминативные задания шкалы нервно-психической устойчивости. Они были отобраны для представления в тексте не только по принципу наименьшей дифференцированности вариантов ответа, но и по представленности причин недискриминативности.

С утверждением № 27, *«В моей семье есть очень нервные люди»* согласились только 1,5 % испытуемых. Вероятно, из-за категоричной формулировки «очень нервные».

Утверждение № 36, *«Мне кажется, что по отношению ко мне особенно часто поступают несправедливо»*, приняли только 4,6 %. Очевидно, что здесь сыграла роль социальная желательность.

С типичным из-за распространённости явления для подобных шкал утверждением № 37, *«Когда я нахожусь на высоком месте, у меня появляется желание прыгнуть вниз»* согласились только 2,6 % испытуемых. Здесь, вероятнее всего, достаточно очевидным является значение ответа.

Аналогична причина недискриминативности задания № 57, *«Иногда я чувствую, что близкий к нервному срыву»*, с которым согласились только 4 человека из 193, или 2,1 % от всех. Кстати, это задание не связано достоверно ни с одной шкалой. Не совсем правильную с точки зрения грамматики формулировку приведена без изменений, как она есть в тексте опросника.

В задании № 59, *«Раз на неделю или чаще я бываю возбуждённым и взволнованным»*, где с утверждением согласились относительно больше испытуемых - 10,3 %, также приводится слишком явный невротический симптом. По существу здесь достаточно очевидным является то, что «честно» с ним согласилось бы большинство людей, а отрицательно ответили бы те, у которых функция Супер-Эго слишком сильна, что достаточно трудно предположить у 90 % восемнадцатилетних юношей.

В задании № 60, *«Мне очень тяжело приспособиться к новым условиям жизни, работы или учёбы. Переход к новым условиям жизни работы или учёбы кажется мне нестерпимо тяжёлым»*, с которым согласились только 4,1 % от всех испытуемых, на наш взгляд, нарушено сразу два требования к формулировке заданий. В нём, по сути, содержится целых два утверждения, в одном из них не определяется, что значит «тяжело», а второе определяет это слишком категорично.

Наконец, с утверждением № 62, *«У меня часто болит голова»*, не согласился вообще ни один из 193 испытуемых. Очевидно, этот симптом они считают «неприличным» для солдата.

Только 3,1 % испытуемых согласились с утверждением № 63, *«Я вёл неправильный образ жизни»*. Вероятно, здесь сказалось влияние социальной желательности, а ситуация профотбора обострила это влияние.

Судя по утверждению № 64, *«Алкогольные напитки я употребляю в умеренных количествах (или не употребляю их совсем)»*, 98,5 % наших испытуемых – трезвенники, именно столько утвердительно ответили на это задание. Это задание очевидно неконкретно, так как не определено, какие количества можно считать «умеренными». То есть это задание оставляет простор для субъективности.

Утверждение № 65, *«Я часто думаю о грустном»*, с которым согласились только 2,1 % испытуемых, имеет очевидное значение ответа и совершенно не соответствует «бравому» образу, который призывники стараются демонстрировать на призывном пункте, о чём мы уже упоминали при описании условий тестирования.

Задание № 66, *«По сравнению с другими семьями в моей очень мало любви и тепла»*, на наш взгляд, слишком интимно, и больше бы подошло при анонимной диагностике или в ситуации консультирования, но не в «ситуации экспертизы», которая имела место в данном случае. Поэтому неудивительно, что согласились с ним только 2,1 % призывников.

Утверждение № 83, *«Когда я слышу об успехах близкого знакомого, я начинаю чувствовать, что я неудачник»* также, на наш взгляд, касается «крутого» образа себя, который призывники демонстрируют. Кроме того, оно достаточно очевидно подвержено влиянию социальной желательности, поэтому с ним согласились только 3 человека (1,5 %).

Итак, основной причиной недискриминативности большинства заданий шкалы нервно-психической устойчивости являются формулировки заданий, а именно – очевидность значений ответов, социальная желательность, чрезмерная категоричность.

Обнаруженные при психометрической проверке недостатки Прогноза-2 вынуждают усомниться в соответствии заданий измерительному конструкту и заново пересмотреть содержание измерительного конструкта, что будет предпринято в следующем подразделе работы.

4.2. Определение опорных понятий построения семантического пространства нервно-психической устойчивости

Тест-опросник Прогноз-2 состоит из 86 утверждений, 15 из которых относится к «шкале лжи» (открытости) и 71 – к шкале нервно-психической устойчивости (НПУ).

Открытость в данном тесте отражает стремление к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими при низких баллах и наоборот, стремление к сведению к минимуму открытости и искренности. Авторы опросника также связывают этот конструкт с самокритичностью. Содержанием заданий данной шкалы являются социально абсолютно «правильные» утверждения, с которыми испытуемые, при наличии открытости, не соглашались. Утверждения подобраны таким образом, чтобы охватить типичные, всем свойственные проявления, последствия которых не фатальны ни для окружающих, ни для субъекта. Например, «бывает, что я сержусь», «иногда случалось, что я опаздывал на работу или свидание». Предполагается,

что испытуемые, ориентированные преимущественно на предъявление социальной маски, будут соглашаться с такими утверждениями относительно себя. Можно достаточно обоснованно предположить, что такие испытуемые будут меньше склонны к рефлексии, необходимому условию адекватной оценки своих поступков.

С точки зрения типов значений можно предположить преобладание коннотативности связанных с образом социально желательного поведения значений. Здесь мы основываемся на необходимости хотя бы первичного осознания предметной отнесённости для формирования денотативных значений. Это предположение подтвердилось при обработке данных первого этапа эмпирического исследования, выразившись в достаточной дискриминативности заданий этой шкалы.

Иначе дело обстоит со второй шкалой, нервно-психической устойчивости, которая, судя по руководству к этому тесту, «отражает устойчивость к стрессам, адаптируемость к новым социальным условиям, уровень развития процессов саморегуляции». То есть, нервно-психическая устойчивость понимается, прежде всего, как способность к саморегуляции поведения и собственного психоэмоционального состояния. В этой связи возникает принципиально важный вопрос об источниках этой способности. Она может быть результатом высокого порога потери самообладания, или, проще говоря, низкой эмоциональной чувствительности. Она характерна для субъектов, обладающих сильной, и ещё в большей степени инертной (в противовес лабильности) нервной системой. Кроме того, саморегуляция может осуществляться на основе хорошо дифференцированного отношения к своему поведению, что предполагает как раз высокую степень рефлексивности, и, соответственно, преимущественную денотативность составляющих семантического поля. Выдвинем также подлежащее эмпирической проверке предположение о том, что «эмоционально нечувствительные» испытуемые во время тестирования будут ориентироваться на ситуации «вообще», а «рефлексивные» — соотносить предлагаемые утверждения со своими

собственными мыслями и чувствами. С точки зрения психосемантики, первое будет соответствовать коннотативности, а второе – денотативности значений. Представляется необходимым в будущем опроснике дифференцировать таким образом высокую нервно-психическую устойчивость за счёт ригидности и её же, обусловленную способностью к саморегуляции.

По содержанию заданий шкалу нервно-психической устойчивости можно разделить на три основные группы. В первую, наибольшую по количеству, входят утверждения о наличии определённых состояний, связанных с нервно-психической адаптацией. В заданиях этой группы состояния описываются как внешние по отношению к субъекту, например, «когда я пытаюсь что-то сделать, то часто замечаю, что у меня дрожат руки», «у меня часто болит голова» и тому подобные. Отметим, что с точки зрения внешней («очевидной») валидности, эти утверждения должны расцениваться испытуемыми как проявления патологии. Очевидно, именно это актуализирует социальную желательность. Как было показано в предыдущем подразделе, подавляющее большинство из них оказалось недискриминативными: более 90% испытуемых отвечали неключевым образом, обусловленность этого явления была рассмотрена там же.

Вторую группу образуют утверждения о взаимодействии с другими людьми и связанных с ним состояниях, например, «я легко теряю терпение с людьми», «когда я нахожусь среди людей, я слышу очень странные вещи».

Третья группа утверждений касается поведения по отношению к людям или их поведения относительно субъекта: «я часто подшучиваю над друзьями», «люди проявляют ко мне столько внимания и симпатии, сколько я заслуживаю» и т.п. При этом часть утверждений не может быть чётко категоризирована, так как сочетает в себе рассмотренные категории.

Таким образом, можно отметить, что содержательно задания шкалы нервно-психической устойчивости включают, по крайней мере, два феномена: степень эмоциональной чувствительности, что близко к понятию нейротизма у Г. Айзенка, и способность к саморегуляции своего эмоционального состояния.

Оба этих феномена рассматриваются в контексте социально-психологической адаптации.

Последующее обоснование выбора стимулов-понятий для оценки с помощью семантических дифференциалов является одновременно углублением анализа содержательной области феномена нервно-психической устойчивости. Этот анализ представляет собой также пример реализации первого этапа предлагаемой технологии разработки психодиагностических методик.

Начнём с уточнения понятия нейротизма, которое, как было показано выше, представляет собой теоретическую основу понятия нервно-психической устойчивости, очень близок ему по содержанию и противоположен «по знаку». Согласно Г. Айзенку, автору этого понятия, нейротизм является одним из базисных измерений личности наряду с экстраверсией, и содержит в себе такие характеристики, как степень личностной интеграции, эмоциональной устойчивости, социабельности и воли. Операционально нейротизм, или эмоциональная неустойчивость, представляет собой континуум от «нормальной эффективной стабильности» при низкой выраженности до выраженной эмоциональной лабильности при высоких показателях. То есть Г. Айзенк делает акцент на нейрофизиологической основе, хотя в содержании заданий его известных опросников, созданных на основе такого представления, преобладают ситуации социального взаимодействия. В данном случае они являются стимулами, реакцию на которые должен выявить опросник. Иными словами, непосредственно измеряются не сами свойства нервной системы, а его проявления в поведении, что, естественным образом усложняет описание так как на поведение влияет всегда множество факторов, и невозможно точно установить их соотношение. Немного забегаая вперёд отметим, что как раз в системах значений различные факторы интегрируются и служат, по крайней мере, более непосредственной основой для реального поведения.

Высокий показатель по этой шкале не является свидетельством невроза, однако невроз у таких лиц в неблагоприятных стрессовых ситуациях может

развиваться. С точки зрения Г. Айзенка, ещё одним характерным признаком «нейротической личности» являются неадекватно сильные по отношению к вызывающим их стимулам реакции. Этому сопутствуют высокая эмоциональная лабильность, неуравновешенность нервно-психических процессов, гиперактивность и медленный возврат к исходному состоянию после эмоциональных переживаний. Для них характерна изменчивость настроения, склонность к пессимизму, они часто жалуются на различные недомогания: головные боли, бессонницу, нарушение пищеварения и тому подобные симптомы. Характерно также преобладание отрицательных эмоций – беспокойства, тревоги и их вариантов. Кроме того, они характеризуются так называемым слабым характером (невыраженностью какой-либо устойчивой инвариантной линии поведения), внушаемостью, необщительностью, неспособностью к волевым усилиям. На таких людей нельзя полагаться, так как они с трудом адаптируются к новым условиям, стараются забыть, подавить неприятные для себя аффекты, а не активно преодолевать их.

Испытуемые с низкой нейротичностью, наоборот, эмоционально стабильны, характеризуются настойчивостью и уверенностью перед лицом препятствий, силой воли, хорошим характером, эмоциональной устойчивостью, социабельностью, инициативностью, устойчивой организацией личности.

Таким образом, и в содержании заданий шкалы нервно-психической устойчивости методики «Прогноз-2», и в характеристике понятия нейротизма Г. Айзенка следует выделить следующие особенности:

- 1) социальный характер проявления этого свойства в поведении,
- 2) сочетание свойств нервной системы – лабильности и силы – с возможностями сознательной регуляции собственного поведения и состояния,
- 3) субъективность оценки большинства ситуаций либо как фрустрирующих (указание на низкий порог эмоциональной сензитивности), либо как не вызывающих сильных эмоций (указание на высокий порог

эмоциональной сензитивности). Полагаем, что здесь интегрируются первые два положения.

4) сфера актуализации нервно-психической устойчивости как свойства – ситуации, субъективно воспринимаемые как напряжённые.

Выделив эти особенности, можно операционализировать измерительный конструкт нервно-психической устойчивости и выделить ключевые понятия-стимулы для реконструкции его семантического поля.

Исходя из социального контекста проявлений нервно-психической устойчивости, было предпринято определение особенностей отражения такого понятия, как «другие люди».

Поскольку феномен нервно-психической устойчивости актуализируется по мере повышения субъективной психологической напряженности, для выявления психосемантического содержания были использованы объекты «Напряжённая ситуация» и «Опасная ситуация» как опорные точки семантического пространства. Их сопоставление является известным методологическим приёмом, который позволяет выявить сходство и различие, и, следовательно, получить параметры семантического поля.

Учитывая вышеизложенное, а именно сочетание и коннотативных, и денотативных параметров актуальных значений, наиболее целесообразным оптимальным представляется использование универсального семантического дифференциала. В качестве такового был использован так называемый стандартный семантический дифференциал, рекомендованный В.П. Серкиным [163], в котором 25 биполярных шкал представляют собой наиболее часто встречающиеся в языке прилагательные-антонимы. Стимульный материал этой методики был несколько модифицирован в соответствии с поставленными в исследовании задачами. Так, например, в бланке для испытуемых (приложения А и Б), чтобы минимально провоцировать внеконтекстные, абстрактные оценки позитивности-негативности в шкале не использовались отрицательные числовые значения, при наборе же в электронную таблицу левому полюсу присваивались отрицательные значения, а правому – положительные.

4.3. Факторные описания отдельных понятий

Первоначальное уточнение естественных значений мы выполняли посредством факторизации оценок по отдельным понятиям, выделенным в ходе теоретического анализа понятия нервно-психической устойчивости в качестве опорных точек построения семантического пространства. Это было необходимо для того, чтобы получить представление о соответствующих подсистемах значений, соответствующих этим понятиям.

Для этого использовался факторный анализ по методу главных компонент в соответствующем модуле программы Statistica 5.5. Шкалы семантического дифференциала служили критериями (исходными переменными, и в дальнейшем изложении будем употребляться и этот термин). Поскольку одной из задач было определение степени сложности семантического пространства, количество факторов в анализе не ограничивалось. В разделе 2 нашей работы было обосновано представление о том, что само количество полученных осей в соотношении с количеством исходных критериев указывает на степень когнитивной сложности (дифференцированности) представлений в соответствующей сфере. Автоматически выбиралась такая факторная модель, которая бы обеспечивала наибольший процент объясняемой дисперсии, поэтому использовался способ «поворота» Varimax normalized, как обеспечивающий наибольшую возможную равномерность распределения критериев по факторам. Далее выделялись критерии, которые с одинаково высокими нагрузками входили в два и более фактора. Они исключались, и анализ повторялся заново, так как изменялась вся модель. В конечном счёте, как это видно из приведённых в приложении таблиц, остались те критерии, которые, на основании доминирования нагрузок по одному из факторов, можно было чётко к ним отнести.

Здесь и далее в описании факторизации приводятся названия того из двух полюсов биполярной шкалы, в сторону которого стремятся

среднегрупповые оценки. Например, если по критерию «слабый – сильный» они имеют отрицательные значения, то они более близки к левому полюсу – «слабый». Такой способ представления несколько условен, так как более точную информацию о психологическом содержании критерия в определённом факторе даёт всё же знак и величина факторной нагрузки. Однако, в нашем случае в подавляющем большинстве сохраняется закономерность – факторная нагрузка по знаку противоположна среднегрупповой оценке. Поэтому следует применить этот наглядный и более лёгкий для понимания способ.

Итак, для объекта «Напряжённая ситуация» после перебора всех вариантов вращения наиболее удачной оказалась модель из восьми факторов, объясняющая 61,1% дисперсии. Это достаточно высокий показатель, учитывая то, что применялся стандартный, а не специализированный семантический дифференциал. Он означает, что полученная модель достаточно адекватна для большинства испытуемых. «На перспективу» можно отметить, что использование специально разработанных семантических дифференциалов, более точно отражающих исследуемую область, продуктивнее. В частности, В.Ф. Петренко в своих исследованиях получал факторные модели, объясняющие до 90% дисперсии, правда, за счёт весьма трудоёмких процедур создания шкал, например, таких как тест личностных конструктов. Далее при рассмотрении факторизации «напряжённой ситуации» в ходе оптимизации модели по принципу, объяснённого выше, было отброшено две шкалы. Соответственно, осталось 23 критерия. Само по себе выделение восьми независимых факторов при всего 23 шкалах указывает на достаточно высокую дифференцированность испытуемых в данной сфере.

Не вошли в модель такие шкалы, как «родной – чужой» и «злой – добрый». Это может указывать на непредставленность в модели соответствующих свойств, или, иначе говоря, эти «мерки» недостаточны по отношению к «напряжённой ситуации».

В наиболее мощный первый фактор, который объясняет 13,2% дисперсии, вошли шкалы *мягкий* (нагрузка в этом факторе 0,742), *гладкий*

(0,739), *простой* (0,665), *приятный* (0,481), *чистый* (0,460). Учитывая, что в фактор объединяются шкалы, оценки по которым наиболее близки математически, и, основываясь на базовой идее психосемантики, они наиболее близки по психологическому содержанию. Объединение в один фактор не случайно, поэтому появляется возможность уточнить значение определённых критериев через эти связи. Отметим и то, что таким образом реализуется принцип системности. В данном случае он означает, что следует рассматривать критерии не отдельно, а в единстве фактора. Один и тот же критерий в другом факторе, объединённый с другими шкалами, может приобретать другое значение. Например, общее название для первого фактора, найденное экспертной группой – **«Комфортность»**.

Второй фактор объясняет 7,4% дисперсии, хотя и состоит из всего двух критериев – *острый* (0,76) и *дорогой* (0,695). Очевидно, что эти критерии вместе отражают субъективную значимость ситуации, причём метафорической остроте соответствует «дороговизна» в противоположность «дешевизне». Фактор назван **«Значимость»**.

В третий фактор, объясняющий 8,1% дисперсии, вошли критерии *упорядоченный* (0,692), *быстрый* (0,652), *умный* (0,584). Учитывая связи и взаимное уточнение критериев, фактор назван **«Упорядоченность»**. В данном случае можно предположить, что напряжённая ситуация расценивается испытуемыми как всё-таки структурированная, что позволяет проявить быстроту и ум – собственно, субъектные характеристики.

Психологическое содержание четвёртого фактора образуют шесть критериев: *радостный* (0,668), *жизнерадостный* (0,599), *большой* (0,561), *любимый* (0,560), *активный* (0,545), *свежий* (0,460), которые вместе объясняют 11,1% от общей дисперсии. Тот факт, что на каждый критерий здесь приходится относительно меньшая часть дисперсии, чем в предыдущих факторах, указывает на то, что, обобщая его психологическое содержание нужно учитывать все критерии и нельзя пренебрегать ни одним из них. Итак, напряжённая ситуация оценивается как что-то активное, дающее новые

ощущения. Обобщая психологическое содержание шкал и учитывая специфику оцениваемого объекта, можно назвать фактор *«Взбадривание»*, имея ввиду, что именно так, в семантическом пространстве, ситуация влияет на субъекта оценки. Это объясняется тем, что испытуемые – восемнадцатилетние юноши, а этому возрасту свойственна скорее стеническая реакция на большинство новых ситуаций.

Оговоренную для четвёртого фактора особенность небольшой относительно количества критериев дисперсии, можно отнести и к пятому. Объясняя всего 5,9% общей дисперсии, он состоит из трёх критериев: *расслабленный* (0,583), *лёгкий* (0,647), *холодный* (0,479). По отношению к «напряжённой ситуации» тенденция именно к этим полюсам выглядит достаточно парадоксальной: в языке скорее более близки прилагательные «холодный» и «напряжённый». Но, поскольку в основу данного исследования положен принцип приоритетности эмпирических данных, следует признать, что для испытуемых характерно именно такое соединение: холодность связана с расслабленностью. Сопоставляя эти результаты с особенностями восприятия себя по методике «Личностный дифференциал», это представление можно объяснить наличием субъективной возможности контроля над ситуацией, которая субъективно оценивается испытуемыми как напряжённая. Впоследствии это предположение подтвердилось при построении общего факторного пространства, в котором «напряжённая ситуация» оказалась нейтральной по фактору «Тяжесть», составившемуся из таких шкал, как *тяжёлый*, *печальный* и *напряжённый*. Ещё одно соображение относительно психологического содержания этого фактора предоставляет распространённое использование в языке слова «горячо» и «жарко» в его широком контексте в качестве синонима «напряжения». Учитывая всё это, данный фактор был обозначен как *«Лёгкость»*, против обыкновения называть факторы по наиболее нагруженной из входящих в него шкал.

Шестой и седьмой факторы состоят только из одного критерия каждый – *светлый* (0,851) и *сухой* (0,851), объясняя соответственно 6,3% и 5,3%

дисперсии. Нагрузки этих критериев во всех остальных факторах, кроме собственного, весьма близки. Тем не менее, в один фактор они не объединились. Кроме того, они, напомним, совершенно независимы друг от друга и от остальных факторов. То есть они имеют довольно определённое психологическое значение, которое нет возможности уточнить через их связи с другими факторами данной модели. Попытка выделить их будет предпринята с помощью анализа корреляционных связей с факторами «Личностного дифференциала».

Восьмой фактор, объясняет 6,2% дисперсии, что довольно много для состоящего из всего двух критериев – *сильный* (0,821) и *хороший* (0,560). Исходя из явного доминирования нагрузки по первому критерию, он так и назван: «**Сила**». Однако следует отметить, что в данной факторной модели именно «слабый-сильный» и «плохой-хороший» связаны наиболее тесно. Это, по видимому, может означать, что для призывников сила – неотъемлемый атрибут хорошего, или, наоборот, слабое хорошим быть не может.

Обобщая, отметим, что понятие «напряжённая ситуация» имеет для наших испытуемых достаточно дифференцированное значение, в котором ведущими являются такие содержательные параметры, как комфортность психологического состояния, контролируемость и структурированность. Кроме того, относительно небольшое число шкал, которые не имели чётко выраженного доминирования нагрузки в одном из факторов и которые исключены из анализа, указывает на достаточно высокую адекватность избранного нами набора шкал – «Универсального семантического дифференциала» Е.Ю. Артемьевой. При попытках исключить ещё какие-то шкалы, кроме этих четырёх, факторная модель уже начинала ухудшаться, не только по проценту общей дисперсии, но и по чёткости всех факторов. Отсюда можно сделать два практических заключения. Во-первых, достаточно адекватным представляется использование «Универсального семантического дифференциала», а во-вторых, приобретают особое значение те шкалы,

которые пришлось исключить: они, по крайней мере, в данной факторной модели, не отражают какого-либо определённого содержания.

Хотя для оценки «Опасной ситуации» исходно использовался тот же набор шкал, результаты факторизации, прежде всего, содержательно, достаточно сильно отличаются от факторной модели «напряжённой ситуации».

Окончательная факторная модель, также построенная по методу Varimax normalized, состояла из шести независимых друг от друга факторов и объясняла 60,5% общей дисперсии. В ходе улучшения модели четыре шкалы были отброшены, поэтому в модель вошел 21 критерий. В этой связи отметим, что меньшее количество факторов может указывать на достаточно большую в сопоставлении с количеством исходных шкал когнитивную дифференцированность. И всё же она несколько меньше, чем в модели «напряжённой ситуации». Это позволяет предположить, что семантическое поле «опасности» у наших испытуемых структурировано меньше.

Не вошли в модель такие шкалы, как «хаотичный – упорядоченный», «родной – чужой», «простой – сложный», «мягкий – твёрдый». Очевидно, в той части системы значений, которую описывает модель, не отражена степень структурированности ситуации и степень её принятия.

В первый фактор, объясняющий 15,4 % дисперсии, вошли пять шкал: *хороший* (0,797), *приятный* (0,710), *светлый* (0,708), *добрый* (0,691) и *гладкий* (0,571). Отметим, что в этот фактор попали прилагательные, выражающие разные модальности ощущений, а также, с наибольшей нагрузкой, оценочные. Они позволили достаточно чётко определить значения светлоты и гладкости в данном случае. Поэтому фактор назван «**Позитивность**».

Во второй фактор (9,7%) вошли характеристики: *большой* (0,783), *дорогой* (0,699) и *острый* (0,687). Это один из немногих факторов, сходных в моделях напряжённой и опасной ситуации, который тоже был обозначен как «**Значимость**». Причём он выражен более чётко, чем одноимённый по «напряжённой ситуации», за счёт характеристики «большой», которая там

вошла в фактор «Взбадривание». Соответственно, здесь это название более корректно.

В третьем факторе (6,1%) объединились характеристики *горячий* (0,758) и *сухой* (0,61). Учитывая явное преобладание нагрузки по первому из этих критериев, можно предположить, что здесь он выражает «**Интенсивность**», а «сухой» подчёркивает его.

Четвёртый фактор объясняет 11,6% дисперсии обозначен как «**Радостная расслабленность**», и включает в себя характеристики *радостный* (0,707), *расслабленный* (0,703), *жизнерадостный* (0,647), *любимый* (0,532) и *лёгкий* (0,55).

В пятый фактор (11,2%), названный «**Динамичность**», вошли такие критерии, как *быстрый* (0,745), *умный* (0,647), *свежий* (0,582) и *чистый* (0,447). Можно предположить, что он имеет позитивный смысл для испытуемых.

Наконец, содержание четвёртого фактора (6,5%) достаточно очевидно. Он состоит из характеристик *сильный* (0,786) и *активный* (0,563). Поскольку первая из них даёт заметно больший вклад, фактор был назван «**Сила**». В отличие от одноимённого фактора в модели «напряжённой ситуации», здесь сила объединяется не с оценочной характеристикой «плохой - хороший», а с активностью-пассивностью. Поэтому «опасная ситуация» отличается для наших испытуемых меньшей структурированностью, чем просто «напряжённая ситуация». Содержательно наиболее представлены в ней такие параметры, как интенсивность, степень позитивности и динамичность.

Далее подобным образом опишем результаты факторизации по методике «Личностный дифференциал», состоящей из 21 биполярной шкалы, по которым испытуемым предлагалось оценить себя самих. Он необходим прежде всего для выяснения связей оценки основных объектов – напряжённой и опасной ситуаций – с характеристиками восприятия себя. После перебора вариантов была получена факторная модель из шести независимых факторов, объясняющая 60,4% общей дисперсии. В ходе поиска оптимальной факторной

модели отсеялись шкалы «Суетливый – спокойный» и «Нелюдимый-общительный», а остальные сгруппировались в ней следующим образом.

Первый фактор объясняет 16,1% дисперсии и включает в себя следующие критерии: *добросовестный* (нагрузка в этом факторе составила 0,736), *сильный* (0,726), *отзывчивый* (0,684), *открытый* (0,665), *энергичный* (0,621). Отметим, что здесь понятие силы и энергии тесно связано с социально желательными характеристиками, описывающими отношение к другим людям. Поэтому, несколько метафорически, данный фактор был назван «**Добрая сила**».

Второй фактор, объясняя 8,7% дисперсии, состоит из трёх критериев: *разговорчивый* (0,712), *уверенный* (0,637) и *честный* (0,501). Связанность этих качеств в одном факторе указывает, что для наших испытуемых интенсивное общение подразумевает опять-таки социальную интегрированность на основе открытости (тесно связанной с честностью) и позитивности Я-образа (уверенный). Этот фактор был назван «**Социальность**», основываясь на том, что сами понятия честности и уверенности немыслимы вне взаимодействия с другими людьми, именно в них и проявляются. Обладающие этими качествами люди являются наиболее принимаемыми и популярными среди окружающих.

В третий фактор, объясняющий 7,9% общей дисперсии, вошли такие характеристики, как *невозмутимый* (0,723), *расслабленный* (0,614) и *самостоятельный* (0,492). Здесь, по нашему мнению, для реконструкции значения фактора необходимо обратиться к противоположным полюсам, соответственно это будут *раздражительный*, *напряжённый* и *несамостоятельный*. Обобщая каждый из полюсов, можно заметить, что речь прежде всего идёт об уровне возбуждения как бы в двух аспектах: высоком пороге возникновения напряжения (невозмутимость) и об актуальном состоянии (расслабленность). Этот фактор был обозначен как «**Спокойствие**». В этой связи отметим, что основой спокойного состояния является самостоятельность.

Четвёртый фактор состоит из критериев *упрямый* (0,788) и *независимый* (0,654), и объясняет 7,2% общей дисперсии. Опираясь на общепринятые представления, он был назван «*Твёрдость*».

Психологическое содержание пятого фактора (8%) достаточно очевидно. Он включает две характеристики, *дружелюбный* (0,764) и *добрый* (0,685) в противоположность соответственно враждебному и эгоистичному. Он назван «*Дружелюбие*».

В шестой фактор вошли такие полюса, как *обаятельный* (0,776), *решительный* (0,736), *справедливый* (0,568) и *деятельный* (0,406). Обобщая, следует отметить, что это наиболее распространённые в обыденном представлении характеристики уже не просто социально принимаемого члена общества, а выдающегося, поэтому фактор назван «*Лидерство*».

Итак, в представлениях испытуемых о себе явно доминируют над всеми остальными факторы «Добрая сила», противоположный полюс которого можно назвать «Безответственная слабость» и «Лидерство – отверженность». Представляется, что такое структурирование вполне адекватно для восемнадцатилетних юношей, призванных в армию.

Для уточнения предположений, выдвинутых при интерпретации факторных моделей, далее было выполнено сравнение непосредственных значений одинаковых шкал по отношению к разным объектам. При этом использовался критерий Стьюдента для зависимых выборок, вполне применимый на таких больших выборках.

Здесь и далее в скобках через дробь будет последовательно указываться, среднегрупповые значения по шкале для «напряжённой» и «опасной» ситуаций, и точное значение уровня достоверности различия p . Это позволяет наглядно представить и разницу между среднегрупповыми значениями, и знак, по которому можно отнести объект к правому либо левому полюсу шкалы. Этот полюс и будет использоваться для обозначения.

Такое сравнение позволяет выполнить сопоставление, которое невозможно было сделать между отдельными факторными моделями, так как

факторные «системы координат» в них разные и несопоставимые. Построенное же далее общее факторное пространство весьма наглядно, но затруднительно для восприятия точных числовых различий. Как отмечалось ранее, при рассмотрении факторного анализа как метода построения семантических пространств, что факторные координаты имеют настолько отличные от привычных нам метрических координат структуру и содержание, что объём объяснений намного бы превысил объём описания самой факторной модели. Поэтому было решено дополнить расположение изучаемых понятий в факторном пространстве прямым сравнением. Кроме того, необходимо было проверить, не заполняли ли испытуемые бланки случайным образом.

Итак, между «Напряжённой ситуацией» и «Опасной ситуацией» различия оказались достоверными по следующим шкалам, которые были расположены в порядке убывания значимости различий:

Добрый (1,36/0,64; $p = 0,0000008$);

Радостный (-1,05/-0,75; $p = 0,0000009$);

Жизнерадостный (-1,70/-1,09; $p = 0,000001$);

Светлый (1,31/0,56; $p = 0,000002$);

Любимый (-1,59/-0,95; $p = 0,000009$);

Свежий (-1,86/-1,44; $p = 0,000013$);

Чистый (-2,16/-1,73; $p = 0,00009$).

Родной (-1,24/-0,71; $p = 0,00008$);

Хороший (1,56/1,14; $p = 0,0004$);

Приятный (1,33/0,83; $p = 0,0004$);

Мягкий (-0,74/-0,20; $p = 0,0006$);

Большой (-0,62/-1,06; $p = 0,0009$);

Простой (-1,04/-0,63; $p = 0,005$);

Быстрый (-1,64/-1,92; $p = 0,006$);

Лёгкий (-0,82/-0,3; $p = 0,0012$);

Упорядоченный (1,31/1,01; $p = 0,011$);

Гладкий (-1,06/0,79; $p = 0,014$);

Как следует из представленных материалов, между объектами по семнадцати шкалам из двадцати пяти оказались достоверные различия, что свидетельствует о неслучайности заполнения бланков. Различия на уровне значимости в миллионные доли единицы очень достоверно свидетельствуют о том, что с помощью тщательного составления инструкции и объяснений, удалось добиться того, что испытуемые оценивали объекты как разные. На основе этих различий и соответствия способов субъективной категоризации (она выражается в содержании и количественных параметрах факторных моделей) половозрастным особенностям испытуемых, можно считать, что испытуемые адекватно понимали задания.

Судя по наиболее значимым различиям, напряжённая ситуация представляется, прежде всего, как более *добрая, радостная, жизнерадостная, светлая и чистая, хорошая и приятная*, чем ситуация опасная. Эти характеристики входят в разные факторы в отдельных моделях, либо присутствуют в одной и отсутствуют в другой. Поэтому пришлось ограничиться выводом о том, что большинство шкал имеют высокую «дифференцирующую силу», и представлением о мере этой дифференцирующей силы – она соответствует тому порядку, в котором они приведены здесь. Это позволяет взять именно эти шкалы в качестве конкретной основы для заданий теста.

Понятие «Другие люди» оказалось семантически довольно дифференцированным: в факторную модель вошли семь факторов, которые вместе объясняют 62,2 % общей дисперсии. Всего в модель вошло 22 шкалы, причём отсеялись такие характеристики, как «быстрый – медленный», «слабый – сильный», «расслабленный – напряжённый».

В первый фактор, объясняющий 10,8 % общей дисперсии, вошли, в порядке убывания факторных нагрузок, такие шкалы: «*активный – пассивный*» (факторная нагрузка 0,683), «*легкий – тяжелый*» (0,597), «*дорогой – дешевый*» (0,577), «*чистый – грязный*» (0,572), «*жизнерадостный – унылый*» (0,553). Все нагрузки достаточно близки друг к другу, а шкала «активный – пассивный»

при этом достаточно чётко выделяется. Эксперты назвали этот фактор **«Жизнерадостная активность»**, так как разница факторных нагрузок между последними четырьмя шкалами невелика, и в качестве уточняющего дополнения к названию можно было бы, в принципе, выбрать любую. «Жизнерадостность» была выбрана потому, что в данном контексте она как бы включает в себя остальные, а в целом психологическое содержание полюса можно было бы описать как активную позицию, связанную с лёгкостью, высокой значимостью и чистотой. Соответственно, противоположный полюс условно можно обозначить, как «пассивную унылость».

Во второй фактор вошли такие полюса шкал, как *добрый* (0,78), *мягкий* (0,581), *родной* (0,571), *свежий* (0,532). Характер соотношения между факторными нагрузками примерно такой же, как и в первом факторе: одна шкала выделяется, между остальными различие небольшое. Учитывая, что объектом оценки были другие люди, фактор назван **«Мягкая доброта»**. Обобщая содержание и полюса отдельных шкал, можно предположить, что это свойство испытуемым импонирует и стимулирует к сокращению дистанции (*родной*). Противоположный же полюс всего фактора связан, наоборот, с отвержением (*чужой*) и даже отвращением (*гнилой*) к тем, кто категоризируется, как «злой» и «твёрдый».

Третий фактор объясняет 9,4 % дисперсии. В него вошли такие полюса, как *хороший* (0,729), *светлый* (0,726) и *радостный* (0,591). Объединение первых двух характеристик в одном факторе оказалось типичным для языковых эпитетов, описывающих обобщённые позитивные признаки «хорошего человека», поэтому он был обозначен как **«Радостная позитивность»**.

В четвёртом факторе (8,6 % дисперсии) объединились характеристики *упорядоченный* (0,8), *приятный* (0,582) и *умный* (0,489). В отличие от предыдущих факторов, характеристика *умный* имеет значительно меньшую

нагрузку, чем остальные. Однако характерно, что для испытуемых близки в отношении других людей *упорядоченность* и *ум*, как и противоположные им характеристики – *хаотичность* и *глупость*. Это может указывать на то, что если, например, высказывания человека хорошо структурированы, то он воспринимается как приятный и умный. Наибольшая относительная нагрузка *упорядоченности* может указывать на то, что при актуализации этого фактора именно эта характеристика является ключевой. В отношении людей такое сочетание, по мнению наших экспертов, отражается словом «*Толковость*».

Пятый фактор состоит только из одной шкалы, «влажный – сухой», но объясняет достаточно большую часть общей дисперсии – 5,1 %, то есть его выделение определённо неслучайно. Поскольку факторная нагрузка отрицательна (-0,906), то в соответствии с принятым нами способом обозначения, этот фактор был назван «*Сухость*». Наиболее вероятное предположение о психологическом содержании, которое вкладывали в него испытуемые, также основывается на общеупотребительном значении этого слова. По отношению к другим людям это может означать скупость внешних проявлений, низкую эмоциональность, которые не вызывают желания приближаться.

Следующий, шестой фактор объясняет 8,1 % дисперсии. Он состоит из шкал «горячий – холодный» (0,710), «острый – тупой» (0,701), и «большой – маленький» (0,502). Очевидно, что, согласно факторным нагрузкам, его содержание больше определяется левыми полюсами первых двух шкал. Но все три имеют отношение к интенсивности. В применении к людям внешне наблюдаемые признаки «интенсивного» поведения обычно обозначаются словом «*Экспрессивность*», как и был назван этот фактор. Добавим ещё и то, что наличие в содержании фактора полюса *большой* позволяет предположить, что весь фактор также может иметь отношение к значимости, которая была

определена как один из факторов для «Напряжённой» и «Опасной» ситуаций. И всё же, объект оценки качественно иной, поэтому дано иное название.

Седьмой фактор состоит из весьма чётко поляризованных шкал «простой – сложный» (0,784), «гладкий – шершавый» (0,608), «расслабленный – напряжённый» (0,590). Он объясняет 9,4 % общей дисперсии. Так как все факторные нагрузки положительны, название фактора определяется левыми полюсами, точнее, левым полюсом наиболее нагруженной шкалы: «**Простой**». Этот эпитет имеет вполне очевидное языковое значение по отношению к людям: их делят на «простых» и, что уже зависит от субъективной категоризации, «сложных», «заумных» и так далее. Добавим только, что наш анализ прямых корреляционных связей между отдельными шкалами внутри фактора указывает на то, что характеристика *расслабленный*, скорее всего, указывает на собственное состояние субъекта при взаимодействии с «простым» человеком, а *гладкий* – на бесконфликтность этого взаимодействия.

Обобщая факторную модель по «Другим людям», отметим, что представление о них структурируется у испытуемых в первую очередь факторами «Активная жизнерадостность» и «Мягкая доброта», потому что они незначительно, но выделяются не только большим процентом объясняемой дисперсии, но и большим количеством вошедших в них шкал.

В ходе реконструкции факторной структуры семантического пространства понятий «напряжённая ситуация» и «опасная ситуация» возникла потребность в уточнении значений некоторых факторов. Для этого были выявлены корреляционные связи между факторами семантического пространства разных объектов. Напомним, что все связи между факторами внутри каждой модели равны нулю, то есть факторы независимы. Связи либо их отсутствие между факторами разных моделей позволяют оценить, насколько близко их психологическое содержание.

При изложении результатов этого этапа обработки, для удобства, в скобках будут указываться значения коэффициента корреляции и точное значение вероятности нулевой гипотезы об отсутствии связи (уровень значимости p).

Фактор «Комфортность» в модели «Напряжённой ситуации» оказался положительно связан с факторами «Позитивность» ($r = 0,172$; $p = 0,013$), «Позитивное напряжение» ($r = 0,16$; $p = 0,022$), «Динамичность» ($r = 0,152$; $p = 0,029$), и отрицательно – с фактором «Сила» в модели «Опасной ситуации» ($r = 0,23$; $p = 0,001$). Учитывая то, что объекты оценки были разные, можно предположить, что «пересекающимися» и одновременно дифференцирующими для обеих ситуаций являются следующие аспекты: напряжённость и динамичность, которая является приемлемой в «напряжённой» ситуации и вызывает дискомфорт в такой ситуации, которая расценивается как опасная. Кроме того, обнаруживается ещё одно подтверждение обозначенного выше тезиса о том, что молодым испытуемым в принципе импонирует умеренное напряжение. Представляется, что это принципиально важно для правильного понимания феномена нервно-психической устойчивости.

Положительно и с очень высокой достоверностью коррелируют факторы «Значимость» в обеих моделях ($r = 0,411$; $p = 0,001$), хотя в модели «опасной ситуации» в него входит критерий «большой», которого нет в этом факторе в модели напряжённой ситуации, что выступает в качестве подтверждения адекватности выбранного названия и приписанного им содержания.

Фактор «Значимость» в модели напряжённой ситуации также положительно связан с фактором «Сила» ($r = 0,142$; $p = 0,041$) в модели опасной ситуации. При определенной условности это можно интерпретировать следующим образом: чем больше для испытуемых субъективно значима напряжённая ситуация, тем более «сильной» и «активной» им представляется опасность.

Итак, факторные модели по отдельным понятиям позволили в определённой степени описать общие для разных испытуемых особенности их субъективного отражения. Сопоставление факторных моделей между собою также позволило верифицировать содержание отдельных факторов. В основном подтвердились реконструированное содержание факторов и адекватность их названий, в некоторые из них пришлось внести коррективы. По поводу особенностей субъективного представления об исследуемых объектах выяснилось, что в наибольшей степени оно структурировано относительно «напряжённой ситуации», меньше всего — относительно «опасной» ситуации.

4.4. Реконструкция семантического пространства нервно-психической устойчивости

После уточнения «типичных» способов субъективного отражения отдельных объектов и специфики содержания отдельных шкал, мы, на основе тех же данных, была построена общая для них факторная модель. Последовательно исключая шкалы без чётко выраженного вклада в какой-либо один фактор, была выделена модель из шестнадцати шкал семантического дифференциала, образующих пять факторов. Она объясняет 57,3 % общей дисперсии, что является хорошим показателем для модели из шестнадцати шкал и подтверждает общность семантического пространства этих понятий.

В первый фактор (13,2%) вошли характеристики *тяжелый* (нагрузка в этом факторе 0,724), *печальный* (0,707), *напряжённый* (0,673). Фактор назван по наиболее нагруженной шкале «*Тяжесть*». Отметим, что тяжесть эта прежде всего, психологическая, учитывая тесную связь с остальными шкалами.

Наиболее мощный (18,2%) третий фактор составили эпитеты *хаотичный* (0,677), *грязный* (0,674), *глупый* (0,654), *шершавый* (0,634), *противный* (0,694),

гнилой (0,585), *злой* (0,519). Большинство характеристик оценочные и так называемые негативные, а наибольшую нагрузку имеет хаотичность в противоположность упорядоченности. Поэтому фактор назван «**Негативная хаотичность**».

Третий фактор (10,8%) составили три критерия: *дешевый* (0,740), *маленький* (0,653), *тупой* (0,561). Здесь, в отличие от предыдущего фактора, все нагрузки отличаются друг от друга, что было учтено при определении названия. Из-за трудности подбора антонима без частицы не-, фактор был назван «Интенсивность» (эта факторная шкала – обратная).

Четвёртый фактор состоит только из одного критерия, *сухой* (0,931), но объясняет 6,9% общей дисперсии. Поэтому его нельзя игнорировать. Психологическое содержание можно воссоздать по непосредственным связям с другими шкалами. Положительны и достоверны они со шкалами *печальный* ($p=0,016$), *чужой* ($p=0,032$), и особенно сильная – со шкалой *твёрдый* ($p=0,002$). Обобщая, можно предположить, что речь идёт о зафиксированности «сухого» объекта, и невозможности взаимодействия с ним, хотя сам фактор независим от остальных.

Пятый фактор (8,3%) назван «**Сила**», так как включает в себя характеристики *сильный* (0,771) и *светлый* (0,523). Такое сочетание факторов не встречалось в отдельных моделях, поэтому необходимо уточнить его содержание. Поскольку отнесение «силы» к самой ситуации трудно представимо, можно предположить, что речь идёт о собственном состоянии в момент переживания такой ситуации. Это предположение подтверждается также корреляционными связями между факторами личностного дифференциала и теми факторами частных моделей, в которые входит шкала «Сильный – слабый».

Графически семантическое пространство представлено на диаграммах ниже, в которых в качестве осей координат – факторы, а оцениваемые объекты показаны в виде точек в системе этих координат. Поскольку факторов пять, представим их попарно. Сами координаты – средние по объектам значения так называемых Factor scores. Это специальные нелинейные измерения, имеющие смысл только для данной факторной модели, присваиваемых каждому испытуемому. При их автоматическом подсчёте учитываются нагрузки каждого критерия в каждом факторе, поэтому они не соответствуют обычной, арифметической сумме входящих в данный фактор значений по шкалам. Для правильного восприятия диаграмм важно подчеркнуть, что они построены в разном масштабе – так, чтобы размещение объектов было максимально компактным. Например, горизонтальная шкала в диаграмме «Тяжесть – Интенсивность» имеет размерность от -0,6 до 0,6, а в остальных двух – от -0,2 до 0,2. Поэтому для оценки семантических расстояний следует обращать внимание на градуировку осей.

На диаграмме, рис. 4.2., представлена часть семантического пространства, образуемого факторами «Негативная хаотичность» и «Сила», описывающих соответственно восемнадцать и восемь процентов общей дисперсии и 35 % дисперсии модели.

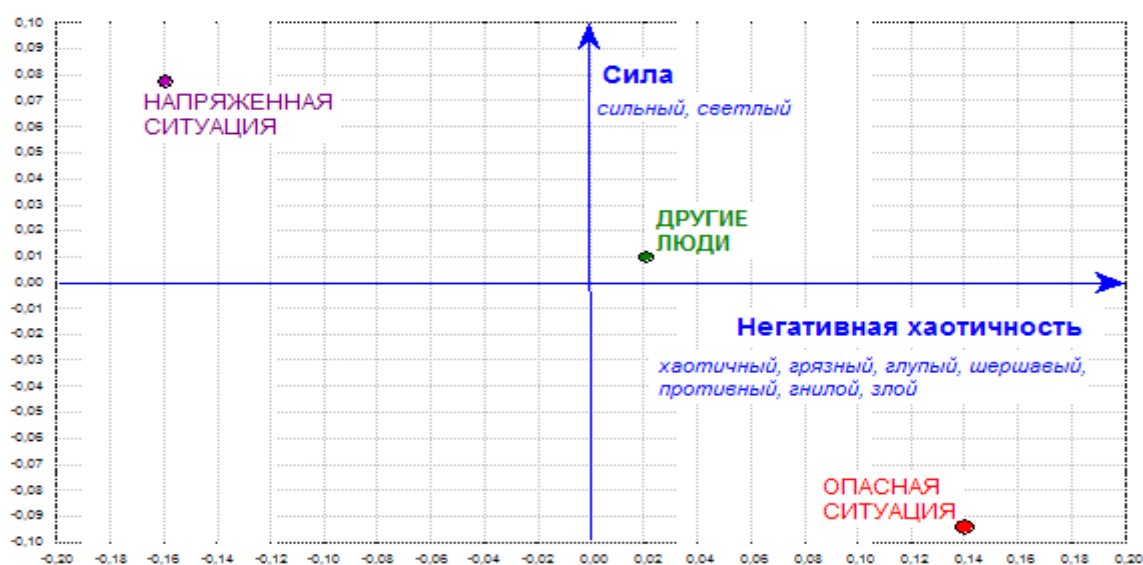

рис. 4.2 Семантическое пространство нервно-психической устойчивости, факторы 2 и 5

Под названиями осей-факторов подписаны те полюса шкал семантического дифференциала, которые определили его содержание. В данной диаграмме следует учитывать, что горизонтальная ось имеет вдвое большую размерность, чем вертикальная.

Из диаграммы следует, что объект «Другие люди» практически не имеет чётко выраженного значения в этой части семантического пространства, располагаясь близко к началу координат. В то же время весьма чётко поляризуются по обоим факторам «опасная» и «напряжённая» ситуации. При этом опасная ситуация выступает как «хаотичная», «противная» и «слабая». Очевидно, таким образом проявилось представление о собственном состоянии в опасной ситуации, которое можно, несколько метафорически, определить как «отвращение к хаотичности и собственной слабости». И наоборот, напряжённая ситуация, видимо, более приемлема как раз потому, что в ней сохраняется чувство собственной силы.

Аналогичным образом, на диаграмме, рис. 4.3., представлена часть пространства из двух других факторов, «Тяжесть» и «Интенсивность», которые вместе объясняют 24 % общей дисперсии и 43 % дисперсии этой модели.

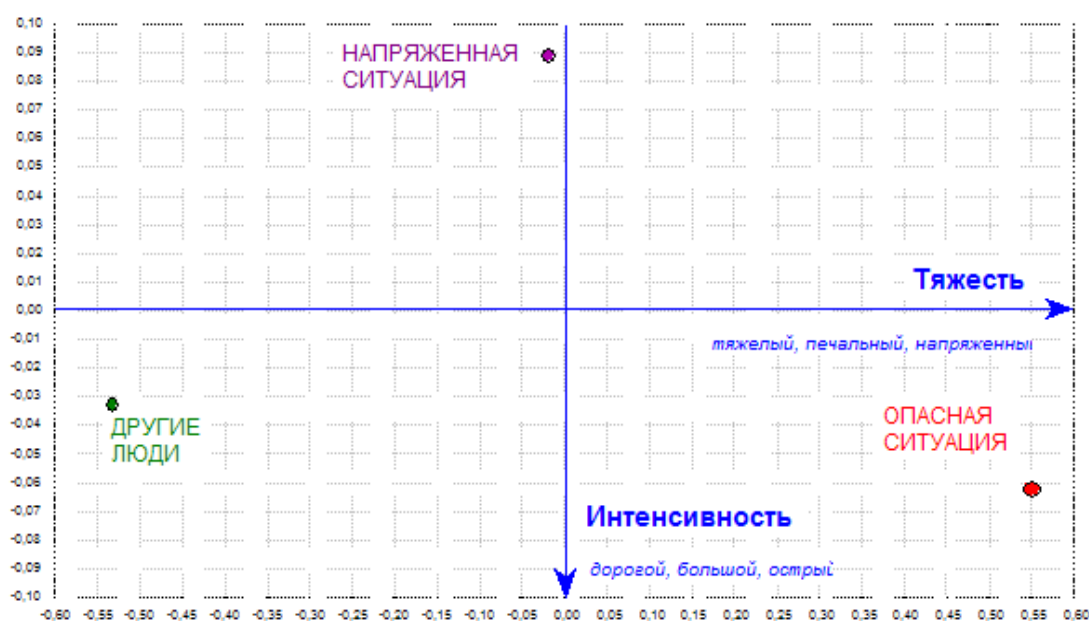

рис. 4.3 Семантическое пространство нервно-психической устойчивости, факторы 1 и 3

Ось фактора «Интенсивность» направлена вниз, так как отрицательные факторные координаты соответствуют левым полюсам шкал семантического дифференциала, которые представлены под названием фактора, и которые дали ему название.

В этой диаграмме, в частности, видно, что «напряжённая ситуация» нейтральна по «тяжести», и «неинтенсивна». В противоположность ей, «опасная ситуация» является и «тяжелой», и «интенсивной». Понятие «другие люди» в семантическом пространстве обладает умеренной интенсивностью и низкой тяжестью. Следовательно можно предположить, что большинство ситуаций, категоризируемых, в частности, как «опасная» или «напряжённая», связано с другими людьми, причём к «опасной» они имеют большее отношение.

На диаграмме, рис. 4.4., представлены наиболее мощный из факторов – «Негативная хаотичность», и состоящий из единственной шкалы фактор «Сухость». Вместе они объясняют 25 % общей дисперсии.

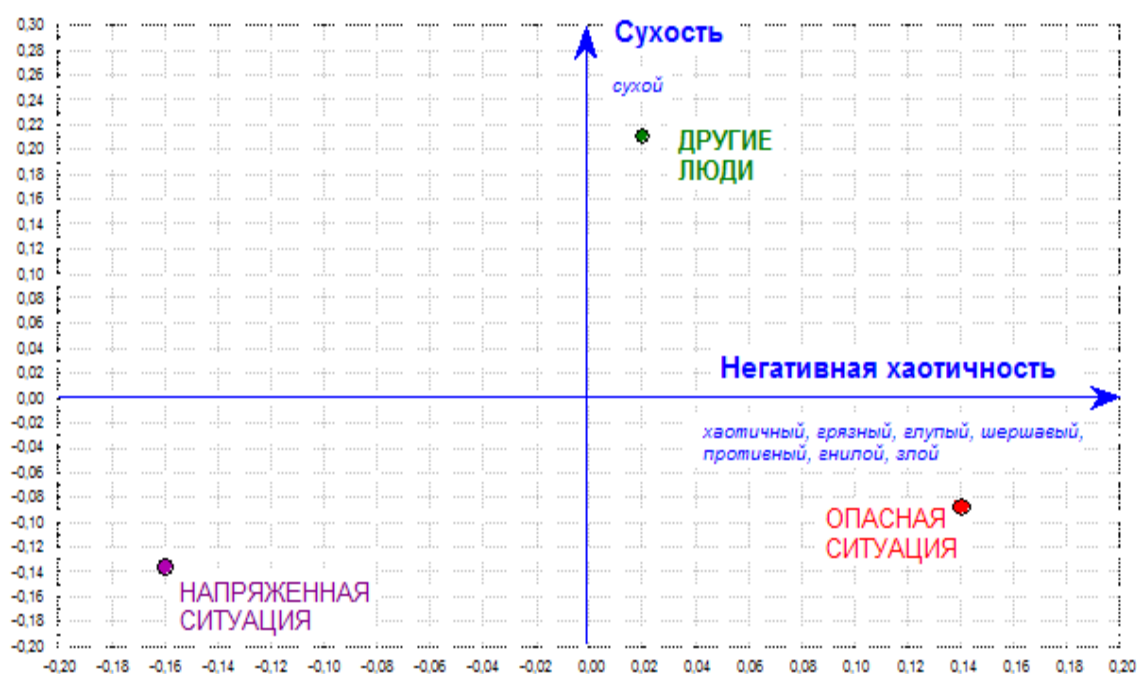

рис. 4.4. Семантическое пространство нервно-психической устойчивости, факторы 2 и 4

Взаимное положение объектов относительно фактора «Негативная хаотичность» уже рассматривалось, и их положение относительно «Сухости» позволяет объяснить содержание этого фактора. Наиболее «сухими» являются «другие люди», и этому понятию примерно в равной мере противоположны и «опасная», и «напряжённая» ситуации. Можно считать, что подтверждается наше предположение о том, что за понятием «сухость» стоит представление об изменяемости, которое вряд ли осознаётся испытуемыми. Интересным представляется и то, что если «другие люди» являются «сухими», то есть малоизменяемыми, то связанные с ними ситуации могут быть весьма подвижными. Поэтому встаёт вопрос о роли самого субъекта в этой динамичности. Думается, что оба рассматриваемых варианта ситуаций субъекта к этой динамичности вынуждают.

Обобщая отдельные попарные представления факторов, можно отметить, что наиболее чёткое значение, которое при описанных условиях выражается в максимальной удалённости от начала координат и от осей, имеет «Опасная ситуация». Её можно описать, как максимально «слабую» (здесь речь идёт о состоянии субъекта) и при этом «интенсивную», «негативно хаотичную» и умеренно «влажную». Отметим, что эпитеты «максимально», «умеренно» и «минимально» являются относительными, применимыми только к данной модели и рассматриваемым трём объектам. «Напряжённая ситуация» является в данном пространстве наиболее «сильной», «влажной», наименее «хаотичной» и «интенсивной». Что касается «тяжести», то она близка к нулю. Объект «Другие люди» является в нашей модели наиболее «тяжёлым» и «сухим», умеренно «интенсивным» и минимально «сильным» и «хаотичным».

Таким образом, «напряжённая» и «опасная» ситуации противоположны по всем факторам, и близки по «влажности». Такая чёткая противоположность даёт основания в качестве критерия нервно-психической устойчивости предложить субъективную категоризацию воспринимаемой ситуации либо как

опасной (индикатор низкой нервно-психической устойчивости), либо как «напряжённой» (признак высокой нервно-психической устойчивости).

4.5. Разработка первичной формы опросника Прогноз-3

Основываясь на выводе из предыдущего подраздела, в качестве принципа формулировки заданий было использовано положение о том, что они являются моделью ситуаций, подлежащих категоризации как «напряжённая» либо «субъективная». На этом принципе основан один из блоков теста, который условно обозначен как «блок категоризации».

Также основываясь на результатах реконструкции семантического пространства, ещё один блок был обозначен как «семантический». Принцип формулировки заданий этого блока состоит в том, что в них прямо или опосредствовано включаются слова, являющиеся названиями шкал, входящих в наиболее мощные факторы семантического пространства и обладающие наибольшей дифференцирующей силой. Благодаря реконструкции можно довольно чётко представить значения ответов относительно полюсов определённых факторов и, соответственно, отнесения субъекта к ним (ниже будут достаточно подробные пояснения по заданиям этого блока).

Были сохранены, несколько переформулированные, 10 заданий из Прогноза-2 – те, которые имели удовлетворительные психометрические показатели, и которые по своему содержанию в наибольшей степени согласовывались с анализом понятия нервно-психической устойчивости. Считая, что они с высокой степенью вероятности измеряют нервно-психическую устойчивость, их использование осуществлялось в качестве дополнительного средства проверки валидности остальных заданий.

Для большей дифференцированности было решено ввести трихотомическую форму заданий-утверждений, оговорив в инструкции то, что пользоваться промежуточными ответами следует минимально.

Далее будут приведены примеры формулировок заданий, наиболее показательных в качестве иллюстрации указанных принципов.

В «семантическом» блоке ключевые ответы подбирались таким образом, чтобы большим баллом соответствовала большая нервно-психическая устойчивость, в отличие от Прогноза-2, где обе шкалы были обратными.

Своеобразными индикаторами в заданиях этого блока были пары полюсов шкал, по которым обнаружились наибольшие различия между «опасной» и «напряжённой» ситуациями. Так, например, в шкале «Легкий – Тяжелый», напряжённой ситуации соответствует левый, полюс, «лёгкий». Ему соответствует утверждение *«Обычно сдавать экзамены мне легко»*. Ключевой ответ – «да», так как он указывает на характеристику, более свойственную напряжённой ситуации, чем опасной. А такая категоризация, как было определено, соответствует большей нервно-психической устойчивости.

По шкале-индикатору «Слабый - Сильный» сформулировано задание *«Рядом с сильными людьми спокойнее»*. Ключевой ответ «да» указывает на полюс «напряжённой» ситуации, несогласие с утверждением трактуется как категоризация ситуации скорее как «опасной». Прямое различие между ситуациями по этой шкале незначимо, однако это задание было включено в первичную форму потому, что в семантическом пространстве по фактору «сила» ситуации противоположны. В этой связи необходимо было установить, окажется ли данное задание приемлемым по психометрическим показателям, и если это так, то оно войдёт в исправленную форму. Если же нет, то такое задание просто отсеется, зато можно будет уточнить принципы создания утверждений теста. Что касается именно этого задания, так и оказалось, что дало нам возможность быть более свободными в формулировках и создавать их не только на основе тех шкал, что обнаружили достоверно прямое различие, но дифференцирующих ситуации в самой факторной модели семантического пространства.

К шкале-индикатору «Плохой – Хороший», где правый полюс соответствует напряжённой ситуации, а левый – опасной, сформулировано два

задания, с ключевым ответом «да» *«В жизни хорошего больше, чем плохого»*, и *«Плохих людей в мире больше, чем хороших»* с ключевым ответом «нет». В этих заданиях выбор осуществляется между словами «хорошо» и «плохо» при достаточной неопределённости самого контекста.

Утверждение *«Меня привлекают большие дела»* основано на достоверно большей близости оценок «напряжённой» ситуации к полюсу «Большой» в шкале «Большой- Маленький». Ключевой ответ «да».

В шкале «Противный – Приятный» оценки «напряжённой» ситуации ближе к правому полюсу, а «опасной» - к левому (противный). Поэтому в соответствующем данному индикатору утверждении *«Большинство моих знакомых – приятные люди»* ключевой ответ «да».

В шкале семантического дифференциала «Хаотичный – Упорядоченный» средние прямые оценки «опасной» ситуации достоверно ближе к левому полюсу шкалы, чем «напряжённой», хотя обе среднегрупповых оценки больше + 1. Однако фактор «Негативная хаотичность», в котором эта шкала имеет наиболее сильную нагрузку, поляризует эти ситуации очень чётко. На основе этого индикатора сформулировано три задания. Утверждение *«Беспорядок меня настолько раздражает, что обычно я сразу начинаю его убирать»* предполагает низкий порог раздражения беспорядком, если даётся ключевой утвердительный ответ. Утверждение *«Иногда я записываю, что и когда надо сделать»* тоже подразумевает стремление к упорядоченности. Точнее, в этих двух утверждениях речь идёт об активном стремлении к упорядочиванию, которое, если достаточно выражено, должно проявляться и в стремлении «упорядочить» в своей ментальной репрезентации потенциально опасную ситуацию, чтобы превратить её в просто «напряжённую». В обоих этих заданиях ключевой ответ «да». В отличие от них, в ещё одном утверждении *«Я предпочту встать в более длинную, но аккуратную очередь, чем в такую, где не поймёшь, кто крайний»* момент субъектной активности менее выражен, но всё равно, как известно, сам акт выбора тоже является активным, поэтому ключевой ответ «да».

В следующих индикаторах и заданиях на их основе достаточно непосредственно используются «синестетические» шкалы, также как и в большинстве всех заданий, включённые в контекст межличностного взаимодействия, который в ходе теоретического анализа был определён как ведущий в феномене нервно-психической устойчивости.

Например, в шкале «Гладкий – Шершавый» «напряжённая» ситуация соответствует полюсу «гладкий», а «опасная ситуация» более «шершава». Этому индикатору соответствует утверждение *«Обычно со старшими у меня всё гладко»*, в котором ключевой ответ «да». Сама ситуация взаимодействия со старшими потенциально конфликтна, но формулировка достаточно абстрактна, чтобы надеяться, что на выбор в большей степени повлияет коннотация самих этих слов.

По аналогичному принципу сформулированы такие задания, как *«Мне больше нравятся твёрдые люди, чем мягкие»*, *«Когда что-то происходит слишком быстро, мне это не нравится»*, *«Политика – очень грязное дело»*, *«Там, где я живу, обязательно должно быть чисто»*, *«Грязный пол меня раздражает»* и подобные им.

Другой блок утверждений, «категориальные», основываются, в отличие от заданий предыдущего блока тем, что, во-первых, они более косвенные, а во-вторых, базируется на реконструкции всего семантического пространства нервно-психической устойчивости, то есть, на более целостном представлении. Благодаря этому уже нет такого чёткого соответствия заданий определённым индикаторам, как в предыдущем блоке. Скорее, в каждом задании несколько индикаторов интегрируются. Далее приведём несколько примеров таких заданий с пояснениями.

В срочных делах важнее быстрота, чем качество выполнения. Здесь отражено наше представление о том, что качественное выполнение дела предполагает его большее структурирование субъектом. Очевидно, что здесь ключевой ответ «нет»

На сборном пункте всё чётко и упорядоченно. Здесь испытуемым предлагается реальная, конкретная, более того, актуальная ситуация. Поскольку в обстановке сборного пункта есть элементы и беспорядка (его обычно и вносят плохо знающие правила призывники), и порядка. Предполагается, что замечать тот или другой аспект ситуации испытуемые будут в зависимости от индивидуально-психологических свойств, а именно – нервно-психической устойчивости, связь которой со структурированием ситуации была неоднократно показана выше.

Утверждения *«Мне нравятся непредсказуемые девушки», «Первое свидание с девушкой интереснее, чем третье»* хотя слов с корнем «порядок» в них нет, имеют отношение к тому же индикатору. Предполагается что некоторая неопределённость вызывает то самое стремление к структурированию, которое может проявиться в ключевом ответе «да». Судя по тому, что оба утверждения вошли в исправленную форму опросника, такое предположение можно считать правомерным.

Блок заданий, оставленных из Прогноза-2, был скорректирован. Приведём несколько примеров переформулирования старых утверждений, которые показали приемлемые, но близкие к критическим психометрические параметры.

Часто я перехожу на другую сторону улицы, во избежание встречи с человеком, которого не хочу видеть. При психометрической проверке Прогноза-2 испытуемые в 84,2 процентах случаев отвечали отрицательно. Это произошло потому, что утверждение, на наш взгляд, слишком конкретно: переход на другую сторону улицы – лишь один из вариантов избегания встречи. Поэтому было решено расширить диапазон вариантов: *Некоторых людей я настолько не хочу видеть, что не хожу туда, где они бывают.*

В течение жизни у меня несколько раз менялось отношение к моей профессии. 74,2 % испытуемых ответили отрицательно. Это утверждение просто не учитывает возраст испытуемых: в восемнадцать-девятнадцать лет стаж работы даже по одной профессии невелик, не говоря уж о переменах.

Новая формулировка *«Про некоторых людей моё мнение успело несколько раз поменяться за время знакомства»*, представляется более подходящей.

Наконец, утверждение *«Я часто работал под началом людей, которые умели повернуть дело так, что все достижения в работе приписывались им, а виновными в ошибках оказывались другие»* просто слишком громоздко и ускользает от понимания испытуемых, поэтому, видимо, 85 % из них ответили отрицательно. В результате оно было упрощено: *«Мне встречались такие люди, которые успехи выставляли как свои, а в неудачах обвиняли других»*.

Подобным образом переформулированы другие задания, которые приводились в большее соответствие с общепринятыми правилами формулирования заданий психодиагностического теста [25], ориентируясь при этом на распределение ответов.

Формулировки «Шкалы лжи» были оставлены практически без содержательных изменений, только немного «смягчены» ради большей дискриминативности. Представляется, что приведённых примеров достаточно для иллюстрации принципов формулировки заданий нашего теста.

Всего в первичную форму Прогноза-3 вошло 69 заданий, 9 по шкале лжи, и 60 по шкале нервно-психической устойчивости.

4.6. Проверка первичной формы Прогноза-3

Первичная форма была проведена на 138-ми призывниках, после отбраковки по описанным выше признакам осталось 122 бланка, которые и были проанализированы.

Чтобы иметь возможность проиллюстрировать диагностические особенности заданий, результаты этого анализа в приведены в таблицах, где также показаны связи по коэффициенту линейной корреляции Пирсона заданий не только с общим итоговым баллом «своей» шкалы, но и с другой шкалой, а также с отдельными «блоками». В целях компактности не

приводятся формулировки заданий, а только их номера. 19 заданий с недостаточной дискриминативностью также не приводятся.

В табл. 4.3. представлены результаты психометрической проверки «шкалы лжи».

Таблица 4.3.

Психометрические показатели заданий шкалы лжи первичной формы опросника
Прогноз-3

№ задан ия	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	Лж и	«стары е» задания	«категори- альный» блок	«семанти- ческий» блок	Нервно- психической устойчивости
Z 21	,69 *	-,09	-,18	-,39 *	-,36 *
Z 28	,47 *	-,25 *	-,22 *	-,24 *	-,34 *
Z 30	,68 *	-,22 *	-,23 *	-,23 *	-,33 *
Z 32	,61 *	-,01	,00	-,14	-,09
Z 35	,70 *	-,08	-,29 *	-,19	-,28 *
Z 37	,66 *	-,15	-,36 *	-,16	-,31 *
Z 40	,77 *	-,13	-,28 *	-,26 *	-,34 *
Z 43	,68 *	-,17	-,12	-,18	-,23 *
Z 45	,46 *	-,02	-,00	-,02	-,02

Примечание: нули перед запятой не показаны. Звёздочкой (*) помечены достоверные корреляционные связи

Как видно из таблицы, у всех заданий корреляция со своей шкалой намного больше, чем с какой-либо другой шкалой или блоком. Общая надёжность по однородности (коэффициент α Кронбаха) шкалы лжи составил 0,815, что более чем приемлемо.

Аналогичным образом в табл. 4.4. представлены результаты по «старым» заданиям.

Таблица 4.4.

Психометрические показатели блока «старых» заданий шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника Прогноз-3

Коэффициенты корреляции со шкалами:					
№ задан ия	Лжи	«старые » задания	«категори- альный» блок	«семанти- ческий» блок	Нервно- психической устойчивости
Z 46	,06	,26 *	-,04	-,01	,08
Z 48	,08	,09	-,11	-,06	-,05
Z 52	-,12	,38 *	,23 *	-,04	,22 *
Z 54	-,15	,34 *	,26 *	,32 *	,44 *
Z 57	-,21 *	,49 *	,21 *	-,06	,23 *
Z 59	,20 *	,17	-,02	-,09	-,00
Z 61	-,18	,43 *	,07	,24 *	,35 *
Z 63	-,29 *	,55 *	,22 *	,08	,36 *
Z 66	,04	,30 *	-,05	,04	,12
Z 68	-,13	,35 *	,04	,09	,21 *

В этой таблице, как и в последующих, красным цветом обозначены строки, соответствующие тем заданиям, показатели которых не удовлетворительны. Так, среди «старых» заданий такое одно - № 46, которое имеет достоверную корреляционную связь с другими заданиями своего блока, но близкую к нулю корреляцию с общим итоговым баллом шкалы нервно-психической устойчивости, в которую входит. Очевидно, так сказалось влияние других заданий, которое, разумеется, было разным в Прогнозе-2 и Прогнозе-3, поэтому задание было исключено из исправленной формы опросника.

Что касается остальных заданий, некоторые из них достоверно коррелируют со шкалой «лжи», но эти коэффициенты гораздо меньше, чем со «своей» шкалой.

Следующий блок заданий, который условно назван «категориальным», представлен в табл. 4.5.

Таблица 4.5.

Психометрические показатели блока «категориальных» заданий шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника Прогноз-3

Коэффициенты корреляции со шкалами:	
-------------------------------------	--

№ задания	Лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	Нервно-психической устойчивости
Z 5	,28 *	,19	,41 *	,19	,32 *
Z 7	-,21 *	-,27 *	,27 *	,17	,09
Z 8	,02	,16	,32 *	,23 *	,31 *
Z 14	,18	,02	,35 *	,06	,16
Z 16	,29 *	,15	,45 *	,33 *	,41 *
Z 19	-,05	,30 *	,38 *	,27 *	,40 *
Z 29	,16	,27 *	,43 *	,28 *	,41 *
Z 36	,20	-,12	,02	,01	-,03
Z 38	,11	,06	,51 *	,24 *	,34 *
Z 62	-,04	,12	,28 *	,02	,15
Z 69	-,18	-,01	,17	-,10	-,01

Здесь неприемлемых по однородности заданий больше. Например, задания № 7 и № 62 не связаны достоверно с итоговым баллом своей шкалы, а задания № 36 и № 69, помимо этого, не связаны достоверно даже с другими заданиями своего блока. Эти задания пришлось также исключить из исправленной формы опросника. При их содержательном анализе выяснилось, что наиболее вероятная причина этого – «фоновое» воздействие других заданий, которое актуализирует не те контексты, которые имелись ввиду, когда эти задания формулировались отдельно от остальных.

Наконец, в таблице 4.6. показаны корреляционные связи заданий того блока, который мы обозначили как «Психосемантический».

Таблица 4.6

Психометрические показатели блока «психосемантических» заданий шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника Прогноз-3

Коэффициенты корреляции со шкалами:					
№ задания	Лж и	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	Нервно-психической устойчивости
Z 2	-,13	,04	,03	,20 *	,15
Z 4	,07	-,04	,19	,37 *	,27 *
Z 9	,07	,12	,14	,18	,20
Z 11	,13	,07	,14	,37 *	,30 *

Z 15	,06	,01	,22 *	,42 *	,33 *
Z 17	,08	-,03	,09	,22 *	,15
Z 18	,28 *	,23 *	,29 *	,41 *	,43 *
Z 20	,14	,26 *	,16	,45 *	,42 *
Z 24	-,02	,15	,08	,31 *	,27 *
Z 25	,17	,34 *	,09	,14	,24 *
Z 31	-,08	-,01	-,07	,16	,07
Z 33	,23 *	,17	,18	,35 *	,33 *
Z 49	-,11	,09	,15	,24 *	,23 *
Z 50	,25 *	,17	,25 *	,47 *	,43 *
Z 51	,01	-,02	,07	,25 *	,17
Z 53	,04	,16	,29 *	,46 *	,44 *
Z 55	,02	,01	,14	,31 *	,24 *
Z 56	,29 *	-,03	,29 *	,53 *	,41 *
Z 60	,27 *	,23 *	,07	,34 *	,32 *
Z 67	,05	,12	,20 *	,36 *	,33 *

Здесь неприемлемыми по однородности оказались шесть из двадцати заданий. Причём задание № 55 имеет достоверный коэффициент корреляции с итоговым баллом, но он меньше, чем все остальные.

Общая однородность шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме по α -Кронбаха составила 0,568, что ниже принятой нормы 0,7. После отбрасывания недискриминативных заданий, а также тех, причины исключения которых представлены в данном подразделе, индекс однородности составил 0,742. Однако этот показатель не может служить признаком достаточной надёжности, так как он не учитывает взаимное влияние заданий в изменившейся после отсева структуре опросника. Поэтому исправленная форма проверялась ещё раз.

4.7. Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника Прогноз-3

Исправленная форма опросника, состоящая из 40 заданий, была проведена на 115 призывниках, которые ещё не тестировались. Условия работы на сборном пункте, аналогичны тем, которые описывались выше.

Все задания исправленной формы опросника показали достаточную дискриминативность: по ключевым и неключевым ответам ни одно задание не имеет менее 30 % одного из вариантов. Характерно, что промежуточный ответ выбирался по большинству заданий от 1 до 3 процентами испытуемых, по нескольким – до 7 %, заданий, в которых промежуточный ответ выбирался бы более, чем семью процентами испытуемых, нет. Это можно считать достоинством теста, так как означает, что испытуемые редко не могли выбрать между ключевым и неключевым ответом.

Все задания теста имеют корреляцию с итоговым баллом своей шкалы достоверную на уровне $p < 0,01$, почти половина – на уровне $p < 0,005$. Общая однородность шкалы лжи по α Кронбаха составила 0,812, шкалы нервно-психической устойчивости – 0,793.

В табл. 4.7. представлены результаты проверки валидности в виде корреляционных связей с проверочными методиками – Шкалой эмоциональной возбудимости, и показателем тревоги в тесте М. Люшера.

Таблица 4.7.

Результаты проверки валидности исправленной формы опросника «Прогноз-3»

Шкалы и блоки Прогноза-3:	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	Лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	Нервно-психической устойчивости
«старые» задания	-,3008*	1,0000	,2721*	,2663*	,6211*
	p=,002*	p= ---	p=,006*	p=,008*	p=,000*
«категориальные»	-,2211*	,2721*	1,0000	,4862*	,7270*
	p=,028*	p=,006*	p= ---	p=,000*	p=,000*
«психосемантические»	-,1517	,2663*	,4862*	1,0000	,8695*
	p=,176	p=,008*	p=,000*	p= ---	p=0,00*
Шкалы:					
Нервно-психической устойчивости	-,3382*	,6211*	,7270*	,8695*	1,0000
	p=,001*	p=,000*	p=,000*	p=0,00*	p= ---
ШЭВ	,124	,7110*	,7123*	,7958*	,7844*
	p=,156	p=,000*	p=,000*	p=0,00*	p=,000*

Показатель	,0218	,2663*	,3282*	,3134*	,4862*
тревоги по Люшеру	p=,698	p=,008*	p=,004*	p=,005*	p=,000*

Примечания: ШЭВ – шкала эмоциональной возбудимости, () помечены достоверные корреляционные связи*

Как видно из этой таблицы, все отдельные блоки достоверно коррелируют друг с другом, то есть все они измеряют одно и то же. Это было подтверждено и показателями однородности. Характерно, что семантический блок не имеет, в отличие от остальных шкал, достоверной связи со шкалой лжи. Это может означать, что его задания измеряют тот аспект нервно-психической устойчивости, который не связан со шкалой лжи. Скорее всего, это произошло из-за неочевидности значений ответов для наших испытуемых.

Корреляционные связи со Шкалой эмоциональной возбудимости (нейротизмом) и показателем тревоги по тесту М. Люшера так же подтверждают валидность всей шкалы нервно-психической устойчивости, и даже с отдельными блоками, которые можно было бы считать отдельными подшкалами.

Вместе с тем, проведенная разработка и валидизация опросника выявила ряд проблем, которые требуют своего решения на перспективу. Они отражены в выводах по исследованию.

Выводы по четвертому разделу:

1. В ходе психометрической проверки опросника «Прогноз-2» обнаружено, что он не обладает достаточной дискриминативностью, а высокая однородность его заданий обусловлена очевидностью значений ответов. Этот вывод, помимо результатов психометрической проверки, основан на результатах содержательного анализа заданий.

2. Выполненный теоретический анализ понятия нервно-психической устойчивости позволил уточнить данное понятие как специфическое сочетание нейротизма и способности к саморегуляции. Это, в свою очередь, дало

возможность подобрать наиболее адекватные для проверки валидности психодиагностические тесты (ШЭВ и тест М. Люшера), а также выделить объекты для реконструкции его семантического пространства.

3. Методологический анализ психосемантических средств и его сопоставление с задачами работы дал возможность подобрать конкретные методики для сбора информации о семантическом пространстве нервно-психической устойчивости и разработать процедуру его исследования в нашей работе.

4. Адекватность реконструкции семантического пространства на промежуточном этапе подтвердилась достоверными на высоком уровне значимости различиями по шкалам семантического дифференциала при оценке разных объектов как опорных понятий.

5. Создание отдельных факторных моделей позволило уточнить типичные субъективные способы отражения объектов «Напряженная ситуация», «Опасная ситуация» и «Другие люди».

6. Реконструированное семантическое пространство понятия нервно-психической устойчивости дало возможность скорректировать часть заданий из оригинального опросника и сформулировать новые, основанные на выявленных глубинных семантических связях.

7. Психометрическая проверка уже первичной формы разрабатываемого опросника показала его высокие характеристики, а окончательная проверка подтвердила основную гипотезу исследования.

8. В разработанном опроснике именно «психосемантические» задания, оказались наименее связанными со шкалой лжи из-за неочевидности значения ответов.

9. Корреляционные связи разработанного опросника с показателем тревоги по тесту цветового выбора (определённым невербально), выявили, что «психосемантические» вопросы имеют скорее предметное, нежели оценочное содержание.

10. Вышеуказанные результаты, в частности, подтвердили адекватность применения и организации работы экспертной группы, поэтому данный метод можно рекомендовать для решения задач, подобных поставленным в нашем исследовании.

11. Вместе с тем создание опросника по новой технологии выявило ряд проблем, одновременно обозначающих перспективные направления дальнейшей работы:

- применение универсального семантического дифференциала с избыточным набором шкал может приводить к расхождению факторных моделей с реальным психологическим содержанием измеряемого свойства, поэтому еще более адекватным может являться создание специальных семантических дифференциалов;

- однородность заданий «психосемантического» блока является приемлемой, но не полной, что может указывать на возможность выделения подшкал и создание более дифференцированного психодиагностического инструмента;

- эмпирически полученная факторная структура семантического пространства не полностью совпадает с теоретическими представлениями о нервно-психической устойчивости, что требует разработки специальных принципов теоретического анализа;

- при этом возможно расширение содержания измерительного конструкта, поэтому одной из позиций создания основы «психосемантических» опросников должен быть ограничительный принцип.

- представляется, что вышеуказанные проблемы могут быть решены в русле системного подхода, для чего необходима дальнейшая разработка применения принципов системно-психологического анализа в области психосемантики.

12. Таким образом, можно считать выполненными поставленные в исследовании задачи, а намеченные в подразделе 3.1 этапы – выполненными.

ВЫВОДЫ

1. Теоретический анализ основных подходов к изучению значения показал, что современное состояние психодиагностики характеризуется некоторым опережением теоретических разработок эмпирическими, поэтому актуальным является поиск новых путей решения проблемы адекватного определения измерительного конструкта.

2. Методологический анализ типичной технологии разработки психодиагностических опросников показывает, что представление о «измеренной индивидуальности» в них определяется, преимущественно, субъективной системой значений разработчиков. Она носит научно-теоретический характер, и недостаточно совпадает с системой значений потенциальных испытуемых, поскольку одни и те же понятия включаются в разные контексты. Процедура же психометрической проверки и проверки валидности в русле традиционного подхода не позволяет обнаружить степень их совпадения, которое ставит вопрос о возможностях совершенствования этого этапа.

3. Методологический анализ позволил также выбрать оптимальный метод изучения значения измерительного конструкту путем реконструкции его семантического пространства, которое было реализовано как составная часть процедуры разработки «психосемантического» опросника.

4. Результаты проверки психометрических показателей и валидности опросника, который был разработан на основе реконструкции семантического пространства измерительного конструкту, подтвердили предположение о том, что опросник, при создании которого была использована реконструкция семантического пространства, будет иметь лучшие психометрические показатели (дискриминативность, однородность, ретестовую надежность) и валидность, чем «традиционный» опросник, который измеряет тот же конструкт, но созданный без специального анализа значений, то есть основная гипотеза исследования подтверждена.

5. Выполнен теоретический анализ понятия нервно-психической стойкости позволил уточнить данное понятие как специфическое сочетание нейротизму и способности к саморегуляции. Это, в свою очередь, дало возможность подобрать наиболее адекватные для проверки валидности психодиагностические тесты – Шкалу эмоциональной возбудимости и цветной тест М. Люшера, а также выделить объекты-понятие для реконструкции его семантического пространства.

6. Создание факторных моделей для отдельных понятий позволило уточнить типичные субъективные способы отображения объектов «Напряжена ситуация», «Опасная ситуация» и «Другие люди», и глубинные связи в их психологическом содержании. Поэтому данный этап следует признать необходимым в предложенной технологии разработки опросников.

7. Выявлено, что именно «психосемантические» задания имеют большую неочевидность значения ответов. Кроме того, корреляционные связи шкал опросника с показателем тревоги за невербальным тестом цветового выбора, доказывают, что «психосемантические» вопросы имеют быстрее наглядный, чем оценочное содержание. Это указывает не просто на высшее соответствие «психосемантического» опросника психометрическим нормам, а на качественно новый уровень измерения психической реальности.

8. Применение универсального семантического дифференциала с избыточным набором шкал может приводить к разногласию моделей факторов с реальным психологическим содержанием измеряемого свойства. Эмпирически получена структура фактора семантического пространства не полностью совпадает с теоретическими представлениями о нервно-психической стойкости и имеет тенденцию к расширению своего психологического содержания.

9. Методика создания специальной экспертной группы, которая апробирована в нашем исследовании, предоставляет широкие перспективы. Прежде всего, для преодоления неминуемой субъективности разработчика,

которая может искажать модель измерительного конструкту и в «психосемантическом» подходе.

10. Проведенное исследование дает возможность наметить перспективные направления в последующей разработке «психосемантического» подхода к разработке опросников:

- Создание дополнительных методов для более целеустремленного описания семантического пространства измерительного конструкта. В основе таких методов могут лежать специальные семантические дифференциалы, полученные с помощью «сбора лексики», ассоциативного эксперимента, техники репертуарных гратов и других процедур исследования значений.

- Разработка специальных принципов теоретического и методологического анализа, прежде всего, направленных на избежание избыточного расширения психологического содержания измерительного конструкту.

- Совершенствование социально психологических технологий групповой работы экспертов, поскольку уровень сложности переработки информации в предложенном подходе весьма высок, поэтому она требует специальной подготовки в отрасли психосемантики. Если такие технологии будут созданы, «психосемантический» подход станет доступным более широкому кругу разработчиков психодиагностических методик.

- Последующая разработка применения принципов системно психологического анализа в отрасли психосемантики, то есть специальные исследования на в-методологическом уровне. Результаты таких исследований могут стать надежной основой для более конкретных вопросов разработки нового поколения психодиагностических методик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Проблемы исследования индивидуального сознания / К. А. Абульханова, М. И. Володи́кова, В. А. Елисеев // Психологический журнал. — 1991. — № 4.
2. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания / А. Ю. Агафонов. — СПб. : Речь, 2003. — 296 с.
3. Агафонов А.Ю. Будущее психологии сознания: ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всероссийского съезда психологов: в 8 т. / А. Ю. Агафонов (изд-во С.-Петербургского университета). — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 24-27.
4. Анастаси А. Психологическое тестирование / А. Анастаси. — М., 1982. — 656 с.
5. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М., 1998.
6. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности / П. К. Анохин// Вопросы философии. — 1962. — № 7.
7. Ануфриев А. Ф. Психодиагностика как деятельность и научная дисциплина / А. Ф. Ануфриев // Вопросы психологии. — 1994. — №2. — С.123—132.
8. Анциферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л. И. Анциферова // Психологический журнал.—1993.—№ 2.
9. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян.— М., 1974.
- 10.Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики.—М., 1963.—С. 14—25.
- 11.Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева.—М., 1980.
- 12.Артемьева Е. Ю. Семантические измерения как модели / Е. Ю. Артемьева // Вестник Московского университета (Сер. 14. Психология).—1991.—№ 1.—С. 61-72.

13. Артемьева Е. Ю. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи: межвузовский тематический сборник / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // («Мышление. Общение. Опыт». — Издательство ЯрГУ). — Ярославль, 1983. — С.56—59.
14. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М., 1961. — 218 с.
15. Билибин А. Ф. О клиническом мышлении / А. Ф. Билибин, А. Ф. Царегородцев.—М., 1973. — 196 с.
16. Бодалев А. А. Исследование гностических характеристик общения в зарубежной психологии / А. А. Бодалев // Зарубежные исследования по психологии познания.—М., 1977.
17. Бодалев А. А. Личность и общение /А. А. Бодалев.—М., 1983.
18. Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как о личности / А. А. Бодалев.—Л., 1970.
19. Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставлений / А. А. Брудный // Семантическая структура слова.—М., 1971.
20. Брудный Л. А. К проблеме семантических состояний / Л. А. Брудный // Сознание и действительность.—Фрунзе, 1964.
21. Брунер Дж. Процесс обучения / Дж. Брунер.—М., 1962. — 388 с.
22. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер.—М., 1977. — 425 с.
23. Брутян Г. А. О гипотезе Сэпира-Уорф. / Г. А. Брутян // Вопросы философии.—1969.
24. Бурлачук Л.Ф. К построению модели «измеренной индивидуальности» в психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова // Вопросы психологии. — 1994.—№5.—С. 5 — 11.
25. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов.—СПб, 1999. — 528 с.
26. Бурлачук Л.Ф. О дилетантстве в психологической диагностике /Л. Ф. Бурлачук // Вопросы психологии. — 1993.—№5.—С. 116.
27. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: Типологический анализ критических ситуаций / Ф. Е. Василюк // Психологический

- журнал.—1995.—№ 3.
28. Величковский Б. М. Психология восприятия / Б. М. Величковский, В. П. Зинченко, А. Р. Лурия.—М., 1975. — 390 с.
 29. Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства / Б. М. Величковский, И. В. Блинникова, Е. А. Лапин // Вопросы психологии.—1986.—№ 3.
 30. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас.— М., 1976.
 31. Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В. В. Виноградов // Мысли о современном русском языке.—М., 1969.—С. 25—33.
 32. Войтко В. И., Гильбух Ю. З. О некоторых основных понятиях психодиагностики / В. И. Войтко, Ю. З. Гильбух // Вопр. психол.—1976.—№ 4.—С. 16—31.
 33. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский.—М., 1956.
 34. Выготский Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собрание сочинений.—М., 1983. — Т. 3.
 35. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский.—М.; Л., 1934.
 36. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. — М., 1960.
 37. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. — М., 1992-1994. Т. 3.
 38. Гадамер Х. Г. Истина и метод / Х. Г. Гадамер.—М., 1988.
 39. Гайда В. К. Психологическое тестирование / В. К. Гайда, В. П. Захаров. — Л., 1982. — 101 с.
 40. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики.—М., 1973.—С. 18—32.
 41. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1972.

42. Ганзен В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен.—Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 176 с.
43. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Исследование мышления в психологии.—М., 1966.
44. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П. Я. Гальперин // Вопросы философии.—1977.—№ 4.—С. 55—62.
45. Гамезо М. В. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем / М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин // Психологические проблемы переработки знаковой информации.—М., 1977.
46. Гибсон Дж. Психологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон.—М., 1988. — 232 с.
47. Гильбух Ю. З. Психодиагностическая функция учителя: пути реализации / Ю. З. Гильбух // Вопр. психол.—1989.—№ 3.—С. 80—88.
48. Гинзбург Е. Л. Проблема значения слова / Е. Л. Гинзбург // Иностранные языки в школе.—1969.—№ 4.—С. 29—39.
49. Голдберг Л. Р. Межкультурное исследование лексики личностных черт: «большая пятерка» факторов в английском и русском языках / Л. Р. Голдберг, А. Г. Шмелев // Психологический журнал. — 1993. — № 4.
50. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. — М., 1969. — 218 с.
51. Грегори Р. Глаз и мозг / Р. Грегори.—М., 1970.
52. Губарев В. Ы. К проблеме семантики устойчивых словесных комплексов как словесных знаков и косвенной номинации / В. Ы. Губарев // Семантическая структура слова и фразеологизма.—Рязань, 1980.
53. Гулыга Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шельдельс // Принципы и методы семантических исследований.—М., 1976.
54. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 1984.

55. Гуревич И. И. Какие вероятности «работают» в психологии / И. И. Гуревич, И. М. Фейгенберг // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека.—М., 1977. — 263 с.
56. Гуревич К. М. Современная психологическая диагностика: пути реализации / К. М. Гуревич // Вопросы психологии.—1982.—№1.—С. 9—18.
57. Гуревич К. М. Что такое психологическая диагностика? / К. М. Гуревич.—М., 1985. — 316 с.
58. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении / В. В. Давыдов.—М., 1972. — 346 с.
59. Давыдов В. В. К проблеме соотношения конкретных и абстрактных знаний в обучении / В. В. Давыдов // Вопросы психологии.—1968.—№ 6.—С. 115—121.
60. Давыдов В. В. Проблемы обобщения в трудах Л. С. Выготского / В. В. Давыдов // Вопросы психологии.—1966.—№ 6.—С. 35—44.
61. Дружинин В. И. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы / В. И. Дружинин.—Саратов, 1990. — 412 с.
62. Дэйвисон М. Многомерное шкалирование / М. Дэйвисон.—М., 1988.
63. Дюран Н. Кластерный анализ / Н. Дюран, П. Оделл.—М., 1977.
64. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике.—М., 1960.—Вып. 1.
65. Ермолаев Б. А., Петренко В. Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах / Б. А. Ермолаев, В. Ф. Петренко // Структуры познавательной деятельности.—Владимир, 1976.
66. Жамбю М. Иерархический кластер-анализ и соответствия / М. Жамбю.—М., 1988.
67. Желвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В. И. Желвис / Национально-культурная специфика речевого поведения.—М., 1977.
68. Журавлев А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев.—М., 1981.
69. Забродин Ю. М. Проблемы разработки практической психологии (о

- научных основах психологической службы) / Ю. М. Забродин // Психол. журн.—1980.—№ 2.—Т. 1.—С. 5-18.
70. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. / А. В. Запорожец.—М., 1986.—Т. 1.
71. Зейгарник Б. В. Патология мышления / Б. В. Зейгарник.—М., 1962. —522 с.
72. Зейгарник Б. В. Теория личности / Б. В. Зейгарник; под ред. К. Левина.—М., 1981.
73. Зельц О. Законы продуктивной и репродуктивной духовной деятельности /О. Зельц // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления.—М., 1981.—С. 98—110.
74. Зинченко В. П. Исследование визуального мышления / В. П. Зинченко, В. М. Мунипов, В. М. Гордон // Вопросы психологии.—1973.—№2.
75. Зинченко В. П. Формирование зрительного образа / В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес. — М., 1969. — 177 с.
76. Зинченко В. П. Проблема объективного метода в психологии / В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. — 1977. — №7.
77. Иберла К. Факторный анализ / К. Иберла. — М., 1980.
78. Иванов В. В. Значение идеи М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики / В. В. Иванов // Труды по знаковым системам. — Тарту. — 1973. — Т. 6.
79. Ильясов И. И. Психологические и физиологические методы психолингвистического исследования / И. И. Ильясов // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
80. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка / Ю. Н. Караулов. — М., 1981.
81. Келли Дж. Психология личности : психология личностных конструкторов / Дж. Келли. — СПб., 2000.
82. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. А. Климов. — М., 1995.

83. Клименко А. П. К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов / А. П. Клименко // Семантическая структура слова. — М., 1971.
84. Козлова И. Н. Личность как система конструктов: некоторые вопросы психологической теории Дж. Келли / И. Н. Козлова // Системные исследования. — М., 1975.
85. Кон И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. — М., 1978.
86. Коссов Б. Б. Актуальные проблемы и перспективы развития психодиагностики / Б. Б. Коссов // Психол. журн. — 1985. — № 4. — С. 12 — 24. — Т. 6.
87. Краткий психологический словарь. — М., 1985.
88. Круусвалл Ю. О. О надежности методики семантического дифференциала / Ю. О. Круусвалл // Человек. Среда. Пространство. — Тарту, 1974.
89. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. — М., 1995.
90. Левандовский Н. Г. О корректности применения факторного анализа / Н. Г. Левандовский // Вопросы психологии. — 1980. — №5.
91. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. — М., 1977.
92. Леонтьев А. А. Знак и деятельность / А. А. Леонтьев // Вопросы философии. — 1975. — № 2. — С. 16—21.
93. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — С. 20—36.
94. Леонтьев А. А. Психолингвистика / А. А. Леонтьев. — Л., 1967.
95. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языковых знаков / А. А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976.
96. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. — М., 1971.

97. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. — Тарту, 1974.
98. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности / А. А. Леонтьев. — М., 1965.
99. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — М., 1969. — 408 с.
100. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М., 1975. — 186 с.
101. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. — М., 1983. — 378 с.
102. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. — М., 1971.
103. Леонтьев А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Московского университета. — № 2. — 1979. — (Сер. 14: Психология).
104. Леонтьев А. Н. Философия психологии / А. Н. Леонтьев. — М., 1994.
105. Леонтьев Д. А. Личностный смысл и трансформации психического образа / Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. — 1988. — № 2 (Сер. 14: Психология).
106. Логико-гносеологические и методологические проблемы диагноза. — М., 1986. — 116 с.
107. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. — М., 1984. — 420 с.
108. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А. Р. Лурия. — М., 1974.
109. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. — М., 1975.
110. Лурия А. Р. Речь и мышление / А. Р. Лурия. — М., 1975.
111. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — М., 1979. — 332 с.
112. Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виноградова // Семантическая структура слова. — М., 1971.
113. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах

- Маркса / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. — 1969. — № 6.
114. Максименко С.Д. Теория и практика психолого-педагогического исследования / С. Д. Максименко. — К., 1990. — 239 с.
 115. Максименко Ю.Б. Цветовая символика в экспериментально-психологических исследованиях / Ю. Б. Максименко. — Донецк, 1997. — 81 с.
 116. Мастеров Б. М. Экспериментальное исследование семантических аспектов механизма «встречного порождения» при понимании речевого высказывания / Б. М. Мастеров, В. А. Перов // Вопросы психологии познавательной деятельности. — М., 1980. - С. 80—92.
 117. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст» / И. А. Мельчук. — М., 1974. — 223 с.
 118. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст» / И. А. Мельчук. — М., 1995. — 198 с.
 119. Митина О. В., Михайловская И. Б. Факторный анализ для психологов / О. В. Митина, И. Б. Михайловская. — М., 2001.
 120. Налимов В. В. Вероятностная модель языка / В. В. Налимов. — М., 1974.
 121. Общая психодиагностика / [под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина]. — М., 1987. — 304 с.
 122. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1991.
 123. Окунь Я. Факторный анализ / Я. Окунь. — М., 1974.
 124. Олсон Д. Р. О стратегии построения понятий / Д. Р. Олсон // Исследование развития познавательной деятельности. — М., 1971. — С.73 — 76.
 125. Орел В.Е., Сенин М.Г. Основы психодиагностики : учебное пособие / В. Е. Орел, М. Г. Сенин. — Ярославль : НПЦ «Психодиагностика», 2005. — 68 с.
 126. Осгуд Ч., Суси Дмс., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд, Дмс. Суси, П. Танненбаум // Семиотика и

- искусствометрия. — М., 1972.
127. Петренко В. В. Психосемантика сознания / В. В. Петренко. — М., 1988.
 128. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. — М., 1983. — 256 с.
 129. Петренко В. Ф. Динамика семантического поиска / В. Ф. Петренко. // Исследование рече-мыслительной деятельности. — Алма-Ата, 1974.
 130. Петренко В. Ф. Идеи Л. С. Выготского и теория глубинных семантических ролей / В. Ф. Петренко // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 68 — 85.
 131. Петренко В. Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа / В. Ф. Петренко // Восприятие и деятельность. — М., 1976.
 132. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. — СПб., 2005. — 480 с.
 133. Петренко В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики / В. Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990 — С. 12 — 20.
 134. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета) / В. Ф. Петренко. — М., 1997.
 135. Петренко В. Ф. Психосемантические исследования мотивации / В. Ф. Петренко // Вопросы психологии. — 1983. — № 3.
 136. Петренко В. Ф. Психосемантический подход к исследованию индивидуального и общественного сознания / В. Ф. Петренко // Перспективы развития гуманитарных наук в Московском университете. — М., 1996.
 137. Петренко В. Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания / В. Ф. Петренко // Вопросы психологии. — 1982. — № 5.

138. Петренко В. Ф., Василенко С. В. О перцептивной категоризации / В. Ф. Петренко, С. В. Василенко // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1977. — № 1.
139. Петренко В. Ф. Влияние аффекта на семантическую организацию значений / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко, А. А. Нистратов // Текст как психолингвистическая реальность. — М., 1982. — С. 41 — 49.
140. Петренко В. Ф. К проблеме понимания речевого высказывания / В. Ф. Петренко, Б. М. Мастеров // Самосознание, речь и мышление. — Алма-Ата, 1981. — С. 150 — 166.
141. Петренко В. Ф. Семантическое пространство политических партий России / В. Ф. Петренко, О. В. Митина // Психологический журнал. — 1991. — № 6.
142. Петренко В. Ф. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики / В. Ф. Петренко, А. А. Нистратов // Исследование проблем речевого общения. — М., 1979.
143. Петренко В. Ф., Нистратов А. А., Хайруллаева Л. М. Исследование семантической структуры образной репрезентации методом невербального семантического дифференциала / В. Ф. Петренко, А. А. Нистратов, Л. М. Хайруллаева // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1980. — № 2.
144. Петренко В. Ф. Метод классификации как экспериментальный подход к семантике изобразительного знака / В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, А. А. Нистратов // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1978. — № 4.
145. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью / А. В. Петровский, В. А. Петровский // Вопросы философии. — 1982. — № 3. — С. 35 — 40.
146. Петровский В. А. К психологии активности личности / В. А. Петровский // Вопросы психологии. — 1975. — № 3.
147. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности /

- В. А. Петровский. — Феникс : Ростов-на-Дону, 1996. — 512 с.
148. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1984. — № 4. — С. 10 — 15.
 149. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. — М., 1969.
 150. Пиаже Ж. Как дети образуют математические понятия / Ж. Пиаже // Вопросы психологии. — 1966. — № 4.
 151. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. — М., 1994. — 344 с.
 152. Платон. Собр. соч. : в 3 т. / Платон. — М., 1968. — Т. 2.
 153. Попов А. С. Очерки методологии клинического мышления / А. С. Попов, В. Г. Кондратьев. — Л., 1972.
 154. Поспелов Д. А. Мышление и автоматы / Д. А. Поспелов, В. Н. Пушкин. — М., 1972. — 420 с.
 155. Похилько В. И. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности / В. И. Похилько, Е. О. Федотова // Вопросы психологии. — 1984. — № 3.
 156. Психодиагностика: теория и практика / под ред. Н. Ф. Талызиной. — М., 1986. — 324 с.
 157. Психологическая диагностика / Под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. — СПб.: Питер, 2003. — 652 с.
 158. Рукавишников А.А. Шкала эмоциональной возбудимости. Руководство / А. А. Рукавишников, М. В. Соколова — Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. — 22 с.
 159. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 1999. — 720 с.
 160. Русина Н. А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений / Н. А. Русина // Вопросы психологии. — 1981. — № 1.
 161. Серкин В.П. Пять определений понятия и схема функционирования образа мира / В. П. Серкин // Вестник Московского университета (Сер. 14:

- Психология). — 2006. — № 1. — С. 14 — 19.
162. Серкин В.П. Методы психосемантики : учебное пособие для студентов ВУЗов / В. П. Серкин. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 207 с.
 163. Серкин В.П. Определение понятия «образ мира» / В. П. Серкин // Психология субъективной семантики в фундаментальных прикладных исследованиях. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — С. 58 — 67.
 164. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. — СПб. , 2000.
 165. Слобин Д., Грин Д. Психоллингвистика / Д. Слобин, Д. Грин. — М., 1976.
 166. Словарь практического психолога. — Минск, 1998.
 167. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1981. — № 2.
 168. Соколов А. И. Внутренняя речь и мышление / А. И. Соколов. — М., 1968. — 326 с.
 169. Солсо Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. — СПб. : Питер, 2002. — 592 с.
 170. Столин В. В. Построение зрительного образа при псевдоскопическом восприятии / В. В. Столин // Вопросы психологии. — 1972. — № 6.
 171. Столин В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. — М., 1983.
 172. Столин В. В., Кальвиньо М. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании / В. В. Столин, М. Кальвиньо // Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1982. — № 3.
 173. Стоценко А. П. Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания / А. П. Стоценко// Вестник Московского университета (Сер. 14: Психология). — 1987. — № 3. — С. 22 — 26.
 174. Стрелков Ю.К. Временная связность образа мира / Ю. К. Стрелков // Психология субъективной семантики в прикладных и фундаментальных исследованиях. — М. : Изд-во МГУ, 2000.
 175. Тихомиров О. К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии / О. К. Тихомиров // Психологические механизмы целеобразования. — М.,

- 1977.
176. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека / О. К. Тихомиров. — М., 1969.
 177. Тихомиров О. К., Виноградов О. Е. Эмоции в функции эвристик / О. К. Тихомиров, О. Е. Виноградов // Психологические исследования. — М., 1969. — С. 115 — 122.
 178. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси, 1961.
 179. Уорф Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960.
 180. Ушакова Т. Н. Аспекты исследования семантики слова / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлов // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 5.
 181. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
 182. Франселла Ф., Банчистер Д. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Банчистер. — М., 1987.
 183. Фурман А.В. Ідея професійного методологування: Монографія. — Тернопіль: Екон. думка, 2007. — 187 с.
 184. Фурман А. Модульно-розвивальна організація миследіяльності — схема професійного методологування // Психологія і суспільство. — 2005. — .4. — С. 40–69.
 185. Фурман А. Обґрунтування системи базових концептів психологічної діагностики // Психологія і суспільство. — 2007. — .4. — С. 39-55.
 186. Хомская Е. Д. и др. Нейропсихология индивидуальных различий / Е. Д. Хомская. — М., 1996. — 486 с.
 187. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. 2.
 188. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применения) Л. Хьелл, Д. Зиглер. — СПб. : Питер Ком, 1998.
 189. Черны В. Психодиагностика в социалистических странах / В. Черны. —

Братислава, 1983.

190. Чуприкова Н. И. Сознание как высшая расчлененная и системноупорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы / Н. И. Чуприкова // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 6.
191. Шамарин П. И. Некоторые вопросы методологии диагноза / П. И. Шамарин. — Саратов, 1969. — 108 с.
192. Шванцара И. Диагностика психического развития / И. Шванцара. — Прага, 1978. — 388 с.
193. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социалингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. — М., 1978.
194. Швырев В. С. Знак и деятельность / В. С. Швырев. — М., 1970.
195. Шерозия А. Б. К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории / А. Б. Шерозия. — Тбилиси, 1973. — Т. 2.
196. Шмелев А. Г. Об устойчивости факторной структуры личностного семантического дифференциала / А. Г. Шмелев // Вестник Московского университета (Сер.: Психология). — 1982. — № 2.
197. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. — М., 1983. — 428 с.
198. Шмелев А. Г. Многомерный статистический анализ в межкультурных и дифференциально-психологических исследованиях субъективного лексикона / А. Г. Шмелев. // Статистические методы в общественных науках. — М., 1982.
199. Шмелев А. Г. Многослойность субъективной семантики и трудности её «расслоения» / А. Г. Шмелев. // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях. — М. : Смысл, 2000. — С. 18 — 25.
200. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелев. — М., 2002.

201. Шмелев А. Г. Психологическая обусловленность индивидуальных различий в понимании значения слова / А. Г. Шмелев // Исследование проблемы речевого общения. — М., 1979.
202. Шмелев А. Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика : объектная и субъектная парадигмы анализа данных / А. Г. Шмелев // Вопросы психологии. — 1982. — № 5.
203. Шмелев А. Г., Похилько В. И. Экспериментальный подход к построению базисного семантического словаря личностных черт / А. Г. Шмелев // Вестник Московского университета (Сер.: Психология). — 1985. — № 3.
204. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев.—М., 1973. — 156 с.
205. Шмелев А. Г. Практикум по экспериментальной психосемантике (Тезаурус личностных черт) / А. Г. Шмелев, В. И. Похилько, А. Ю. Козловская-Тельнова.—М., 1988. — 88 с.
206. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике.—Л., 1958.—Т. 1.
207. Щедровицький Г. Методологічна організація сфери психології // Психологія і суспільство. — 2000. — .2. — С. 6–24.
208. Эткинд А. М. Цветовой тест и его применение в исследовании больных неврозами / А. М. Эткинд // Социально-психологические исследования в психоневрологии.—Л., 1980.
209. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг // -Киев: Air Land, 1994. — 456 с.
210. Bannister D. The genesis of schizophrenic thought disorder // British Journal of Psychiatry. 1963. V. 109.
211. Deese J. The structure of association in language and thought. Baltimore, 1965.
212. Dixon D., Horton D. Verbal Behaviour and General Behaviour Theory. N.Y., 1968.
213. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1963.

214. McNeil D. The Acquisition of Language. N.Y., 1970.
215. Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. 1962. V. 17.

Приложение А

Прогноз-3. ОПРОСНИК

Внимательно читайте каждое утверждение. В маленьком БЛАНКЕ ДЛЯ ОТВЕТОВ, в клеточке рядом с номером этого утверждения поставьте (+), если согласны, (-), если не согласны, или вопросительный знак (?), если не можете ответить однозначно.

1. Если кто-то говорит глупости, я не стану его поправлять
2. Большинство пожилых женщин – противные
3. Мне скучно долго делать одно и то же
4. Мне нравится острая пища
5. Я уверен, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь
6. Иногда я записываю, что и когда надо сделать
7. Перед неизбежной дракой мне обычно хочется, чтобы она уже началась скорее
8. Бывало, что при обсуждении некоторых вопросов я, не особенно задумываясь, соглашался с мнением других
9. Чем проще задача – тем лучше
10. Я обычно нервничаю, если опаздываю
11. Дорогие вещи всегда лучше
12. Первое свидание с девушкой интереснее, чем третье
13. Когда что-то происходит слишком быстро, мне это не нравится
14. Бывает, я откладываю на завтра то, что можно было бы сделать сегодня
15. Мой город нравится мне больше, чем любой другой
16. Некоторых людей я настолько не хочу видеть, что не хожу туда, где они бывают
17. Если кассир пересчитывает деньги слишком быстро, он может обмануть
18. Бывает, что я сержусь
19. Умных людей меньше, чем глупых
20. В большинстве случаев дела, которые поначалу кажутся лёгкими, потом оказываются тяжёлыми

21. Бывало, что я говорил о вещах, в которых не разбираюсь
22. Мне нравятся непредсказуемые девушки
23. Я злюсь, если забываю, куда положил какую-то вещь
24. Я предпочитаю не оказываться на большой высоте
25. Иногда я понимаю, что проблемы несерьёзные, но всё равно волнуюсь
26. Среди моих знакомых есть люди, которые мне не нравятся
27. Политика – очень грязное дело
28. Плохих людей в мире больше, чем хороших
29. Иногда случалось так, что я опаздывал на работу или свидание
30. Рядом с сильными людьми спокойнее
31. Если я из-за кого-то «прокололся», обязательно его накажу
32. Дорогие вещи привлекают меня больше, чем дешёвые
33. Бывали случаи, когда я не выполнял своих обещаний
34. Про некоторых людей моё мнение успело несколько раз поменяться за время знакомства
35. Я стараюсь избегать слишком «горячих» ситуаций
36. Я не всегда отвечал на письма сразу после прочтения
37. От людей, которые способны вывести из себя, лучше держаться подальше
38. Большинство моих друзей – горячие парни
39. Иногда я говорю неправду
40. Сейчас я волнуюсь

Спасибо, что ответили на все вопросы!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Прогноз-3. БЛАНК ДЛЯ ОТВЕТОВ

Внимательно читайте каждое утверждение в ОПРОСНИКЕ. Здесь, в бланке для ответов, в клеточке с номером этого утверждения поставьте (+), если согласны, (-), если не согласны, или вопросительный знак (?), если не можете ответить однозначно.

1		6		1		1		2		2		3		3	
				1		6		1		6		1		6	
2		7		1		1		2		2		3		3	
				2		7		2		7		2		7	
3		8		1		1		2		2		3		3	
				3		8		3		8		3		8	
4		9		1		1		2		2		3		3	
				4		9		4		9		4		9	
5		1		1		2		2		3		3		4	
		0		5		0		5		0		5		0	

*Проверьте, не осталось ли пустых клеток. **Спасибо!***